

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

189

КАМЕННЫЙ ВЕК

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

189

КАМЕННЫЙ ВЕК

Ответственный редактор
доктор исторических наук
И. Т. КРУГЛИКОВА

МОСКВА «НАУКА» 1987

Сборник содержит новые данные, полученные в результате археологических раскопок на памятниках периода каменного века. В статьях, написанных ведущими специалистами, освещаются проблемы первобытной археологии. Исследуются и публикуются интересные материалы главным образом эпохи палеолита и мезолита.

Редакционная коллегия:

О. С. ГАДЗЯСКАЯ (ответственный секретарь),
Н. Н. ГУРИНА, А. Н. КИРПИЧНИКОВ (зам. ответственного редактора),
Ю. А. КРАСНОВ, В. В. КРОПОТКИН,
И. Т. КРУГЛИКОВА (ответственный редактор),
В. П. ЛЮБИН, В. М. МАССОН, Н. Я. МЕРПЕРТ, Р. М. МУНЧАЕВ,
В. В. СЕДОВ (зам. ответственного редактора),
Д. Б. ШЕЛОВ

Рецензенты:

А. Д. СТОЛЯР, П. И. БОРИСКОВСКИЙ

Каменный век

КСИА, вып. 189

Утверждено к печати ордена Трудового Красного Знамени
Институтом археологии Академии наук СССР

Редактор издательства Г. Н. Улуян. Художественный редактор Н. Н. Власик
Технические редакторы Т. С. Жарикова, М. Ю. Соловьева
Корректоры Т. М. Ефимова, М. Ф. Сафонова

ИБ № 36090

Сдано в набор 22.10.86. Подписано к печати 15.12.86. А-04457. Формат 70×108¹/₁₆. Бумага книжно-журнальная. Импортная. Гарнитура литературная. Печать высокая
Усл. печ. л. 9,8. Усл. кр. отт. 10,15. Уч.-изд. л. 10,2. Тираж 1900 экз. Тип. зак. 5042.
Цена 1 ф. 50 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука» 117864, ГСП-7, Москва В-485
Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука». 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

СТАТЬИ

М. В. АНИКОВИЧ

НОВАЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ НАХОДКА
В СЕЛЕ КОСТЕНКИ.
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В 1983 г. в ходе раскопок 1-го культурного слоя Волковской позднепалеолитической стоянки (Костенки 12) был обнаружен почти целый скелет новорожденного младенца. Кости были изучены М. М. Герасимовой, подготовившей публикацию антропологических характеристик этой находки. Моя статья посвящена иному, археологическому аспекту, являющемуся в данном случае весьма любопытным.

Скелет младенца был обнаружен в процессе исследования верхних участков мыса, на котором расположен памятник. Эти исследования ведутся с 1979 г. в районе шурфа, заложенного А. Н. Рогачевым в 1958 г. (рис. 1, А). За это время установлено стратиграфическое положение 1-го культурного слоя на данном участке, особенности распределения его материалов, их характеристика, а также характер деформаций, которые претерпели культурные остатки.

Для характеристики стратиграфического положения 1-го культурного слоя приведем описание верхней части разреза, вплоть до литологического горизонта, подстилающего этот слой. Описание проводится по восточной стене раскопа (рис. 1, Б). 1. Строительный горизонт: остатки хаты с глинобитным полом — 0,5 м. 2. Современная почва: остатки горизонта А, горизонт В — 0,8—1,0 м. 3. Светло-бурый суглинок, содержит редкую меловую крошку, пронизан лжемицелием. Нижний контакт нечеткий — 0,5 м. 4. Суглинок коричнево-бурый, гумусированный (?), пронизан лжемицелием — 0,2—0,3 м. 5. Суглинок буровато-палевый, слоистый, включает линзы белесого мергелистого суглинка, за счет увеличения которых к низу светлеет. Содержит большое количество меловой крошки, стянутой в линзы, длинные, тонкие, падающие вниз по склону мыса — 0,7—1,0 м. В основании горизонта 5 залегают отдельные крупные кости мамонта и лошади (так называемый «верхний горизонт находок»). 6. Верх верхней гумусированной толщи: коричневатобурый суглинок с отдельными линзочками интенсивной гумусированности, в основании более мощными — 0,1—0,3 м. 7. Средняя часть верхней гумусированной толщи: буровато-серый, гумусированный, неяснослоистый суглинок. К низу слоистость увеличивается за счет внедрения линз палевого и белого мергелистого суглинка, наиболее выраженные из которых четко фиксируют основание 1-го культурного слоя, включенного в данный литологический горизонт и не распространяющегося за его пределы. По всему горизонту отмечается меловая крошка, не стянутая в линзы. В нижней части — пятна ожелезненности — 0,4—0,6 м. 8. Основание верхнего гумуса: чередование линз черного и интенсивно гумусированного, рыжевато-коричневого и серого среднегумусированного суглинков, а также линз белого мергелистого суглинка, внедряющихся из горизонта 9. Обогащен меловой крошкой, не стянутой в линзы, — 0,3—0,4 м. Ниже по склону мыса к черным линзам горизонта 8 приурочены остатки культурного слоя 1а.

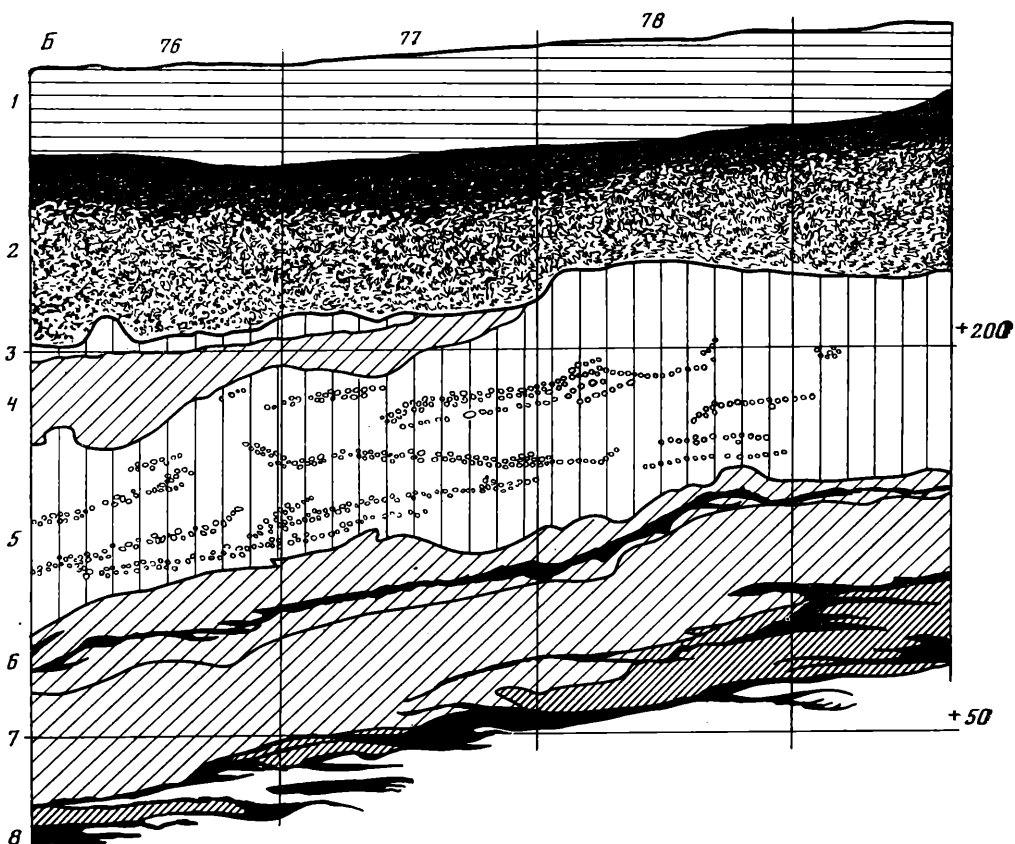
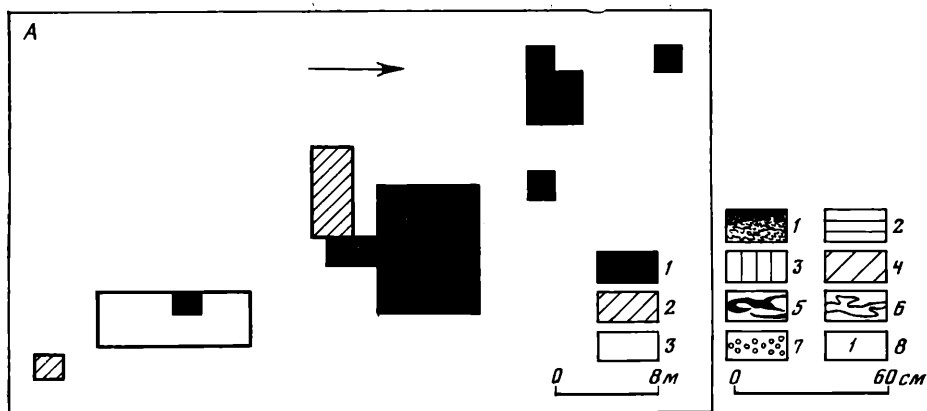

Рис. 1. Основные раскопы и шурфы на Костенках 12

А — схема: 1 — 1960-е годы; 2 — 1970-е годы; 3 — 1980-е годы; Б — часть разреза восточной стены раскопа 1979—1984 гг.: 1 — современная почва; 2 — строительный горизонт; 3 — лессовидный суглинок; 4 — гумусированный суглинок; 5 — линзы интенсивной гумусированности; 6 — линзы мергелистого суглинка; 7 — меловая крошка; 8 — порядковые номера стратиграфических горизонтов

Таким образом, 1-й культурный слой связан только с горизонтом 7 — средней частью верхней гумусированной толщи. Слой представлен осколками и целыми костями, в том числе анатомическими группами, принадлежащими преимущественно лошади, каменными изделиями, редкими костяными поделками, отдельными древесными угольками, взвешенными во вмещающей породе и не образующими скоплений. Пятна охры крайне редки. Скоплений чешуек, золисто-углистой массы не обнаружено ни здесь, ни на нижележащих участках мыса. По вертикали находки распределены неравномерно. Большинство их сосредоточено в нижней

трети горизонта 7, причем основание 1-го культурного слоя является очень четким и совпадает с основанием горизонта 7. Здесь, на поверхности линз палевого и мергелистого суглинка различной плотности, частично внедряясь в них, залегают самые крупные находки: целые кости лошади и мамонта, анатомические группы костей, крупные желваки кремня, кварцита и диорита. Верхняя граница культурного слоя нечеткая, находки выклиниваются постепенно, и в горизонте 6, представляющем верх верхней гумусированной толщи, они вовсе отсутствуют.

Такое положение культурных остатков позволяет утверждать, что основание 1-го культурного слоя является древним горизонтом обитания людей, оставивших этот слой, и одновременно горизонтом его первоначального размыва. Вышележащие находки накопились в процессе последующего постепенного сноса культурных остатков вместе со вмещающей их породой с вышележащих участков мыса.

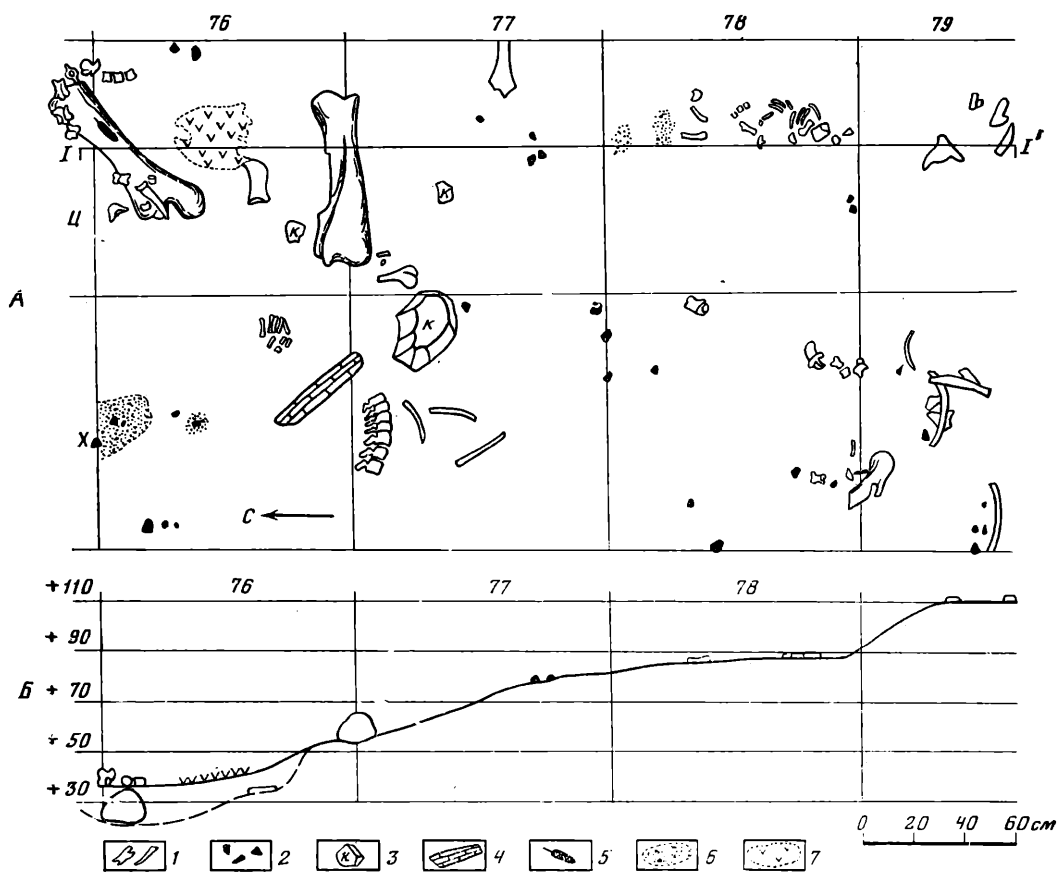
Четко фиксируется участие делювиальных процессов в переотложении 1-го культурного слоя. Особенно это заметно при расчистке его основания, когда можно проследить направления отдельных потоков, по которым шел разрыв, «омуты», где скапливался материал: мелкие костяные обломки и кремни обычно сосредоточивались у крупных костей. Отмечалась развернутость длинных костей лошади по склону мыса. Размытостью слоя водными потоками можно объяснить и почти полное отсутствие охристых и углисто-золистых скоплений, как и скоплений кремневых чешуек. Показательно наличие на кв. ц-76 четко локализованного пятна прокаленного суглинка (видимо, дно очага) при отсутствии над ним всяких следов очажной массы (рис. 2, А).

Степень участия солифлюкционных процессов в переотложении 1-го культурного слоя не ясна. В этой связи обращает на себя внимание относительно равномерное распределение меловой крошки в породе, содержащей культурные остатки. Промоины, заполненные обломочным материалом, фиксировались только на нижних участках мыса. В разрезах постоянно наблюдается вздернутость языков гумуса, в направлении, противоположном склону мыса и вверх. Вспучивание нижележащего белого очень плотного мергелистого суглинка, иногда внедряющегося в горизонт 7, также не может объясняться делювиальными процессами. Иногда можно предполагать гравитационное смещение целого пласта породы с остатками следов первоначального обитания и наложение его на те же следы, находящиеся ниже по склону. Так, под уже упомянутым пятном обожженного суглинка расчищены находки того же 1-го слоя, в том числе локтевая кость мамонта и фрагмент обработанной лопатки лошади (рис. 2, А, Б). Однако здесь возможно и иное объяснение: нижележащие кости находятся в естественной западине (естественной, поскольку ее борта и дно подчеркиваются линзами интенсивной гумусированности горизонта 8, сформировавшегося до отложения 1-го культурного слоя). Не исключено, что костер, от которого осталось прокаленное пятно, горел здесь *in situ* после того, как западина вместе с находившимися в ней костями была засыпана или замята, сравнявшись с древней дневной поверхностью еще в процессе обитания людей, оставивших 1-й культурный слой.

Сколько-нибудь выраженных вертикальных смещений находок этого слоя не наблюдалось.

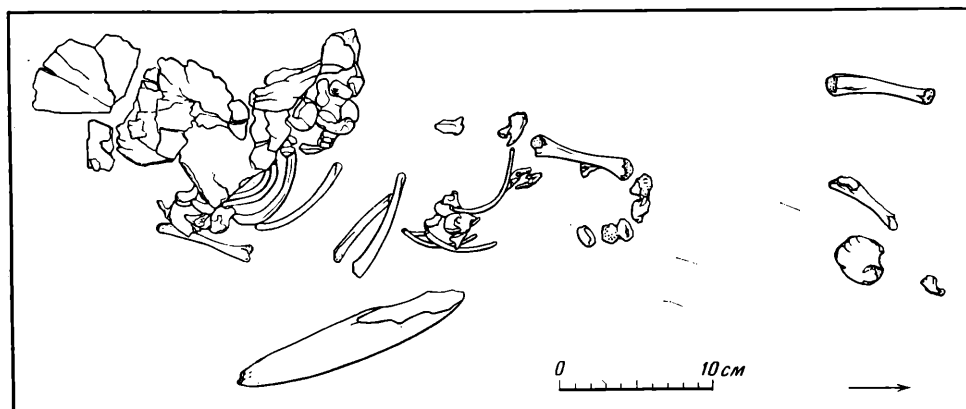
Таким образом, несмотря на спорные моменты, касающиеся характера процессов деформации 1-го культурного слоя, несомненно, что слой не был полностью переработан этими процессами. Особое значение имеет его основание, фиксирующее древнюю поверхность обитания, и одновременно поверхность первоначального размыва культурного слоя. Именно на этом уровне могли сохраниться непереотложенные или слабо переотложенные остатки поселения. Рассмотрим в этой связи положение скелета младенца.

Этот скелет был обнаружен на кв. ц-78, в его юго-восточной четверти, на уровне основания культурного слоя (рис. 2, А, Б). Хотя кости

Рис. 2. План и профиль основания культурного слоя 1

А — основание 1 культурного слоя на кв. хц-76—79; Б — профиль основания 1 культурного слоя по линии 1—1; 1 — кости; 2 — кремни; 3 — осколки камней; 4 — бивневая пластина; 5 — орудия из кости; 6 — охристые пятна; 7 — пятно обожженного суглинка

Рис. 3. Скелет новорожденного младенца

нижних конечностей были несколько смещены склоновыми процессами, а череп развален, все же скелет сохранил порядок, настолько близкий к анатомическому, что можно было определить его положение: на спине, несколько завалившись на правый бок (рис. 3). Взятый монолитом костяк был расчищен окончательно и изучен М. М. Герасимовой в лабора-

торных условиях. Произведенная мною впоследствии расчистка поверхности, на которой лежали кости, не дала никаких признаков ее преднамеренной подготовки: охра, угольки, обожженность суглинка и тому подобные явления отсутствуют. Нет оснований говорить и о сопровождающем инвентаре: на кв. ц-78 встречались отдельные осколки костей и редкие кремневые отщепы без вторичной обработки, залежавшие несколько выше костей скелета, но нет никаких оснований рассматривать их как единый погребальный комплекс. Следует лишь отметить, что на границе кв. ц-77, 78 на уровне основания культурного слоя встречалась слабая охристость, включавшая около десятка кремневых чешуек.

По данным М. М. Герасимовой, были собраны следующие кости скелета: фрагменты свода черепа, барабанные части височных костей, фрагменты основания, обломок лобной и скуловой, правая бедренная, обе большие берцовые, правая локтевая и лучевая, ключица, обе лопатки, левая подвздошная кость, обломки ребер, две плюсневые кости. На основании их изучения М. М. Герасимова пришла к выводу, что найденный на Костенках 12 скелет принадлежит новорожденному младенцу (около 10 дней от роду) с длиной тела 46—48 см.

Итак, хотя ребенок, скончавшийся в столь раннем возрасте, был оставлен прямо на дневной поверхности, имевшей к тому же весьма крутой склон (рис. 2, Б), хотя поверхность эта подвергалась интенсивному размыву, — скелет новорожденного сохранился почти полностью и в почти не потревоженном состоянии! Его не растащили звери, не разнесло склоновыми процессами, достаточно мощными для того, чтобы тут же, на соседних участках, отрывать и смещать отдельные части позвоночников и стопных групп, принадлежащих взрослым лошадям. Этому может быть лишь одно объяснение: труп младенца, лежавший на поверхности, был чем-то прикрыт, что и спасло его от полного разрушения и уничтожения.

Какого рода было это прикрытие — мы не знаем. В разрезах раскопов 1982—1984 гг., находящихся на расстоянии 1 м друг от друга, в непосредственной близости от скелета, не было зафиксировано никаких следов искусственной засыпи — костяк перекрывала обычная неясно-слоистая толща гумусированных отложений горизонта 7. Засыпь могла быть почти полностью размытой склоновыми потоками, сместившими заодно и кости нижних конечностей скелета. Упомянутые охристые пятна с чешуйками, возможно, являются остатками засыпи. Возможны и иные варианты перекрытия каким-то органическим материалом (шкуры, ветви), предохранившим скелет до того, как в результате склоновых процессов на древнюю дневную поверхность налегли пласты гумусированного суглинка, а впоследствии полностью истлевшим.

Как же ответить на главный вопрос, неизбежно встающий перед археологом, столкнувшимся с подобной находкой: является ли положение скелета в слое случайным, или же это преднамеренное погребение? Положение костяка может трактоваться как случайное в том случае, если погребение его на поверхности было очень быстрым, одновременным (иначе скелет бы не сохранился), но не преднамеренным. Подобное могло произойти вследствие несчастного случая, например, падения какого-то сооружения, внутри которого или под которым находился ребенок. Принимая такую гипотезу, придется одновременно допустить, что жившие здесь люди остались по какой-то причине совершенно безучастными к случившемуся. Конечно, при желании можно найти разумное объяснение и такому безразличию, предположив, например, какое-то катастрофическое событие, хотя бы вражеское нападение, или же сослаться на своеобразие первобытной психологии. Но таким образом получается, что предположение о случайном, непреднамеренном захоронении младенца неизбежно влечет за собой ряд допущений, не проверяемых археологически. Избегая введения таких «дополнительных сущностей», приходим к выводу, что наиболее приемлемой интерпретацией скелета младенца, объясняющей его сохранность в конкретных условиях переот-

ложенного на крутом склоне культурного слоя, является признание его преднамеренным погребением, осуществленном на древней дневной поверхности, без сохранившихся следов погребального ритуала.

Участок, на котором находился скелет, относится к южной окраине поселения, примерно в 2,5 м к юго-западу от кв. ц-78, где культурный слой резко обрывается и далее к югу практически отсутствует. Соседние с кв. ц-78 участки слоя изучены с трех сторон: с севера, запада и юга. С южной и западной сторон (кв. х-78, 79, ц-79; рис. 2, А) на уровне основания культурного слоя были расчищены лишь отдельные обломки костей. Наиболее интересные находки были сделаны к северу и северо-западу от скелета. На кв. х-76, 77 расчищены крупный осколок диорита со следами расщепления, анатомическая группа из семи позвонков лошади, бивневая пластина, кисть волка, сохраняющая близкий к анатомическому порядок, и слабые охристые пятна (рис. 2, А). На кв. ц-76, 77 уровень древней дневной поверхности определяется положением большой берцовой кости мамонта, пятна прокаленного суглинка, группы позвонков, часть которых несколько смещена, и утративших анатомический порядок костей стопы лошади (рис. 2, А, Б). Исследованию 1-го культурного слоя с восточной стороны от скелета мешает хата.

Таким образом, помимо того, что скелет младенца находился на окраине поселения, пока нельзя сказать ничего определенного относительно специфики этого участка по сравнению с другими частями 1-го культурного слоя. Нельзя даже ответить на вопрос — находился ли скелет внутри какого-то жилого сооружения (особенности основания 1-го слоя на кв. хц-76, 77 не исключают такую возможность) или же за его пределами. Может быть, дальнейшие исследования слоя в восточном направлении приведут к более определенным результатам, в свете которых поновому проявятся и отмеченные выше детали культурного слоя на кв. хц-76, 77.

Итак, найденный на Костенках 12 скелет новорожденного младенца следует, скорее всего, интерпретировать как остатки преднамеренного захоронения на поверхности, произведенного без археологически выраженных следов погребального ритуала. Возможность случайного (непреднамеренного) захоронения представляется, по изложенным выше соображениям, менее вероятной, хотя и не может отвергаться безоговорочно.

В археологическом отношении важность этой интересной находки определяется и тем, что она лишний раз подчеркивает особое значение основания 1-го культурного слоя Костенок 12 для изучения его в качестве остатков поселения, сохраняющих в какой-то мере его структурные особенности, несмотря на свою переотложенность.

В. Я. СЕРГИН

О СУЩНОСТИ КОСТЕНКОВСКО-АВДЕЕВСКИХ КОМПЛЕКСОВ

Комплексы костенковско-авдеевского типа столь сложны и своеобразны, что несмотря на длительное изучение остаются в некоторых важных отношениях неясными. Трудноопределима и сама их сущность. В настоящее время они с большей или меньшей уверенностью рассматриваются как части поселений. Причем в качестве поселения фигурируют и определенные памятники (Костенки 1, первый слой¹; Авдеево²) и группа близлежащих памятников (палеолитическая «деревня» в Костенках: Костенки 1, первый слой; Костенки 13; Костенки 14, первый слой; Костенки 18)³.

В последние годы сведения о костенковско-авдеевских комплексах значительно обогатились. Появилась предварительная публикация многолетних раскопок комплекса 2 Костенок 1⁴. Первый комплекс был лишен важнейших характеристик: статистики каменного инвентаря и подсчета числа особей мамонта. Теперь кремень обработан В. И. Беляевой⁵. Предпринятый мною подсчет остатков мамонта пока не удалось провести с полным использованием всех источников. Отмеченное в таблице число особей получено по данным в работах И. С. Полякова⁶, А. И. Кельсиева⁷, П. П. Ефименко⁸ и частично по архивным источникам.

П. П. Ефименко полагал, что на площадке имелись остатки нескольких сотен мамонтов⁹. В действительности их было намного меньше, но 61 — минимальное число, полученное по подсчету наиболее часто встречающихся крупных костей — лопаток мамонта (27 лопаток принадлежало левой стороне, 12 — правой, 68 — неопределенной стороне). Едва ли количество лопаток обеих сторон совпадало. По бивням подсчет дал минимум 53—55, по нижним челюстям — 27—28 особей.

Имеющиеся представления о сущности костенковско-авдеевских комплексов и содержащих их памятников носят характер высказываний. Конкретное решение данного вопроса станет возможным, видимо, не скоро. Предпринятая в связи с этим попытка составить предварительное суждение привела к несколько иному взгляду на памятники. Он вытекает из сравнения комплексов с поселениями среднеднепровского типа по ряду коренных характеристик. Из различных памятников поселения среднеднепровского типа пока наиболее пригодны для данного сопоставления, так как в обоих случаях основу хозяйства составляла охота на мамонта при относительно долговременном обитании на одном месте в условиях сухого сурового климата¹⁰. Кроме того, сведения по этим памятникам обладают необходимой полнотой.

Принципиально важным при сравнении был бы учет путей накопления костей мамонта на поселениях. По широко распространенному мнению значительная часть костей мамонта попадала на относительно долговременные поселения посредством сбора их на местах гибели животных¹¹. Однако конкретные разработки и подсчеты по данному вопросу отсутствуют, а факты свидетельствуют о многочисленности костей мамонта и ширококом применении их в строительстве на тех и других поселениях. Поэтому пока приходится допускать, что пути поступления костей мамонта на данные поселения более или менее совпадали.

Наиболее полно изученные и опубликованные поселения среднеднепровского типа, Добраничевка и Межиричи, содержали с учетом указания в последней графе таблицы примерно столько же остатков мамонта, что и Авдеево, на 1/3 больше, чем комплекс 2, и вдвое больше, чем комплекс 1, Костенок 1. Остатки около 70 мамонтов отмечены по концам бивней на целиком раскопанном Кирилловском поселении¹². Принимая во внимание сохранность и способы сбора костей на этом поселении, учтены они не все, хотя число особей, может быть, и не достигало здесь величины, зафиксированной в Добраничевке или Межиричах.

Подсчеты числа мамонтов на более фрагментарно раскопанных поселениях (к ним, вероятно, относится и Мезин) использовать труднее, поскольку экстраполировать имеющиеся данные на все поселение слишком рискованно. По небольшим и неполным данным предварительно можно заключить, что в комплексах костенковско-авдеевского типа остатков мамонта в целом имелось на треть меньше, чем на поселениях среднеднепровского типа.

Судя по таблице, единичный комплекс костенковско-авдеевского типа вполне сопоставим с Межиричами или Добраничевской по численности кремневого инвентаря в целом и по кремневым орудиям. Сопоставим он и с другими памятниками среднеднепровского типа в юго-западной части их ареала (Гонцами и Кирилловским поселением), по-види-

Таблица

Название поселения	Число жилищ	Жилая площадь, кв. м	Общее к-во кремня	К-во орудий	Число особей мамонта	Мера изученности
Костенки 1, сл. 1, компл. 1	4	>18	40 000	3711	61	Вероятно, не сохранилась одна землянка
Костенки 1, сл. 1, компл. 2	11	64	10 000	1500	55	Неполностью раскопаны 2/3 комплекса
Авдеево, компл. 1	6	33	27 000	3000	86	Раскопаны 2/3 комплекса
Межиричи	3	40	14 220	1476	109	Раскапывается еще 1 жилище. Хоз. окружение исследовано не более, чем на 1/2
Добраничевка	3	32	7 000	700	100	Отсутствуют сведения о кремне и фауне компл. 4. Жилище № 4—12 кв. м
Мезин	2	37	113126	4429	116	Возможно наличие других жилищ

тому, далеко отстоявшими от доступных источников кремня. Мезинским поселением в таблице представлена другая группа среднеднепровских памятников, на которые кремнь попадал в большом количестве.

Поскольку, по имеющимся данным, источники мелового кремня были довольно далеки от Костенок¹³ и, вероятно, от Авдеева, методически оправдано сравнение костенковско-авдеевских комплексов по кремню именно с первой группой поселений среднеднепровского типа. Различия их со второй группой, естественно, резкое по общему объему кремневого инвентаря, значительно сглаживается по количеству орудий. Вероятно, оно еще уменьшилось бы или даже сошло на нет, если бы удалось количественно выразить степень использования орудий на сопоставляемых памятниках.

В ряде работ в центральной части комплекса 1 Костенок 1 реконструируется план обширной постройки. По одному варианту жилище имело размеры 31×8 м и соединялось переходами с землянками¹⁴. По другому — в центральной части комплекса имелось изолированное жилище размером около 27×8 м¹⁵. Сложное жилое сооружение, сходное с первым вариантом костенковского, предполагается и в Авдееве по материалам комплекса 1¹⁶.

Реконструкция костенковско-авдеевских комплексов по любому варианту, очевидно, делает их жилую площадь в несколько раз большей, чем у какого-либо поселения среднеднепровского типа. Будь реконструкция прочно дозаканными¹⁷, сама постановка вопроса о том, что комплексы являлись частями поселений, едва ли была бы возможной.

Однако воспользоваться реконструкциями в качестве довода до более полного их обоснования не представляется возможным. Жилая площадь комплексов, скорее всего, имела более скромные размеры. В учете ее по комплексу 1 Авдеева и комплексу 2 Костенок 1 надежнее опираться на реально устанавливаемые остатки жилищ (табл.). Судя по ним, размеры жилой площади костенковско-авдеевских комплексов и среднеднепровских поселений были очень сходны.

Близость сопоставляемых памятников по этому признаку подводит основу для предположения об идентичности их классификационного уровня. А близость также по объему кремневого инвентаря и численности особей мамонта, т. е. в целом, очевидно, и по производственному потенциалу, позволяет еще с большей уверенностью видеть в единичных костенковско-авдеевских комплексах самостоятельные поселения.

Необходимо далее отметить, что истолкование отдельно взятого комплекса не в качестве поселения, а как его части сталкивается с некоторыми общими затруднениями. Одно из них носит социологический ха-

ракти. Суть его в следующем. Известные палеолитические поселения состоят непосредственно из жилищ или жилищно-хозяйственных комплексов. Последние представляют собой те же отдельные жилища с тяготеющими к ним хозяйственно-бытовыми объектами. В то же время единичный костенковско-авдеевский комплекс, несмотря на существенные различия в его оценке¹⁸, определяется как группа жилищ с относящимися к ним хозяйственными объектами. Это определение не нарушается тем, что, по указанному мнению некоторых исследователей, полуземлянки были связаны переходами с предполагаемым большим жилищем.

Ввиду того что характер поселений всегда соответствовал социально-экономическому укладу жизни населения и чутко реагировал на его изменения, деление палеолитических поселений непосредственно на жилища или жилищно-хозяйственные комплексы необходимо рассматривать как отражение фундаментальных особенностей социальной организации общин. Ставя в классификационный ряд между поселениями и жилищами четко отграниченные комплексы жилищ и хозяйственно-бытовых объектов, мы тем самым должны допустить и объяснить наличие некоего, связанного с комплексами социального феномена в палеолитической культуре.

Однако распространение костенковско-авдеевских комплексов весьма узкое. Они составляют лишь один, хотя и важный эпизод в развитии виллендофско-костенковских поселений и не имеют аналогов в других культурах. Предполагать у костенковцев-авдеевцев существование четко выраженных социальных структур внутри общины, отделяющих ее как целое от частей общины, обитавших в отдельных жилищах, при данных обстоятельствах едва ли правомерно.

Еще одна причина, по которой трудно согласиться с трактовкой комплексов костенковско-авдеевского типа как частей поселения — колоссальное экологическое давление, которое должны были оказывать на окружающую среду подобные поселения. Прежде всего это касается Костенок, поскольку в 4—7 комплексах (а их, вероятно, будет открыто еще больше), без риска экстраполируя имеющиеся данные, залегают остатки сотен особей одних только мамонтов.

Существование столь обширных и многолюдных поселений можно было бы предполагать при условии их непродолжительного бытования. Однако общий характер комплексов, и прежде всего многочисленность фаунистических и прочих остатков, свидетельствует об их относительной долговременности. Представляется маловероятным, что в сходных экологических условиях восточноевропейского приледниковья могли с равным успехом развиваться и сравнительно небольшие, возможно, средние по размерам полупостоянные поселения, как среднеднепровские, и такие относительно долговременные гигантские «деревни», как мыслится в Костенках. Обитателям последних уже вскоре после освоения района пришлось бы значительно увеличить дальность охотничьих путей, что сделало бы совместное проживание большого коллектива затруднительным, а затем невозможным. Наличие в костенковско-авдеевских комплексах большого количества разнообразных крупных костей, анатомических групп скелета, костей от немясистых частей туши мамонта в целом указывает на то, что охота производилась недалеко от поселений.

Таким образом, формальные сопоставления, свидетельствующие в пользу того, что костенковско-авдеевские комплексы являлись поселениями, подкрепляются и некоторыми общими соображениями. Чем же объяснить значительную концентрацию комплексов в Покровском логу с Костенки? По-видимому, высокой пригодностью местности для обитания. Подобные, хотя и не столь впечатляющие ситуации при раскопках палеолитических памятников встречаются довольно часто. Так, по 2 поселения среднеднепровского типа известны в Аносовом логу Костенок (Костенки 2 и слой 1а Костенок 11)¹⁹, в Тимоновке²⁰ и Елисеви-

чах²¹. В Юдинове несомненно наличие двух²², но вполне вероятно существование трех и более поселений.

В отмеченных группах поселения располагаются сравнительно близко друг от друга, но не сливаются и обычно занимают топографически хорошо выраженные участки. По всей вероятности, имелось немало однокультурных палеолитических поселений, располагавшихся столь близко друг от друга, что остатки их визуально не поддаются разделению. К ним относятся не только структурно аморфные крупные памятники, но и такие, на которых обнаружены жилища и иные объекты, — возможно, Павлов²³, Ушки I, слой VI²⁴, где отсутствуют явственные планировочные элементы.

Наличие узколокальных группировок однокультурных поселений, часть которых, как рассматриваемые комплексы в Костенках, определенно обнаруживают хронологическую близость и родство, свидетельствует о довольно продолжительном заселении частей ареала ряда археологических культур потомками одних и тех же общин. Оценка устойчивости заселения зависит в основном от того, как определять длительность жизни единичного поселения и период достаточного возобновления основных ресурсов в районе оставленного поселения. По имеющимся фактам приблизительно можно считать, что части ареала занимались несколькими поколениями одного и того же населения. Удлинению срока способствовало то обстоятельство, что при необходимости покинуть определенный район у общины, по всей вероятности, имелась возможность выбора нового пункта. Реализуя ее, учитывали, должно быть, не только воспроизводство ресурсов в периодически обживаемых местностях. Максимальный период, через который район мог заселяться вновь, ограничивался пределами памяти о нем руководителей общин на основе личного знакомства или рассказов предшественников.

Вероятно, поселения узколокальной группировки чаще всего возникали в результате спорадического обживания района одной и той же общиной. Но и близкородственные общины, должно быть, могли так или иначе использовать одни и те же места обитания общих предков. Со временем в силу постепенных изменений экологической и социальной ситуации в более широкой области (уменьшения количества промысловых животных, изменения путей мигрирующих копытных, переселения и вымирания общин, возникновения новых контактов и т. п.) происходило постепенное или же довольно быстрое смещение зоны продолжительного, векового обитания общин.

¹ Величко А. А., Рогачев А. Н. Позднепалеолитические поселения на Среднем Дону//Природа и развитие первобытного общества. М., 1968. С. 85; Палеолит СССР. М., 1984. С. 190.

² Гвоздовер М. Д., Григорьев Г. П. Авдеевская палеолитическая стоянка в бассейне р. Сейм//Палеоэкология древнего человека. М., 1977. С. 50, 51.

³ Величко А. А., Рогачев А. Н. Позднепалеолитические поселения... С. 86; Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. 1878—1979. Л., 1982. С. 42, 142; Аникович М. В. К проблеме синхронизации некоторых позднепалеолитических памятников Костенковско-Борщевского района//КСИА. 1983. Вып. 173. С. 19.

⁴ Палеолит Костенковско-Борщевского района... С. 26.

⁵ Беляева В. И. Кремневый инвентарь Костенок I (опыт классификации): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1979.

⁶ Поляков И. С. Антропологическая поездка в Центральную и Восточную Рос-

сию, исполненная по поручению императорской Академии наук//Приложение к XXXVII т. Зап. имп. акад. наук. СПб., 1890. № 1. С. 19—43.

⁷ Кельсиев А. И. Палеолитические кухонные остатки в с. Костенках Воронежского уезда//Древности. М., 1883. Т. IX, вып. II, III. С. 166, 167.

⁸ Ефименко П. П. Костенки I. Л., 1958. С. 27—208.

⁹ Там же. С. 331.

¹⁰ Величко А. А., Морозова Т. Д. Изменения природной среды в позднем плейстоцене по данным изучения лёссов, криогенных явлений, ископаемых почв и фауны//Палеогеография Европы за последние сто тысяч лет. М., 1982. С. 118—120.

¹¹ Рогачев А. Н. Об аносовско-мезинском типе жилищ на Русской равнине//КСИА. 1962. Вып. 92. С. 16; Шовкопляс И. Г. Добраничевская стоянка на Киевщине//МИА. 1972. № 185. С. 182.

¹² Хвойко В. В. Каменный век Среднего Приднепровья//Научный архив ИА АН

- УССР. Фонд Хвойко. № 1. Карандаш. рукоп. Л. 4; *Пидопличко И. Г.* Позднепалеолитические жилища из костей мамонта на Украине. Киев, 1969. С. 21.
- ¹³ *Борисковский П. И.* Очерки по палеолиту бассейна Дона. М.; Л., 1963. С. 166—191.
- ¹⁴ *Рогачев А. Н.* Значение и роль социальной среды в развитии культуры первобытного общества//Природа и развитие первобытного общества. М., 1969. С. 188; Палеолит СССР. С. 193. Рис. 88 Д.
- ¹⁵ *Grigor'ev G. P.* New Reconstruction of the Above-Ground Dwelling of Kostenki/Current Anthropology. 1967. Vol. 8, N 4. P. 344—349.
- ¹⁶ *Гвоздовер М. Д.* Авдеевская стоянка и ее место среди других памятников палеолита: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1958. С. 4, 5; *Рогачев А. Н.* Значение и роль социальной среды ... С. 188.
- ¹⁷ Доклад А. Н. Рогачева о предложенной им реконструкции комплекса I Костенок I, сделан на заседании Сектора палеолита ЛОИА/Архив ИА АН СССР.
- ¹⁸ Кроме отмеченных работ, см.: *Формозов А. А.* Новые работы по каменному веку СССР: Палеолит и неолит СССР//МИА. 1953. № 39. Рец./ВДИ. 1954. № 3. С. 103; *Бибилов С. Н., Ефименко П. П.* Костенки I. М., 1958. Рец./СА. 1959. № 4. С. 259; *Шовкопляс И. Г.* Мезинская стоянка. Киев, 1965. С. 273, 274; *Он же.* Хозяйственно-бытовой комплекс позднего палеолита. Его состав и назначение//БКИЧП. 1977. № 47. С. 116.
- ¹⁹ Палеолит Костеньковско-Борщевского района. С. 67—72, 120—125.
- ²⁰ *Величко А. А., Грехова Л. В., Губонина З. П.* Среда обитания первобытного человека Тимоновских стоянок. М., 1977.
- ²¹ *Грехова Л. В.* Раскопки Елисеевичской стоянки//АО, 1980 г. М., 1981. С. 49.
- ²² Кроме пункта 1. в Юдинове встретилось много культурных остатков на большом участке пункта 3, где нашупан и край конструкции из костей мамонта, вероятно, жилища: *Сергин В. Я.* Раскопки в с. Юдиново//АО 1976 г. М., 1977. С. 70; *Он же.* Работы Брянского палеолитического отряда//АО, 1979 г. М., 1980. С. 75; *Он же.* Раскопки палеолитического поселения Юдиново 3 и пункта Юдиново 2/АО 1980 г. М., 1981. С. 80.
- ²³ *Sklenář K.* Nejstarše lidská obydlí Československu. Praha, 1977. S. 97—106.
- ²⁴ *Диков Н. Н.* Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы. М., 1977. Рис. 11.

М. А. ИВАНОВА

ОПЫТ КЛАССИФИКАЦИИ СКОЛОВ ПОДПРАВКИ УДАРНЫХ ПЛОЩАДОК НУКЛЕУСОВ

Анализ продуктов и отходов первичного расщепления направлен на характеристику техники (технологии) расщепления. Для индустрий позднепалеолитического времени он сводится обычно к типологии нуклеусов и более или менее полному описанию категорий сколов. Успешно применяющийся в некоторых последних исследованиях метод ремонта дает бесспорные преимущества при восстановлении конкретных приемов расщепления камня и в познании первобытной техники в целом¹.

Однако применение этого метода на части палеолитических коллекций имеет ограниченные возможности. Возникающие трудности объясняются причинами разного рода. Среди них и сложности, связанные с особенностями сырья, техники расщепления и вторичной обработки, а также и сложности, обусловленные спецификой памятников (удаленность от источников сырья, их культурно-хозяйственная атрибуция). По-видимому, в таких ситуациях не обойтись без испытанных методов типологии и морфологического анализа, конечно, по возможности иллюстрирующихся данными эксперимента и ремонта. Сравнение морфологических признаков сколов подготовки, оформления и переоформления нуклеусов, фиксирующих как раз промежуточные стадии расщепления, и нуклеусов, представляющих собой остаточные формы, может дать основания для восстановления процесса расщепления как цепи сочетающихся технических приемов. Кроме того, по их морфологии регистрируются особенности использованных приемов расщепления, которые могут нести отпечаток культурных традиций, хотя до сих пор мы не

имеем различительных признаков общего и особенного в рамках призматического способа расщепления.

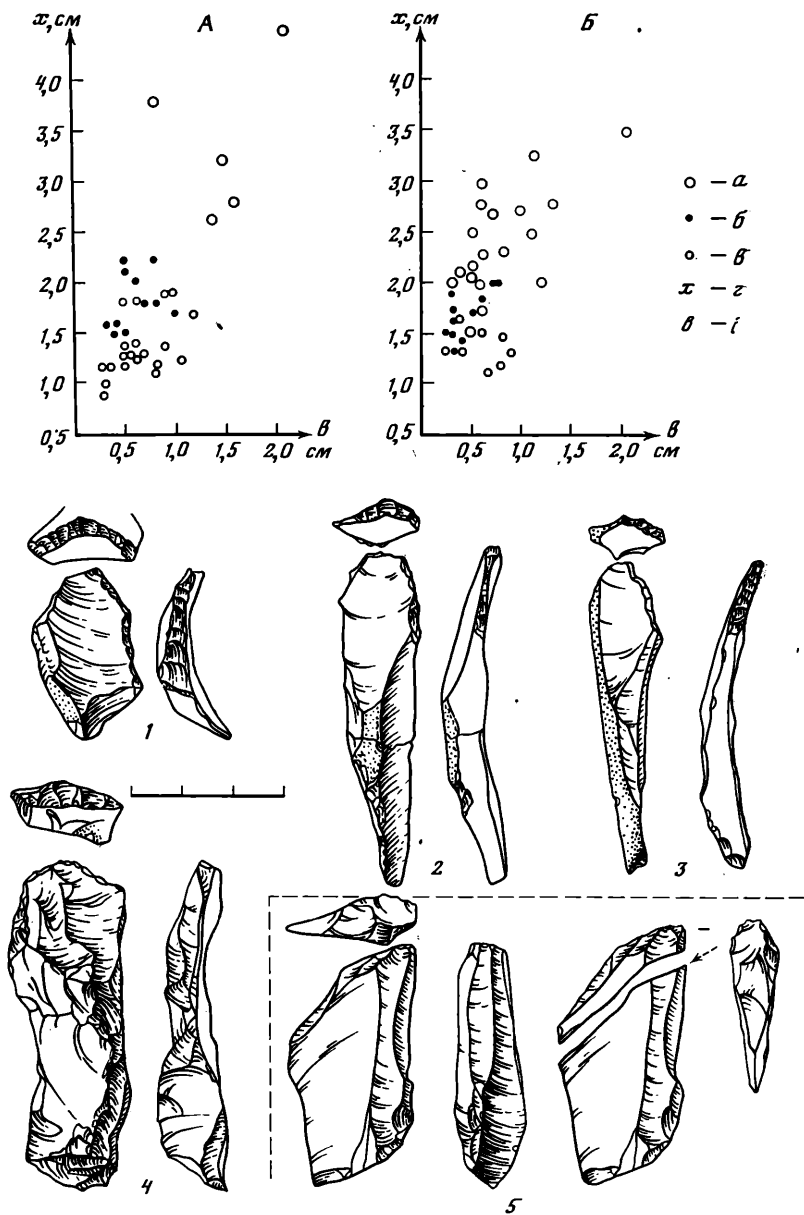
На материалах комплексов нижнего слоя стоянки Костенки 21 была сделана попытка разделения сколов подготовки и переоформления ядрищ, которые обычно описываются на категориальном уровне: поперечные, краевые, боковые. Как самостоятельное исследование такая работа еще не завершена, поэтому в данной статье речь пойдет о классификации только одной категории сколов — поперечных сколов подправки ударных площадок нуклеусов.

Наиболее массовые серии этих вещей имеются в коллекциях из комплексов 1957 г. (104 экз.) и южного (212 экз.), которые по нескольким характеристикам интерпретированы как производственные². В четырех жилых комплексах находки поперечных сколов насчитывают от 1 до 15 экз. Процентное отношение от инвентаря каждого из комплексов составляет в комплексе 1957 г. 1,5%, в южном — 0,8%, в комплексе К—О 30—34—0,2%, Ъ—Я 86—90—2,3%, Я—В¹ 104—108—0,3%, Р¹—Х¹ 167—172—1,2%.

Схема получения и описание поперечных сколов оживления ударных площадок хорошо известна. В номенклатуре французских исследователей они носят название «*tablette*» (*tablette d'avivage*, *tablette de nucleus*, *tablette de plan de frappe*)³. Они снимают ударную площадку и примыкающий к ней участок поверхности расщепления ударом, нанесенным поперек этой рабочей поверхности и параллельно площадке. В отличие от обычных отщепов с режущей кромкой края они имеют утолщение края, на котором негативы снятий с ядрища создали поперечно ребристую поверхность. Поперечные сколы могут удалять всю площадку предшествующей системы расщепления, либо какой-то ее участок. Сколы частичного оживления преобладают над поперечными сколами полного снятия. Например, в инвентаре комплекса 1957 г. из 67 экз. лишь шестая часть сколов снимала площадку полностью. При снятии всей площадки вновь созданная площадка получалась гладкой, в другом случае происходило подживание старой площадки подтесывающими сколами. Направление удара скальвания фиксируется сбоку или в центре фронта, если поверхность расщепления была достаточно выпуклой.

Сколы различаются по общим пропорциям и характеру расположения реберчатого рельефа. На отщепях — реберчатая грань, как правило, имеет значительную протяженность вдоль края. По ее контуру воссоздаются широкие площадки нуклеусов разной степени выпуклости. Однако выделяется группа изделий с пропорциями пластинчатых отщепов или пластин, реберчатая грань на которых расположена на проксимальном конце скола. Судя по негативам снятий, образовавших реберчатый рельеф на сколах, площадка и поверхность расщепления нуклеусов, с которых они были сняты, использовались на ограниченном участке, определенном боковыми плоскостями расщепляемого предмета: скальвание велось с торца (рис. 1, 4). На отдельных сколах остатки негативов прослеживаются и по краю (рис. 1, 1). Упорядоченность серии негативов на значительном протяжении края таких сколов позволяет реконструировать нуклеус, имевший широкую слабовыпуклую площадку и поверхность расщепления. Их сработанность, по-видимому, обусловила дальнейшее расщепление с торца, т. е., данные предметы могут фиксировать момент переоформления обычных призматических ядрищ в торцовые.

От поперечных сколов с прочих призматических нуклеусов сколы оживления торцовых отличаются не только морфологическими характеристиками, но и метрическими признаками. По материалам комплекса 1957 г. ширина площадки (длина хорды, соединяющей конечные точки боковых снятий поверхности расщепления) у сколов с торцовых ядрищ от 1,5 до 2,3 см, в то время как у сколов с призматических ядрищ с расщеплением по широкой дуге площадки — более 2,5 см (рис. 1, А). На нуклеусах соответствующих групп данный показатель имеет более широкие вариации значений (рис. 1, Б). Это объясняется, по-видимому, тем,

Рис. 1. Поперечные сколы подправки ударных площадок нуклеусов нижнего слоя стоянки Костенки 21

А — график распределения метрических признаков сколов; *Б* — график распределения значений метрических признаков площадок ядрищ; *а* — площадки призматических ядрищ; *б* — площадки торцовых ядрищ; *в* — площадки вторичных торцовых нуклеусов; *г* — длина хорды дуги площадки; *д* — высота дуги; *1, 4* — поперечные сколы торцовых ядрищ; *2, 3* — поперечные сколы вторичных торцовых ядрищ; *5* — схема получения поперечного скола со вторичного торцового ядрища

что нуклеусы представлены остаточными формами, а сколы оживления снимались с ядрищ, которые продолжали расщепляться и после подправки. Но торцовые ядрища все же имеют площадку не более 2,5 см. Высота дуги от самой выступающей точки фронта на хорду у сколов с площадок торцовых ядрищ от 0,3 до 1,0 см, у обычных призматических — от 0,7 до 1,6 см. Среди 67 экз. поперечных сколов комплекса 1957 г. 10 сколов отнесены к поперечным с торцовых нуклеусов, 4 экз. — к поперечным с обычным призматическим. Оставшиеся сколы либо нельзя определить достоверно, либо относятся к сколам частичной подправки площадок.

Отличительной чертой инвентаря производственных комплексов является обилие микропластинок и наличие серии ядрищ, предназначенных для их скалывания. По форме и по технике получения снятий такие нуклеусы близки к торцовым ядрищам и к резцам. В отличие от первых они образовывались при расщеплении не конкреции или ее осколка, а крупного массивного отщепла. Боковыми поверхностями ядрища служили брюшко и спинка отщепла-заготовки нуклеуса. Такие ядрища предложено называть вторичными⁴ или нуклеусами на отщепе⁵. Они также подправлялись в процессе расщепления. Но сколы со вторичных торцовых ядрищ характеризуются признаками и поперечных, и резцовых сколов (рис. 1, 2, 3), как всякий скол оживления площадки, они имеют реберчатый рельеф, но общая форма, определенная тем, что скол снимался с отщепла поперек его оси, сходна по признакам ограничения с резцовым сколом.

В комплексе 1957 г. выделено 37 таких сколов, 18 из них являются сколами полного снятия ударной площадки. Это остроконечные пластины с высоким сечением, треугольным в дистальной части: здесь плоскости брюшка и спинки скола-заготовки нуклеуса сходятся при пересечении под острым углом. Иногда по ребру прослеживается мелкая нерегулярная ретушь. Некоторые сколы частично покрыты коркой, у других — сложный рельеф. Проксимальная часть скола не имеет ребра: оно сколото предшествующим снятием, от которого остался негатив, использованный в качестве ударной площадки. С этого негатива спинки были сделаны снятия в перпендикулярной к нему плоскости, образовавшие реберчатую поверхность. Реберчатый рельеф, расположенный на ограниченном участке дугообразно очерченного проксимального конца, указывает на то, что отщепление заготовок велось с торца вытянутого предмета, длинные боковые стороны которого сходились под острым углом. У некоторых сколов этой группы рельефен не только проксимальный конец, но и часть края. Реберчатая поверхность скошена относительно геометрической оси вещи, т. е. на нуклеусе расщепление частично заходило на боковую поверхность. Имеются сколы, у которых форма проксимального конца не дугообразная: центральная часть площадки выделена глубоким негативом скола с одного или обоих ее краев (рис. 1, 3).

К сожалению, не удалось подобрать сколы к нуклеусам. Их соответствие устанавливается по морфологии и по метрическим параметрам. Длина хорды площадок сколов имеет значения 0,9—1,9 см, высота дуги 0,3—1,2 см; у площадок вторичных торцовых нуклеусов: 1,1—1,6 см и 0,3—0,9 см. Схема снятия поперечного скола с вторичного ядрища восстанавливается следующим образом: скол полного снятия сбивал не только площадку, но и часть края, образовавшегося при пересечении спинки и брюшка заготовки, рассекая нуклеус в поперечно-скошенном направлении (рис. 1, 5).

Разделение поперечных сколов оживлений ударных площадок на сколы с призматических, торцовых и вторичных торцовых ядрищ соответствует наличию таковых в инвентаре нижнего слоя стоянки Костенки 21. Однако значительная часть сколов неопределима, так как обладает только общими характеристиками этой категории сколов, и образует аморфную группу сколов подправок площадок. В коллекции комплекса 1957 г. сколы с торцовых ядрищ преобладают над сколами оживления ударных площадок обычных призматических ядрищ, хотя среди нуклеусов больше призматических. Такую диспропорцию можно объяснить и тем, что значительная часть сколов неопределима, и тем, что сколы снимались со сработанных не до конца ядрищ, а нуклеусы фиксируют последнюю стадию, когда они оставались. Стадия переоформления нуклеусов со снятием по дуге широкой площадки в торцовые устанавливается и по нуклеусам, и по поперечным сколам, огранка и реберчатый рельеф которых прослеживается не только в торцовой части, но и в боковых плоскостях. Выделение сколов подправки площадок с торцовых ядрищ в комплексе Ъ—Я 86—90 замечательно тем, что торцовых нуклеусов там не

обнаружено. Но по поперечным сколам можно отметить факт применения тут торцового расщепления. Значения метрических признаков площадок на поперечных сколах больше значений признаков нуклеусов. По соотношению этих показателей определяются размеры площадок нуклеусов на начальных стадиях расщепления.

Таким образом, в морфологии поперечных сколов отражаются некоторые моменты процесса расщепления. По характеристикам сколов оживления площадки можно описать нуклеусы, сработанные незначительно. Они имели не только более широкую, но и более выпуклую дугу высотой более 1,3 см, в то время как на ядрищах высота дуги площадки до 1,3 см (рис. 1, А, Б). Это указывает на тенденцию уплощения дуги рабочей поверхности ядрищ в ходе расщепления. Отсюда следует понимать уплощенность нуклеусов рассматриваемой коллекции как результат их сработанности.

Фиксирующееся переоформление ядрищ в нуклеусы с торцовым снятием в отдельных случаях могло быть промежуточной стадией сработанности. Метрические характеристики площадок ядрищ не дают критериев для разделения нуклеусов: они отличаются по качественным признакам. Поперечные сколы площадок имеют менее перекарсивающиеся пределы вариаций метрических признаков. Видимо, данные признаки могут быть положены в основу типологии нуклеусов тогда, когда из анализа будут исключены сильно использованные (остаточные, выброшенные) ядрища. Для стоянки Костенки 21 разделение по количественным оценкам будет оставаться проблемой.

¹ Аксенов М. П. Аппликативный метод в анализе археологических источников// Описание и анализ археологических источников. Иркутск, 1981. С. 34—43.

² Иванова М. А. Структура Гмелинского палеолитического поселения (по результатам планиграфического, типологического анализа кремневого инвентаря): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1985. С. 13, 14.

³ Brézillon M. La denomination des objets de pierre taillée//Materiaux pour un vo-

cabulaire de préhistoricus de langue française. P. 1968. P. 98, 99.

⁴ Костенки IV — поселение древнекаменного века на Дону//МИА. 1955. № 45. С. 41.

⁵ Медведев Г. И., Михнюк Г. Н., Лежненко И. Л. О номенклатурных обозначениях и морфологии нуклеусов в докерамических комплексах Приангарья// Древняя история народов юга Восточной Сибири. Иркутск, 1974. С. 69.

Ю. А. СМЕРНОВ

К ВОПРОСУ О СТРАТИГРАФИЧЕСКОЙ ПОЗИЦИИ ДЕТСКОГО ПОГРЕБЕНИЯ КИИК-КОБА 2

Приступая к решению вопроса, напомним основные моменты исследования самого грота Киик-Коба. Грот расположен к востоку от г. Симферополя (Крымская область, УССР), к югу от с. Зуи и к юго-востоку от д. Тау-Кипчак на правом берегу р. Зуи. Он находится в скалистом карнизе (юрские известняки), венчающем правый склон ущелья (северные предгорья Крымской яйлы), на высоте над урезом р. Зуи около 150 м. Площадка имеет форму треугольника, обращенного вершиной в глубину навеса. Грот представляет собой вогнутую нишу, открытую на юго-восток. Наибольшая высота грота 9 м, ширина 11 м и глубина от края навеса 9 м¹. Раскопки грота в течение трех лет вела Крымская экспедиция под руководством Г. А. Бонч-Осмоловского.

Отложения грота были вскрыты в основном за два сезона раскопок в 1924—1925 гг.; была раскопана площадь около 90 кв. м. В первый сезон, о раскопках которого пойдет речь, за 16 дней (с 11 по 27 сентября)

было вскрыто 27 кв. м, т. е. примерно 1/3 всей площади, при средней толщине отложений 0,80 м (в 1926 г. были заложены две траншеи по склону площадью 56 кв. м).

Основная стратиграфия памятника была установлена в первые же дни раскопок и оказалась простой и фактически неизменной на всей площади памятника, за исключением двух камер в тылу грота и края террасы, где был выделен дополнительный второй слой, содержащий материалы неолитического облика. На площадке было выявлено шесть (точнее семь.— Ю. С.) стратиграфических горизонтов, два из которых имели характерные признаки жилых комплексов (слои IV и VI). В нижнем горизонте (слой VI) в 1924 г. были открыты остатки двух погребений палеолитического возраста: погребение взрослого — Киик-Коба 1 и погребение ребенка — Киик-Коба 2. Известно, что в процессе исследования и обработки материалов взгляды Г. А. Бонч-Осмоловского на культурную принадлежность добытых материалов и соответственно на атрибуцию жилых горизонтов (IV и VI) и обнаруженных погребений претерпели значительные изменения.

До весны 1925 г. Г. А. Бонч-Осмоловский относил оба слоя к среднему палеолиту, полагая при этом, что верхний очажный слой (IV) представляет конец мустьерской эпохи, а «нижний, — вероятнее всего, начало мустье»². При этом верхний слой, где имеется значительный процент (15%) двусторонних орудий, который, согласно А. А. Формозову, может быть оценен как мустье с ашельской традицией³, а по более дробной классификации В. Н. Гладылина, относится к варианту микромустье двустороннее⁴, Г. А. Бонч-Осмоловский в целом справедливо сопоставлял, с одной стороны, с верхними слоями Микока, где, по Ф. Борду, есть бифасы, аналогичные бифасам мустье с ашельской традицией и имеются сходные с этим вариантом мустье орудия на отщепе⁵, а с другой — с Комб-Капель, где в слоях, которые относят к расцвету Вюрма I, в индустрии мустье с ашельской традицией много бифасов и значительный процент скребел⁶. Индустрию нижнего (VI) слоя Киик-Кобы, которую Р. Клейн и В. Н. Гладылин почти одновременно атрибутировали как зубчатое мустье⁷, Г. А. Бонч-Осмоловский тогда же, т. е. в 1925 г., очень точно сопоставлял с нижним Микоком. С тем классическим тейяком Микока, совокупность которого (слой 3 — брекчия и слои 3—4) в 1951 г. Ф. Борд и М. Бургон⁸ подразделили на слой 3 — брекчия, отнеся его к зубчатому мустье и на слои 3—4, индустрию которого они определили как тейякскую и предшествующую индустрии *кина*⁹. Помимо нижнего Микока, индустрия VI слоя Киик-Кобы сопоставлялась Г. А. Бонч-Осмоловским и с индустрией Нижнего грота Ле Мустье, что тоже имело реальные основания, так как слой I теперь тоже определяется как слой с индустрией зубчатого мустье¹⁰.

Но в 1925 г. Г. А. Бонч-Осмоловский пересматривает атрибуцию нижнего очажного слоя (VI) Киик-Кобы. Это происходит, вероятно, потому, что «мустье зубчатое» как таковое в то время еще не было выделено в качестве самостоятельного варианта, а неподразделенный нижний Микок все же давал картину, в целом отличную от VI слоя Киик-Кобы, индустрию которого Г. А. Бонч-Осмоловский обозначил тогда как «аморфную»¹¹. А в 1926 г. (в письме к А. Хрдличке) он уточняет атрибуцию и «верхнего очага» (IV), приводя в хронологическое соответствие оба слоя: так нижний очажный слой (VI) он определяет как аморфную культуру и относит его к древнему палеолиту, а верхний очажный слой (IV) сопоставляет с Микоком и относит его к концу древнего или началу среднего палеолита¹². И наконец, в монографии 1940 г. Г. А. Бонч-Осмоловский определяет индустрию верхнего очажного горизонта (IV) как ашельскую, а индустрию нижнего (VI) как доашельскую (аморфную)¹³.

Первоначально Г. А. Бонч-Осмоловский связывал оба погребения с нижним культурным слоем, хотя стратиграфическая позиция детского погребения с момента нахождения была для самого исследователя ме-

нее ясной, чем позиция погребения взрослого. По наблюдениям Г. А. Бонч-Осмоловского, на участке с погребением ребенка слои неясно разделялись и «верхний очаг налегал непосредственно на нижний»¹⁴. Тем не менее он находил возможным говорить об одновременном попадании в слой обоих покойников, хотя и комиссия Главнауки РСФСР (В. В. Бунак, Б. С. Жуков, В. А. Городцов) не видела возможности отнесения детского погребения к тому или иному слою стоянки¹⁵. В дальнейшем при переоценке археологического материала, приведшей к неоправданному удревлению памятника, Г. А. Бонч-Осмоловский счел возможным отнести погребение взрослого к верхнему культурному слою (IV), руководствуясь при этом, по его же словам, и добавим, — в ущерб собственным стратиграфическим наблюдениям (очень скрупулезным и точным) — соображениями общего характера. Г. А. Бонч-Осмоловский полагал, что столь развитый, с его точки зрения, обряд захоронения не слишком соответствует столь большой древности индустрии. При этом Г. А. Бонч-Осмоловский считал, что погребение ребенка также правильнее отнести к верхнему очажному слою (IV), исходя опять-таки «из соображений общего порядка о вероятности одновременного захоронения матери и ребенка»¹⁶.

При оценке подобных оснований для пересмотра стратиграфической принадлежности погребений с самого начала возникали сомнения в их правомерности. Особенно это касалось стратиграфической позиции захоронения взрослого киик-кобинца. Впервые они были высказаны, по-видимому, А. П. Окладниковым, а затем периодически повторялись¹⁷. В 1970 г. В. Н. Гладилин, в докладе «О культурно-хронологической принадлежности неандертальских погребений в гроте Киик-Коба», рассмотрев все возможные основания за и против отнесения погребения взрослого индивидуума к тому или иному слою, пришел к совершенно справедливому выводу о принадлежности этого захоронения к нижнему культурному горизонту (VI), тем самым подтвердив первоначальные наблюдения и выводы Г. А. Бонч-Осмоловского¹⁸. Вопрос же о культурно-хронологической принадлежности погребения ребенка В. Н. Гладилин пока не считает окончательно решенным, хотя и склоняется к отнесению последнего к нижнему очажному слою¹⁹.

Действительно, в отношении детского погребения имеется гораздо меньше данных для соотнесения его с верхним или нижним жилым комплексом. Но если обратиться к дневниковым записям Г. А. Бонч-Осмоловского, с одной стороны, и проанализировать опубликованные сведения — с другой, кажется, что можно приблизиться к решению и этого вопроса.

Прежде всего следует остановиться на истории обнаружения и вскрытия самих костных остатков. Посткраниальные остатки ребенка (Г. А. Бонч-Осмоловский всегда писал об отсутствии каких бы то ни было следов черепа и зубов) были открыты в самом начале работ в гроте на 3 или 4 день раскопок на границе 14 и 13 участков. Причем участок 14 к моменту обнаружения костей был уже разобран до скального основания и возможно, что подавляющая часть краниальных остатков была к этому времени разрушена невнимательным или неопытным рабочим. На то, что какие-то краниальные остатки ребенка все-таки имелись в погребении, указывает следующее сообщение Э. Влчека, описавшего в начале 70-х годов скелет киик-кобинского младенца: «Ни на что не пригодные отпечатки в земле, покрытые костным порошком, были найдены вместо черепа. Вследствие этого среди сохранившихся в Институте антропологии АН СССР в Ленинграде (Каталог, № 549) остатков могли быть распознаны (найлены, определены — can be found. — Ю. С.) только маленькие фракции черепной крышки (коробки), раздробленные каменной почвой, образующей культурный горизонт»²⁰.

Согласно дневнику Г. А. Бонч-Осмоловского, посткраниальные остатки ребенка были обнаружены следующим образом. Запись, сделанная 15 сентября: «На глубине 35 см в отколовшемся при поднятии камня

куске глины обнаружены кости правой руки ребенка одного-двух лет (локтевая, лучевая и запястье) и на другом (куске глины. — Ю. С.) — лопатка. В рассыпавшейся глине — позвонки, много мелких косточек и две крупные, собраны и проклеены. Конечность проклеена на глине». Запись следующего дня, касающаяся погребения: «Весь день препарируются оставленные в земле кости ребенка. Найдены таз, бедро, малая берцовая и вторая рука от плеча в естественном положении... <Кости> сфотографированы и зарисованы. Череп не обнаружен... Таз — на глине. <Кости> очень хрупкие. Заходят под обломок известняка участка — 14, с него (таза?, участка? — Ю. С.) снятого. <Костяк> лежал на (нижней? — Ю. С.) скале в очажном слое. Среди костей скелета много мелких обломков кремня»²¹.

Итак, кости младенца находились не в толще нижнего очага (как об этом говорится во всех публикациях), а в подстилающей его глине, мощность которой на участке 13 достигала 0,30 м, т. е. в одном из подразделов слоя VII. Причем известняковый блок, естественное присутствие которого, литологически не характерное для слоя VII, вероятно, является частью погребального сооружения, о чем предположительно писал и Г. А. Бонч-Осмоловский²².

Относительно характера погребального сооружения для детского захоронения ничего определенного неизвестно, так как оно, по-видимому, прослежено не было. Но произошло ли это по причинам объективного или субъективного характера, сказать сейчас трудно. Касательно этого вопроса в монографии Г. А. Бонч-Осмоловского имеются довольно противоречивые данные. Так, в одном из разделов, где приводится описание обнаруженных погребений, сказано: «...границ ямки, в которой было проведено детское захоронение, проследить не удалось»²³. В том же томе монографии, но при описании искусственных нарушений нижнего очажного слоя (VI), произведенных ямками, «вырытыми современниками верхнего очага (IV. — Ю. С.) в нижележащих слоях», говорится, что «три другие ямки (одна из них с погребением ребенка) до 1 м в диаметре, глубиной до 0,70 м с круто падающими стенками прорезают и нижний очаг, вплоть до скалистого дна»²⁴.

Теперь рассмотрим стратиграфию, зафиксированную непосредственно на участках 13—14, т. е. в том месте, где и было обнаружено детское захоронение. И в дневниковых записях Г. А. Бонч-Осмоловского и в его монографии говорится, что над погребением очажные слои неясно разделяются, поскольку межочажный слой (V) здесь «совсем выклинивался и верхний очаг налегал на нижний»²⁵. При этом Г. А. Бонч-Осмоловский неоднократно подчеркивал, что это явление имело место только на участках 13, 14!

Но следует отметить, что в дневнике экспедиции, при описании последовательности отложений на участке 14 отсутствия V слоя не отмечено. Помимо этого, на всех чертежах, где слой V не прорезан ямками IV очажного слоя или не замещен камнями, упавшими со свода (в том числе и на поперечном разрезе отложений грота, прошедшем через середину участка 14²⁶), V слой везде присутствует. Таким образом, вероятно, что на границе участков 13—14 и на участке 13, т. е. как раз над костями ребенка, было отмечено узколокальное (не более 1 кв. м) отсутствие V межочажного слоя. Отсутствие здесь межочажного слоя было вызвано, по всей видимости, не резким естественным и не объяснимым в этом случае выклиниванием V слоя (при достаточно большой мощности его на соседних участках), а связано с искусственным нарушением в этом месте последовательности отложений вниз от IV до VII слоев. Нарушением, которое, видимо, и произошло при создании погребального сооружения, предназначенного для захоронения ребенка. Показательно и то, что именно на этих участках «оба культурных слоя (IV и VI. — Ю. С.) мало или совсем не отличались друг от друга по цвету»²⁷, что, возможно, объясняется некоторым смешением горизонтов, произошедшим в момент выкапывания могильной ямы и ее последующей засыпки.

Исходя из вышеизложенного, можно, как кажется, с большой долей вероятности, говорить о том, что погребение ребенка было совершено во время существования IV верхнего очажного слоя, причем уже после отложения примерно половины его мощности, так как над погребением, по наблюдениям Г. А. Бонч-Осмоловского, верхний горизонт IV слоя и все вышележащие слои ясно прослеживались, сохраняя свою, так сказать, нормальную последовательность, без каких бы то ни было нарушений²⁸.

Следовательно, погребение Киик-Коба 2 было устроено современниками IV верхнего очажного слоя в нижележащих отложениях.

- ¹ *Бонч-Осмоловский Г. А.* Грот Киик-Коба//Палеолит Крыма. М.; Л., 1940. Вып. 1. С. 16.
- ² *Бонч-Осмоловский Г. А.* Черновик доклада о раскопках грота Киик-Коба, прочитанного в г. Семфиополе осенью 1924 г.//Архив ЛОИА АН СССР. Ф. 71. Д. 1.
- ³ *Формозов А. А.* Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории европейской части СССР. М., 1977. С. 34.
- ⁴ *Гладилин В. Н.* Проблемы раннего палеолита Восточной Европы. Киев, 1976. С. 102, 103.
- ⁵ *Bordes F.* The Old Stone Age. N. Y., 1968. P. 106, 116.
- ⁶ *Bordes F.* Vingt-cinq ans après le complexe moustérien revisité//Bulletin de la Société Préhistorique française. P. 1981. T. 78, N 3. P. 77, 78.
- ⁷ *Klein R. G.* The Middle Paleolithic of the Crimea//Artic Anthropology. 1965. Vol. 3. N 1. P. 38, 39; *Гладилин В. Н.* Различные типы каменной индустрии в мустье Русской равнины и Крыма и их место в раннем палеолите СССР//VII Междунар. конгр. доисториков и протоисториков: Докл. и сообщ. археологов СССР. М., 1966; *Гладилин В. Н.* Проблемы ... С. 104, 105. (В первоначальной редакции типологии В. Н. Гладиллина (1966 г.) — вариант микромустье зубчатое фигурирует под названием тейяжского).
- ⁸ *Bordes F., Bourgon M.* Le complexe Moustérien, Levalloisien et Tayacien//L'Antropologie. 1951. T. 55. P. 23.
- ⁹ *Klein R. C.* The Middle Paleolithic... P. 39.
- ¹⁰ *Bordes F.* Les couches moustériennes du gisement du Moustier (Dordogne), typologie et technique de taille//Bulletin de la Société préhistorique Française. P. 1948. T. 45. P. 113—125.
- ¹¹ *Бонч-Осмоловский Г. А.* Находка остатков палеолитического человека в Крыму//Тр. съезда зоологов, анатомов и гистологов СССР в Москве, 1925 г. М. 1927. С. 252, 253.
- ¹² *Бонч-Осмоловский Г. А.* Черновик письма к А. Хрдличке, с изложением результатов раскопок грота Киик-Коба в 1925 г.//Архив ЛОИА АН СССР. Ф. 1. Д. 5 б.
- ¹³ *Бонч-Осмоловский Г. А.* Грот Киик-Коба ... С. 25 и сл.
- ¹⁴ Там же. С. 40, 41, 145, 146.
- ¹⁵ Там же. С. 168.
- ¹⁶ *Бонч-Осмоловский Г. А.* Кисть ископаемого человека из грота Киик-Коба//Палеолит Крыма. М.; Л. 1941. Вып. II. С. 7.
- ¹⁷ *Окладников А. П.* Рец.: Г. А. Бонч-Осмоловский. Грот Киик-Коба//КСИИМК. 1941. Вып. IX. С. 125—128.
- ¹⁸ *Гладилин В. Н.* О культурно-хронологической принадлежности неандертальских погребений в гроте Киик-Коба//Исследование палеолита в Крыму. Киев, 1979. С. 67—76.
- ¹⁹ *Гладилин В. Н.* О культурно-хронологической принадлежности ... С. 74, 75.
- ²⁰ *Vlček E.* Remains of Neanderthal Child from Kiik-Koba in the Crimea//Anthropologia. Bratislava. 1976. Publ. 22. P. 297.
- ²¹ *Бонч-Осмоловский Г. А.* Полевой дневник Крымской экспедиции об археологических разведках в Киик-Коба и Кизил-Коба, 1924 г.//Архив ЛОИА АН СССР. Ф. 71. Д. 1. С. 186, 19.
- ²² *Бонч-Осмоловский Г. А.* Грот Киик-Коба ... С. 145.
- ²³ Там же. С. 146,
- ²⁴ Там же. С. 36.
- ²⁵ Там же. С. 41; *Бонч-Осмоловский Г. А.* Полевой дневник 1924 г. ... С. 18.
- ²⁶ *Бонч-Осмоловский Г. А.* Грот Киик-Коба ... С. 40—42. Рис. 15.
- ²⁷ Там же. С. 40.
- ²⁸ Там же. С. 146

СЫРЬЕ И НУКЛЕУСЫ МУСТЬЕРСКОЙ СТОЯНКИ ИЛЬСКАЯ 1

(по материалам раскопок
С. Н. Замятина и В. А. Городцова)

Целью данной работы из-за ограниченности объема не является подробное описание нуклеусов. Задача стоит другая: влияло ли (а если влияло, то как) сырье на технику расщепления камня на Ильской 1?

В настоящее время не представляется возможным расчленить каменные изделия коллекций С. Н. Замятина¹ и В. А. Городцова² по горизонтам и слоям, и поэтому нуклеусы рассматриваются в целом.

Обитатели стоянки для изготовления орудий расщепляли местные породы камня: галечные — кремь, лидит (разновидность кварцита³, а не яшмы, как утверждал В. А. Городцов⁴), алевролит, кремнистый песчаник (в одном случае), а также куски доломита. Гальки кремня и лидита небольших размеров — в среднем 6—7 см, алевролита — несколько больше, доломит может быть любых размеров — скальные выходы (хотя не все виды доломита пригодны для расщепления). Кремь и лидит по современной минералогической классификации относятся к минералам группы кварца⁵. Они близки по составу и свойствам, нередко черный кремь и лидит различаются только с помощью петрографического анализа, поэтому их можно рассматривать как одну группу, обозначая термином «кремь». Доломит, кремь и лидит подробно описаны В. А. Городцовым⁶. Алевролит в виде галек иногда встречается в русле р. Иль, на берегу которой расположена стоянка. Песчаник, по-видимому, происходит оттуда же.

Всего в коллекциях 202 нуклевидных предмета: 1 заготовка для нуклеуса, 11 камней с единичными сколами, 12 нуклевидных обломков и 178 нуклеусов. Для ответа на поставленный вопрос необходимо выяснить, увязываются ли определенные группы нуклеусов с каким-либо минералом, различались или нет приемы подготовки, расщепления и подправки ядрищ различных пород. Так как алевролитовых нуклеусов слишком мало — всего 13, а песчаниковый только один, то пригодными для сравнения могут быть только кремневые и доломитовые ядрища. В таблице 1 приведены количественные данные групп нуклеусов⁷ с указанием вида сырья. Сразу видно, что связи между какой-либо группой нуклеусов и одним определенным минералом практически нет. В каждой группе в подавляющем большинстве случаев присутствуют как доломитовые, так и кремневые нуклеусы. Исключение составляют лишь торцовые нуклеусы — все кремневые. Двусторонне-смежные⁸ и протопризматический двуплощадочный встречного скалывания в расчет можно не принимать из-за их малого количества.

Нет различий и по приемам расщепления. В. Е. Щелинский выделяет следующие приемы мустьерской техники расщепления камня: 1) радиального скалывания односторонний и 2) двусторонний, 3) конвергентного скалывания односторонний и 4) двусторонний (веерообразные нуклеусы), 5) параллельного скалывания (уплощенные одноплощадочные нуклеусы), 6) параллельного встречного скалывания (уплощенные двуплощадочные нуклеусы)⁹ и 7) бессистемного скалывания¹⁰. К этим приемам, по-видимому, можно добавить еще ортогональный — скалывание в продольно-поперечном направлении в одной плоскости и подперекрестный — скалывание с трех смежных площадок также в одной плоскости. Такие нуклеусы часто встречаются в нижнепалеолитических коллекциях¹¹. На Ильской 1 не применялись радиальный и конвергентный двусторонние приемы. Остальные использовались как для расщепления кремневых, так и доломитовых нуклеусов.

Таблица 1
Группы нуклеусов стоянки Ильская 1

Нуклеидные	Количество	Нуклеидные	Количество
Радиальные односторонние	к—10 28 д—16 а—2	Двусторонне-смежные	2—к
Веерообразные односторонние	к—6 14 д—6 а—2	Протопризматические одноплощадочные	к—9 14 д—4 а—1
Одноплощадочные	к—29 51 д—21 а—1	Протопризматические двух- площадочные встречного скальвания	1—к
Торцовые	10—к	Бессистемные	к—11 22 д—8 а—3
Двухплощадочные встречного скальвания	11 к—7 д—4	Заготовка для нуклеуса	1—д
Двухплощадочные продольно- поперечного скальвания	11 к—4 д—6 п—1	Предметы с единичными сколами	к—7 11 д—3 а—1
Трехплощадочные	к—6 8 д—1 а—1	Нуклеидные обломки	к—10 12 д—1 а—1
Двусторонние продольно- поперечного скальвания	к—3 6 д—2 а—1	Всего	к—114 202 д—74 а—13 п—1

к — кремний; д — доломит; а — алевролит; п — кремнистый песчаник.

К приемам подготовки ядрищ к расщеплению В. Е. Щелинский относит изготовление 2—3 сколами ударной площадки и создание выпуклой поверхности скальвания¹² и указывает, что нуклеусы, сохранившие на себе признаки бесспорного оформления поверхности скальвания перед расщеплением, редки¹³. В коллекции Ильской 1 таких ядрищ нет. Лишь один предмет можно предположительно считать заготовкой для нуклеуса конвергентного скальвания. Это естественно расколовшийся кусок доломита округлой формы, у которого несколькими крупными снятиями подготовлена ударная площадка, занимающая часть дуги округлого периметра предмета. На естественной поверхности раскола имеется один негатив скола, снятого с этой площадки.

В. Е. Щелинский указывает приемы подправки нуклеуса в процессе расщепления: подправка (т. е. ретуширование) ударной площадки, снятие «карниза» (нависающей над поверхностью скальвания части ударной площадки), подправка «поверхности скальвания в виде ретуши, подтёски, краевой, полукруговой и круговой оббивки»¹⁴. Подправку поверхности скальвания иногда трудно выявить. Однако для вспомогательных снятий, как правило, не готовилась ударная площадка, и негативы этих снятий отличаются небольшими размерами¹⁵. Нуклеусы, у которых можно предположить такую подправку, в коллекции имеются. Два нуклеуса треугольной естественной формы (не изготовленной специально, так как боковые и тыльная стороны покрыты коркой), но, вероятно, выбранной преднамеренно, из доломита (рис. 1, 1) и алевролита (6×5×3,5 см) имеют на дистальных концах маленькие вспомогательные оформленные (изготовленные 1—3 сколами) площадки, с которых снимались заломы, образовавшиеся на поверхности скальвания при снятии неудачных сколов. Основные площадки также оформленные. Тыльные стороны: у алевролитового выпуклая, у доломитового плоская. Четыре доломитовых нуклеуса (макс. 8,5×8,5×4 см, мин. 5×5×3 см, рис. 1, 2) имеют подправку поверхности скальвания в виде круговой оббивки. Ударные пло-

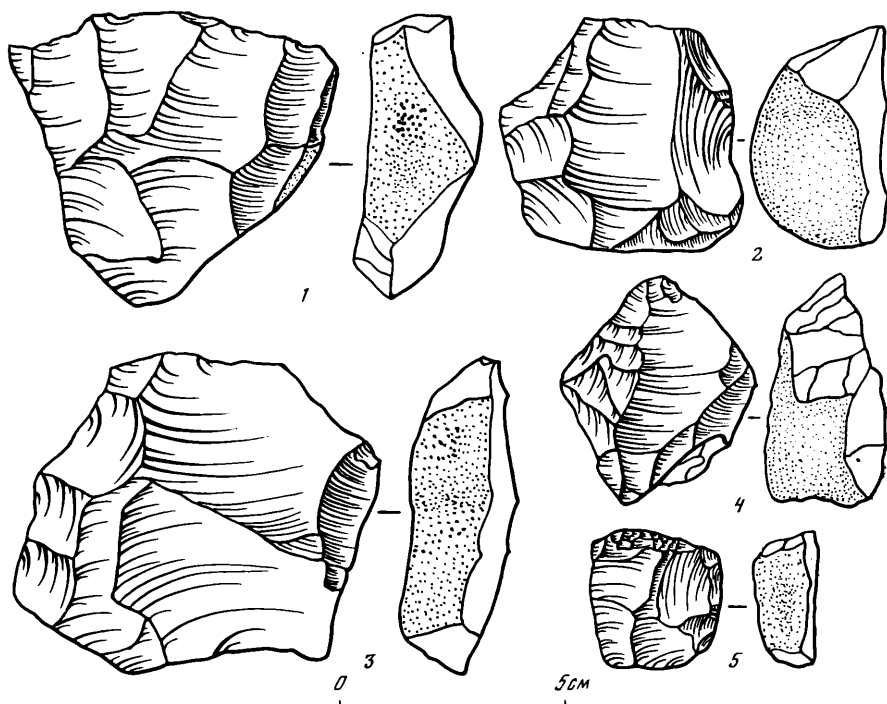

Рис. 1. Нуклеусы стоянки Ильская I

1-4 — доломит; 5 — кремнь

щадки оформленные. Очертания поверхностей скалывания, которые имеют по одному крупному по сравнению с остальными негативу скола, неправильные. Тыльные стороны покрыты коркой, выпуклые, причем у трех экземпляров даже горбообразные. Один кремневый нуклеус с оформленной ударной площадкой (рис. 1, 4) имеет подправку поверхности скалывания с левой стороны. У двух доломитовых двуплощадочных нуклеусов встречного скалывания боковыми снятиями с естественных площадок (т. е. естественная поверхность камня или корка) подправилась поверхность скалывания. У первого — с левой стороны (рис. 1, 3), у второго — и с левой и с правой. Тыльные поверхности плоские, покрыты коркой.

Из таблицы 2, в которой показана степень подготовки ударных площадок на нуклеусах, видно, что подправленные (ретушированные) площадки есть только на кремневых ядрищах и на одном алевролитовом, тогда как естественных примерно поровну: на кремневых 24%, на доломитовых 20%, а меньшее количество оформленных площадок на кремневых нуклеусах (58%), по сравнению с доломитовыми (80%), объясняется наличием на части кремневых ядрищ подправленных площадок. Только на кремневых нуклеусах фиксируется прием снятия «карниза». На рис. 1, 5 показан для примера трехплощадочный нуклеус (одна подправленная и две оформленные площадки), у которого с верхней площадки мелкими сколами снимался нависающий над поверхностью скалывания край ударной площадки.

Таким образом, на первый взгляд существенных различий между кремневыми и доломитовыми нуклеусами не наблюдается. Однако не смотря на то что кремневых ядрищ в коллекциях больше, чем доломитовых, этот вид сырья встречается в окрестностях стоянки в ограниченном количестве¹⁶ и размеры галек относительно небольшие. Зато производительность кремневых орудий, как показали эксперименты В. Е. Шелинского, в несколько раз выше доломитовых (доломит гораздо мягче кремня: твердость кремня — 7, а доломита — 3,5)¹⁷. Поэтому кремневое сырье

Таблица 2
Степень подготовки ударных площадок на нуклеусах

Нуклеусы	Ударные площадки								
	Естественные			Оформленные				Подправленные	
	к	д	а	к	д	а	п	к	а
Радиальные односторонние	1	—	—	6	16	2	—	3	—
Веерообразные односторонние	3	5	1	3	1	1	—	—	—
Одноплощадочные	5	4	—	17	17	1	—	7	—
Торцовые	3	—	—	6	—	—	—	1	—
Двухплощадочные встречного скалывания	6	1	—	5	8	1	—	1	—
Двухплощадочные продольно-поперечного скалывания	2	2	—	4	10	—	2	2	—
Трехплощадочные	6	1	—	7	2	2	—	5	1
Двухсторонние продольно-поперечного скалывания	1	—	—	5	4	2	—	—	—
Двусторонне-смежные	—	—	—	4	—	—	—	—	—
Протопризматические одноплощадочные	—	2	1	7	2	—	—	2	—
Протопризматические двухплощадочные встречного скалывания	—	—	—	2	—	—	—	—	—
	27	15	2	66	60	9	2	21	1
	44			137				22	

особенно ценилось обитателями стоянки и использовалось экономно. Из-за этого подготовка кремневого нуклеуса к расщеплению была минимальной — изготавливалась только ударная площадка. Приемы подправки поверхности скалывания в процессе расщепления, хотя и были известны обитателям стоянки, почти ими не использовались (всего один кремневый нуклеус с подправленной поверхностью скалывания) по этой же причине: сколы подправки уменьшали полезный объем ядрища и шли в отход¹⁸. Однако обращалось большое внимание на угол скалывания. Его оптимальная величина, как указывает В. Е. Щелинский, достигалась ретушированием площадки и снятием «карниза»¹⁹. Применение этих приемов наблюдается только на кремневых нуклеусах. Оптимальный угол скалывания позволял снимать заготовку максимально большого размера, что было особенно важно при раскалывании мелких кремневых галек, а правильность очертаний сколов, их пропорции и пластинчатость стояли на втором месте. Последнее наблюдение сделано еще С. Н. Замятниным²⁰ и подтверждается вышеизложенным анализом. Недостатки кремневых сколов устранялись вторичной обработкой, хорошо развитой на стоянке²¹. Удлиненные сколы с кремневых нуклеусов получались особым приемом — скалыванием с торца, когда подправка поверхности скалывания была не нужна. Вероятно, именно поэтому тор-

цовые нуклеусы в коллекции только из кремня (аморфные куски доломита мало пригодны для торцового скалывания — легче получить пластину обычным способом, т. е. скалыванием не с торца). Так как получение кремневых заготовок имело первостепенное значение, то и доломит «по традиции» расщеплялся в основном теми же приемами. В коллекции всего 7 доломитовых нуклеусов с подправкой поверхности скалывания (10% всех доломитовых), хотя его в окрестностях стоянки достаточно. Ретуширование ударных площадок и снятие «карниза» на доломитовых нуклеусах не производилось, т. е. углу скалывания не придавалось большого значения, так как доломитовые сколы итак получались гораздо более крупных размеров, чем кремневые²².

Такая экстраполяция приемов расщепления кремня на доломит производит впечатление грубости техники, что ввело в заблуждение Г. А. Бонч-Осмоловского, который датировал Ильскую I ашелем, особенно обращая внимание на значительное количество естественных ударных площадок, массивность сколов, небольшое количество пластин, их малые размеры²³. В. А. Городцов же причину грубости видел в «недоброкачественности» доломита²⁴, т. е. в его плохой изотропности, не позволявшей изготовлять совершенные орудия, а не в древности стоянки. Однако экспериментальные работы В. Е. Щелинского, проведенные летом 1985 г., не подтверждают эту точку зрения.

Итак, различие кремневых и доломитовых нуклеусов выявляется на довольно низком уровне и касается лишь степени подготовленности ударных площадок, угла скалывания и применения в редких случаях приемов подправки поверхности скалывания на доломитовых ядрищах. Сырье влияло на технику расщепления не качеством, а малыми размерами (кремневые гальки), что вынуждало обитателей стоянки применять при расщеплении кремневых нуклеусов более упрощенные приемы скалывания, которые переносились и на доломит.

¹ ЛЧИЭ, кол. 1926 г., № 4267; кол. 1928 г., № 5203.

² ЛЧИЭ, кол. 1936 г., № 5445; кол. 1937 г., № 5601.

³ *Немец Ф.* Ключ к определению минералов и пород. М., 1982. С. 101.

⁴ *Городцов В. А.* Результаты исследования Ильской палеолитической стоянки//МИА. 1941. № 2. С. 14.

⁵ *Немец Ф.* Ключ к определению ... С. 101.

⁶ *Городцов В. А.* Результаты ... С. 14, 15.

⁷ Классификация выполнена в основном по В. П. Любину. См.: *Любин В. П.* К вопросу о методике изучения нижнепалеолитических каменных орудий//МИА. 1965. № 131.

⁸ Скалывание с одной ударной площадки с боковой и торцовой сторон нуклеуса в одном направлении. Поверхности скалывания перпендикулярны друг другу.

⁹ *Щелинский В. Е.* Производство и функции мустьерских орудий: Дис. ... канд. ист. наук//Архив ЛОИА АН СССР. 1974. Ф. 35. Оп. 2—Д. Д. 209, 210. С. 27.

¹⁰ Там же. С. 37.

¹¹ См., напр.: *Гладилин В. Н.* Проблемы раннего палеолита Восточной Европы. Киев, 1976. С. 43, 44.

¹² *Щелинский В. Е.* К изучению техники, технологии изготовления и функций

орудий мустьерской эпохи//Технология производства в эпоху палеолита. Л., 1983. С. 81.

¹³ *Щелинский В. Е.* Производство и функции ... С. 4.

¹⁴ *Щелинский В. Е.* К изучению техники ... С. 85.

¹⁵ *Щелинский В. Е.* Производство и функции ... С. 37.

¹⁶ *Городцов В. А.* Результаты ... С. 14, 15.

¹⁷ *Немец Ф.* Ключ к определению ... С. 89, 99.

¹⁸ Подобное замечание уже высказывал Н. К. Анисюткин. См.: *Анисюткин Н. К.* Два комплекса Ильской стоянки//СА. 1968. № 2. С. 121.

¹⁹ *Щелинский В. Е.* Производство и функции ... С. 23.

²⁰ *Замятин С. Н.* Итоги последних исследований Ильского палеолитического местонахождения//Тр. 2-й междунар. конф. АИЧПЕ. М.; Л., 1934. Вып. 5. С. 211.

²¹ *Анисюткин Н. К.* Два комплекса ... С. 122; *Городцов В. А.* Результаты ... С. 15.

²² *Анисюткин Н. К.* Два комплекса ... С. 122.

²³ *Бонч-Осмоловский Г. А.* Палеолит Крыма: Грот Кник-Коба. М.; Л., 1940. Вып. 1. С. 162, 163.

²⁴ *Городцов В. А.* Результаты ... С. 14.

НЕКОТОРЫЕ МИКРОЛИТИЧЕСКИЕ ОРУДИЯ ИЗ ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ АНЕТОВКА II

Позднепалеолитическая стоянка Анетовка II¹ открыта Причерноморской экспедицией АН УССР в 1978 г. С 1981 г. памятник исследуется совместно с Юго-Западным палеолитическим отрядом ЛОИА АН СССР.

Анетовка II расположена в Доманевском районе Николаевской области, на юго-западной окраине с. Анетовка, на высоком правом берегу р. Бакшалы, правого притока Южного Буга, на второй надпойменной террасе. К 1984 г. стоянка исследована на площади 482 кв. м. На вскрытом участке обнаружено большое скопление, насыщенное раздробленными костями и кремнями. В пределах скопления найдены обломки черепа человека, представленные лобной частью с надбровными валиками и переносицей. Открыта засыпанная охрой выкладка из челюстей зубров, имеющая форму круга. На разных участках скопления расчищены черепа зубров, также засыпанные охрой. Кроме того, выявлено 12 микроскопий, близких между собой по составу находок. Изучение памятника продолжается.

На Анетовке II собрана большая коллекция каменных изделий, насчитывающая более 500 тыс. предметов. Около 15 000 из них имеют вторичную обработку и могут быть отнесены к орудиям. Треть орудий изготовлена из микропластинок. Наряду с ними представлены резцы, абсолютное большинство среди которых составляют ретушные, боковые (1894 из 3690), скребки, комбинированные орудия, остря, скребла, ретушированные пластины, долотовидные орудия, зубчатые и выемчатые формы, топор, ретушированные отщепы и другие единичные орудия. Более 280 предметов составляет коллекция костяных изделий, среди которых имеются орудия, украшения и другие поделки.

В данной работе речь пойдет только о некоторых орудиях, изготовленных из микропластинок. Они насчитывают 290 экз. Для оформления этих микроорудий применяли мелкую краевую ретушь, нанесенную по кромке края, мелкую и крутую притупливающие ретуши, последняя не только срезала, но и выравнивала края микропластинок. В отдельных случаях использовали встречную, противоположающую и зубчатую ретушь. Микропластинки, служившие заготовками, имели небольшие размеры: длина 1,2—2, 2—2,5 см, ширина 0,3—0,5—0,8 см, толщина 0,3—0,6 см.

Рассматриваемые орудия можно разделить на 2 группы: микроострия и ретушированные микропластинки. Среди них есть изделия, ретушированные по 1 и по 2 краям, с ретушированным концом и краем.

Микроострия. Микроострия с ретушью по одному и по двум краям, учитывая морфологию заготовок и характер оформления, можно разделить на несколько вариантов. Заготовками для них служили овально-треугольные микропластинки длиной 1,2—1,9 см и шириной 0,5—0,7 см в самой широкой части, удлинённые треугольные микропластинки длиной 2,1—2,5 см, шириной 0,4—0,6 см, правильные призматические микропластинки длиной 1,5—2,5 см, шириной 0,4—0,6 см.

Микроострия с ретушью по одному краю — 42 экз. разнообразны: 1) микроострие овально-треугольной формы с мелкой краевой ретушью не по всему краю, а лишь у остря (рис. 1, 1). Оно слегка изогнуто в профиль. 2) Микроострия овально-треугольной формы с крутой притупливающей ретушью по всему краю — 8 экз. Все целые, 4 микроострия слегка изогнуты в профиль, остальные прямые. Из них 7 экз. имеют длину от 1,5 см до 1,8 см, у 1 экз. длина 2,2 см (рис. 1, 2, 3). 3) Микроострия удлинённой треугольной формы с мелкой краевой ретушью по

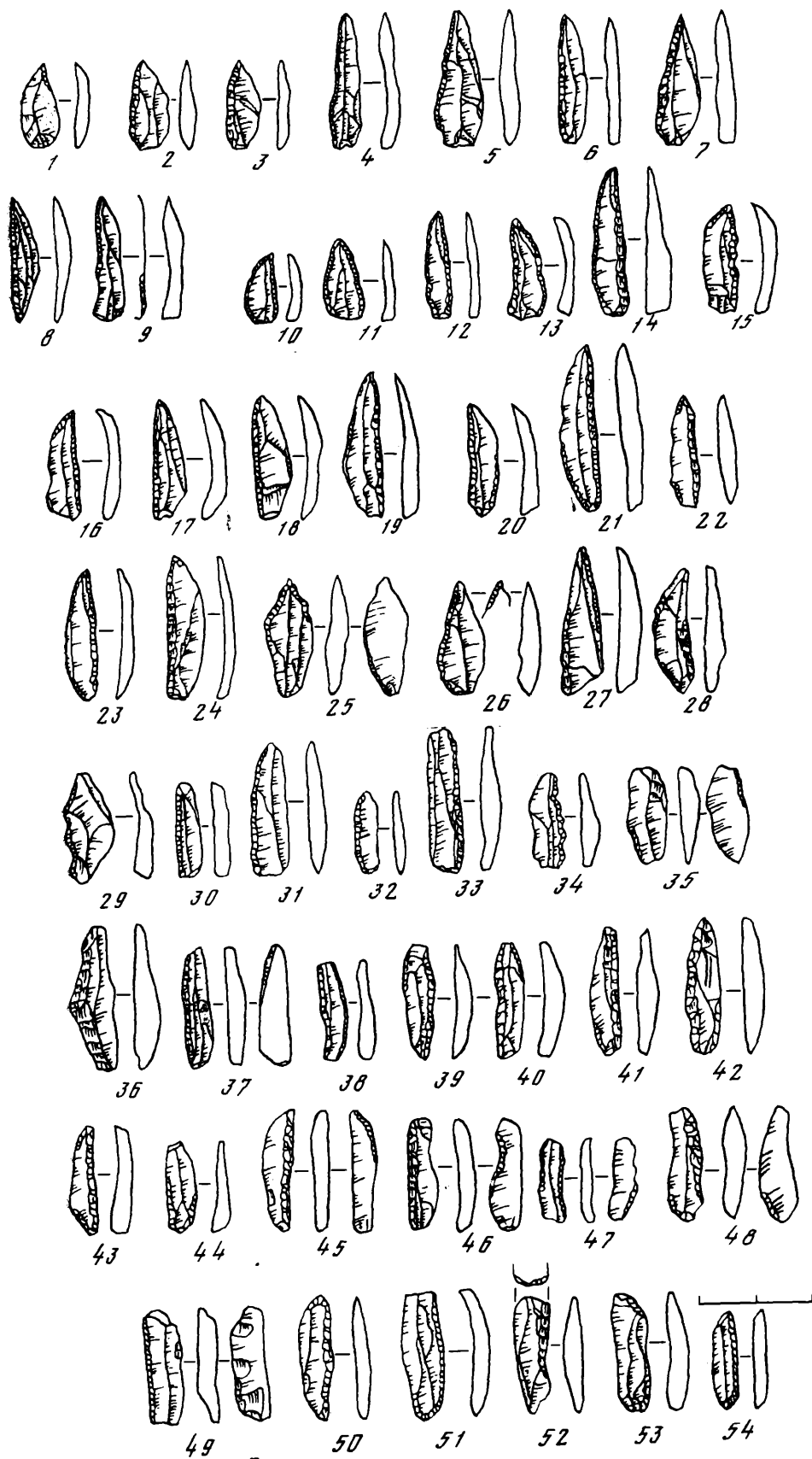

краю — 7 экз., среди них 5 — целых, 1 — без основания, 1 — с обломаным верхним кончиком. По длине они делятся на 2 группы: 3 экз. — до 2 см, 4 экз. — более 2 см. Три экз. слегка изогнуты в профиль, остальные прямые (рис. 1, 4, 5). 4) Микроострия удлиненной треугольной формы с крутой притупляющей ретушью по краю — 23 экз., в том числе 15 целых, 1 — без основания, 7 — со сломанными кончиками. По длине выделяются 10 экз. до 2 см и 5 экз. свыше 2 см. Из правильных узких треугольных микропластинок шириной 4—5 мм изготовлено 9 микроострий, остальные 14 экз. из призматических микропластинок неправильной формы шириной 6—8 мм. Слегка изогнуты в профиль 14 экз., 9 экз. имеют прямой профиль (рис. 1, 6, 7). 5) Микроострие двойное из удлиненной микропластинки с крутой притупляющей ретушью по краю. Слегка изогнуто в профиль (рис. 1, 8). 6) Микроострия из удлиненных микропластинок с чередующимися ретушированными участками по краю — 2 экз. Оба целые. Слегка изогнуты в профиль (рис. 1, 9).

Микроострия с ретушью по двум краям — 56 экз. разделяются тоже на несколько вариантов. 1) Микроострия овально-треугольной формы с мелкой краевой ретушью по одному краю и мелкой притупляющей — по другому — 4 экз., из них 3 целых, 1 — без основания. Два микроострия длиной 1,2 см и 1,4 см, третье — 2,1 см. Два — слегка изогнуты в профиль, остальные прямые (рис. 1, 10, 11). 2) Микроострия с мелкой притупляющей ретушью по одному краю и крутой притупляющей по другому — 8 экз. Для них использовали треугольные микропластинки разной длины: 4 экз. — до 2 см и 4 экз. — свыше 2 см. Три микроострия слегка изогнуты в профиль, остальные прямые (рис. 1, 12—14). 3) Микроострия с мелкой краевой ретушью по одному краю у острия и крутой притупляющей по второму — 22 экз., среди них 17 целых, 5 без оснований. Заготовками служили удлиненные треугольные и правильной призматической формы микропластинки. У 15 экз. длина от 1,5 до 1,9 см, у 7 экз. — от 2,2 до 2,3 см. Шесть микроострий слегка изогнуты в профиль, остальные прямые (рис. 1, 15—17). 4) Микроострия с мелкой краевой ретушью в средней части одного края и крутой притупляющей по другому краю — 4 экз. Все целые. Они имеют удлиненную треугольную форму. Одно микроострие 1,9 см длиной, остальные 2,1—2,5 см. Два экз. слегка изогнуты в профиль, остальные прямые (рис. 1, 18, 19). 5) Микроострия с мелкой краевой ретушью у основания по одному краю и крутой притупляющей по другому — 7 экз., в том числе 6 — целых, 1 — без основания. Три экз. имеют длину до 2 см, остальные — свыше 2 см. Четыре микроострия имеют прямой профиль, остальные слегка изогнуты в профиль (рис. 1, 20, 21). 6) Микроострия с мелкой краевой ретушью у острия и основания по одному краю и крутой притупляющей по другому — 3 экз., все целые, прямые в профиль. Длина одного 1,9 см, двух других 2,1 см и 2,3 см (рис. 1, 22, 23). 7) Микроострия со встречной крутой притупляющей ретушью по одному краю, второй край у них оформлен по-разному — 3 экз. У 2 микроострий мелкая краевая ретушь нанесена по второму краю у острия со стороны брюшка, у 1 экз. крутая притупляющая ретушь у основания со спинки. Одно микроострие длиной 1,9 см, два других — 2,1 и 2,3 см. Два из них имеют прямой профиль, одно — слегка изогнуто (рис. 1, 24). 8) Микроострия с чередующимися ретушированными участками по краю, второй край оформлен по-разному — 2 экз., среди них 1 — целое, 1 — без основания. Одно микроострие имеет по второму краю крутую притупляющую ретушь только у острия (рис. 1, 25), второе — мелкую краевую ретушь по всему краю. Оба прямые в профиль. 9) Микроострие с противоположающей ретушью, один край оформлен мелкой притупли-

Рис. 1. Микролитические орудия Анетовки II

1—28 — микроострия; 29—54 — ретушированные микропластинки

вающей ретушью, второй — мелкой краевой только у острия. Прямое в профиль (рис. 1, 26). 10) Микроострие с мелкой краевой ретушью от острия до середины — по одному краю и крутой притупливающей ретушью от основания до середины — по второму краю. Оно целое, слегка изогнуто в профиль (рис. 1, 27). 11) Микроострие с крутой притупливающей ретушью у основания — по одному краю и мелкой притупливающей у основания и в средней части — по второму краю. Микроострие целое, слегка изогнуто в профиль (рис. 1, 28).

Итак, микроострия Анеговки II насчитывают 98 экз. Они отличаются различным оформлением. У них наблюдается переход от микроострий овально-треугольной формы с мелкой краевой ретушью по краям к удлиненным, изготовленным из правильных микропластинок экземплярам, оформленным мелкой или крутой притупливающей ретушью. Отмечается определенная стандартизация и в размерах изделий; мелкие микроострия имеют длину от 1,5 до 1,9 см, более крупные — от 2,1 до 2,5 см. У 55 микроострий — прямой профиль, 43 — слегка изогнуты в профиль.

Вторую группу составляют ретушированные микропластинки. Среди микропластинок с ретушью по одному краю — 140 экз. — можно выделить следующие варианты: 1) микропластинки треугольной формы с мелкой притупливающей ретушью по краю — 2 экз., целые. У одной микропластинки край ретуширован полностью (рис. 1, 29), у второй — ретушь нанесена от верхнего конца до середины края. 2) Микропластинки удлиненной призматической формы с мелкой притупливающей ретушью — 70 экз., среди них 14 — целых, 28 — без верхних концов, 16 — средних частей, 12 — без оснований. По длине выделяются 2 группы: 10 экз. — 1,4—1,9 см; 4 экз. — 2,1—2,4 см (рис. 1, 30, 31). 3) Микропластинки к крутой притупливающей ретушью по краю — 60 экз., в числе их 46 — целых, 11 — без верхних концов, 3 — без оснований. По форме и размерам различаются: 5 экз. треугольной формы, 1,3—1,9 см длиной, остальные микропластинки удлиненной призматической формы: 5 экз. — 1,2—1,4 см длиной, 20 экз. — 1,5—1,9 см, 16 экз. — 2,2—2,3 см (рис. 1, 32, 33). 4) Микропластинки с зубчатым краем — 3 экз., оформленные мелкой притупливающей ретушью, из них 1 — целая, 1 — средняя часть, 1 — без основания (рис. 1, 34). 5) Микропластинка с чередующимися ретушированными участками края — 3 экз., среди них 2 — целые, 1 — без основания (рис. 1, 35). 6) Микропластинки со встречной крутой притупливающей ретушью по краю, целая (рис. 1, 36). 7) Микропластинка с крутой притупливающей ретушью по одному краю и резцовым сколом по другому. Данное орудие можно отнести к резцам на углу микропластинки, однако по характеру заготовки и оформлению (резцовый скол фактически не образует лезвия) оно ближе к выделяемым нами микроорудиям (рис. 1, 37).

Микропластинки, ретушированные по двум краям, — 43 экз., представлены следующими вариантами: 1) микропластинки с мелкой краевой ретушью по одному краю и мелкой или крутой притупливающей ретушью по второму краю — 5 экз., среди них 2 — целых, 2 — без оснований, 1 — без верхнего конца. У 3 экз. второй край оформлен мелкой притупливающей ретушью, у 3 экз. — крутой притупливающей ретушью (рис. 1, 38). 2) Микропластинки с мелкой краевой ретушью у верхнего конца по одному краю и крутой притупливающей по второму — 15 экз., из них 13 — целых, 2 — без верхних концов. Выделяются 4 экз. треугольной формы, длиной 1,4—1,6—1,8 см, остальные удлиненной призматической формы; 7 экз. — 1,5—1,9 см, 1 экз. — 2,4 см (рис. 1, 39, 40). 3) Микропластинки с мелкой краевой ретушью у основания по одному краю и крутой притупливающей ретушью по другому — 8 экз., среди них 6 — целых, 1 — средняя часть, 1 — без верхнего конца. Две микропластинки до 2 см, четыре — свыше 2 см длиной (рис. 1, 41, 42). 4) Микропластинки с мелкой краевой ретушью у верхнего конца и основания по одному краю и крутой притупливающей по второму — 2 экз., среди

них 1 — без верхнего конца, 1 — без основания (рис. 1, 43). 5) Микропластинка с мелкой притупливающей ретушью по обоим краям у основания, остальные участки краев оставлены без обработки (рис. 1, 44). 6) Микропластинки с противоположащей ретушью — 10 экз., из них 4 — целых, 4 — без верхнего конца, 1 — средняя часть, 1 — без основания. Три микропластинки оформлены мелкой притупливающей ретушью по одному краю со спинки и мелкой краевой ретушью в средней части второго края с брюшка; 3 — крутой притупливающей ретушью по одному краю со спинки и мелкой притупливающей в средней части второго края с брюшка. Четыре микропластинки имеют кругую притупливающую ретушь со спинки по одному краю и мелкую краевую у верхнего конца с брюшка — по второму (рис. 1, 45, 46). 7) Микропластинки с чередующейся ретушью по одному краю, второй край оформлен по-разному — 3 экз. У одной микропластинки кругая притупливающая ретушь нанесена по одному краю и мелкая краевая чередующаяся — по второму; у второй микропластинки мелкая краевая ретушь имеется по одному краю и мелкая краевая чередующаяся — по второму; у третьей микропластинки мелкая краевая ретушь оформляет один край у основания и кругая притупливающая чередующаяся — второй край (рис. 1, 47—49).

Микропластинки с ретушированным концом и краем — 9 экз. различаются характером вторичной обработки и формой конца. 1) Микропластинки с овально-выпуклым концом и разнообразной ретушью по краям — 6 экз., из них 3 — целых, 1 — без верхнего конца, 2 — без оснований. У 3 экз. края оформлены крутой притупливающей ретушью, у 2 остальных — мелкой притупливающей ретушью, причем у них ретушь нанесена лишь у верхнего конца. У 1 экз. мелкая краевая ретушь имеется по обоим краям, один из них ретуширован полностью, второй — у верхнего конца. Концы микропластинок обработаны разной ретушью: 2 — мелкой притупливающей, 4 — мелкой краевой, у 1 из них конец ретуширован с брюшка. У 5 микропластинок ретушированы верхние концы, у 1 — основание (рис. 1, 50—52). 2) Микропластинки со скошенным концом и ретушированным краем — 3 экз., целые. Две из них имеют по краю кругую притупливающую ретушь, 1 — мелкую краевую не по всему краю, а только у основания. Концы 2 микропластинок оформлены мелкой притупливающей ретушью, у 1 — мелкой краевой (рис. 1, 53, 54). У двух микропластинок ретушированы верхние концы, у одной — основание. Микропластинки с ретушированными концами и краями не образуют выразительной серии.

Таким образом, в Анетовке II представлено 192 ретушированных микропластинки, из них 140 с ретушью по одному краю, 43 — по двум краям, в том числе 1 с резцовым сколом, 9 с ретушью на конце и по краям. Как и среди микроострий, здесь отмечен постепенный переход от неправильных микропластинок с мелкой краевой ретушью к удлиненным правильным микропластинкам с притупленным краем. Треть микропластинок слегка изогнуты в профиль, у остальных профиль прямой.

Микроострия и ретушированные микропластинки Анетовки II составляют своеобразный комплекс орудий и отличаются от микроострий и микропластинок с притупленным краем многих известных стоянок. И все же подобные орудия встречены в ряде памятников южно-русских степей. К числу таких памятников относится стоянка Сагайдак 1², расположенная на р. Ингул. В ней представлена серия микроострий и микропластинок овально-треугольной формы с мелкой краевой и мелкой притупливающей ретушью по краям. Сагайдак 1 принадлежит к памятнику средней поры позднего палеолита. Стоянка имеет радиоуглеродную дату, полученную по костям 21 240 ± 200 (ЛЕ 1602).

Вторым памятником, имеющим микроорудия, близкие к анетовским, является Мураловка³, находящаяся на правом берегу Миусского лимана. Н. Д. Праслов, подчеркивая своеобразие этой стоянки, обращает внимание прежде всего на микроострия и ретушированные миниатюрные пластиночки. По условиям залегания, фауне и набору кремневого

инвентаря Мураловка отнесена к памятникам средней поры позднего палеолита. Для Мураловки получены даты по костям $18\,780 \pm 300$ (ЛЕ 1438) и $19\,630 \pm 200$ (ЛЕ 1601).

В 300 м севернее Анетовки II расположена стоянка Анетовка I⁴, в инвентаре которой имеются микроорудия, аналогичные вышеописанным. По всем данным Анетовка I предшествует по времени Анетовке II. Оба памятника принадлежат одной культуре.

Серия миниатюрных пластиночек и микроострий, близких анетовским, найдена на стоянке Золотовка I⁵ на Нижнем Дону. Пока нет подробной публикации материалов этого памятника. Для нее получена дата по костному углю $17\,400 \pm 700$ (ГИН 1938). И наконец, последний памятник, который мы считаем необходимым здесь упомянуть, это Рашков VII⁶, расположенный на р. Днестре. В нем тоже есть сходные группы микроорудий. Стоянка имеет дату $12\,220 \pm 500$ (ЛЕ 1061).

Перечисленные памятники принадлежат к разным периодам развития позднего палеолита. Это позволяет проследить постепенное изменение орудий. Аналогичные группы орудий дают возможность выявить памятники, близкие в культурном отношении.

¹ Станко В. Н., Смольянинова С. П., Иванов Г. И. Раскопки позднепалеолитических стоянок Анетовка I и II на Среднем Буге//Древности Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1981. С. 13—17.

² Станко В. Н., Григорьева Г. В. Исследование памятников каменного века на р. Ингуле//Древности Приингуля. Киев, 1977. С. 37—51.

³ Праслов Н. Д. Некоторые специфические формы каменных орудий Мураловской палеолитической стоянки//КСИА. Вып. 131. С. 70—77.

⁴ Станко В. Н., Смольянинова С. П., Иванов Г. И. Раскопки позднепалеолитических стоянок Анетовка I и II ... С. 7—13;

Станко В. Н., Смольянинова С. П., Швайко Т. Н. Позднепалеолитическое поселение Анетовка I//Северное Причерноморье. Киев, 1984. С. 4—14.

⁵ Праслов Н. Д., Иванова М. А., Малясова Е. С. Золотовка I — поселение охотников на зубров на Нижнем Дону//БКИЧП. М. 1980. 50. С. 168—175.

⁶ Григорьева Г. В., Кетрару Н. А. Исследование палеолитических стоянок Рашков VII и VIII//Археологические исследования в Молдавии в 1970—1971 гг. Кишинев, 1973. С. 15—26.

Е. М. КОЛПАКОВ

ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ АФОНТОВСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В 70-е годы З. А. Абрамова выделила в палеолите Минусинской котловины афонтовскую и кокоревскую археологические культуры, основываясь на материале стратифицированных памятников левого берега Енисея¹. Вполне закономерно, что их связь с памятниками правого берега Енисея представляет определенный интерес. Наиболее представительными на правобережье являются Подсуханыха, Ирджа и Улазы. Все три стоянки разрушены и представлены подъемным материалом, однако Н. Ф. Лисицын показал, что они являются несмешанными комплексами². Характерными для инвентаря этих памятников можно считать следующие черты: подавляющее большинство орудий изготовлено из отщепов, резцы практически отсутствуют, скребла и скребки явно преобладают, хорошо представлены долотовидные орудия, проколок и остроконечников мало — до 2%. В целом этими же чертами характеризуется афонтовская культура³.

З. А. Абрамова писала, что Подсуханыха «может быть связана с афонтовской культурой скорее, чем с кокоревской», хотя и не исключено, что «здесь представлен особый вариант палеолитической культуры

Енисея»⁴. Н. Ф. Лисицын пришел к выводу, что «комплекс стоянки Подсуханиха имеет своеобразный облик и по типам инвентаря не может быть отнесен к кокоревской или афонтовской культуре»⁵. Комплекс каменных орудий Ирджи Н. Ф. Лисицын отнес к мезолиту, найдя аналогии некоторым орудиям в мезолитическом и неолитическом комплексах стоянки Бирюса. В то же время он допускает, что в нем возможна примесь (скребла, скребки?) палеолитических орудий. Стоянку Улазы он также рассматривает как мезолитическую, так как в ее комплексе имеется значительная группа топоров, тесла, аморфные нуклеусы торцового скалывания, мелкие призматические формы нуклеусов и отсутствуют типичные клиновидные формы⁶.

Поскольку по своим наиболее характерным чертам Подсуханиха, Ирджа и Улазы сближаются с афонтовской культурой, мною было проведено их сравнение с четырьмя основными афонтовскими памятниками: Кокорево II и III, Таштыком I и II. Причем материал был проработан различными методами.

Прежде всего комплексы были обработаны по методу Ф. Борда на основе тип-листа З. А. Абрамовой, разработанному для палеолита Минусинской котловины⁷. Для сравнения были привлечены также материалы Кокорево I (кокоревская культура). На графике кумулятивных кривых (рис. 1) видно, что кумулятивная кривая Ирджи почти совпадает с кривыми афонтовских комплексов, а кривая Подсуханихи значительно отклоняется от них. Кривая Улазы в целом параллельна кумулятивным кривым афонтовских комплексов, но в то же время отличается от них отсутствием многих типов. Причем кривая Кокорево I отличается от кумулятивных кривых афонтовских памятников больше, чем кривая Улазы (кумулятивные кривые кокоревских памятников Новоселово VI и VII пройдут еще выше Кокорево I⁸). Таким образом, метод Борда приводит к выводу, что Подсуханиха и Ирджа принадлежат афонтовской культуре. Неясно место Улазы: можно ли считать этот памятник принадлежащим афонтовской культуре, ее вариантом или представляющим другую культуру?

Однако доверительные интервалы, вычисленные для набора типов исследуемых памятников, за редкими исключениями, значительно перекрывались. Статистически значимыми без всяких оговорок оказались лишь те различия, которые очевидны уже при первом общем знакомстве с материалом. Доверительные интервалы показали, что в данном случае нельзя сделать заключение о культурной принадлежности интересующих нас памятников по процентному соотношению типов и кумулятивным графикам.

Но существуют и более веские причины, заставляющие искать другие подходы к решению подобных вопросов. При приложении созданного ранее тип-листа к новым комплексам артефактов возникает опасность подгонки нового материала под уже существующие типы, вполне возможно менее характерные для этого материала. Использование старой типологии может привести к стиранию различий, имеющихся в новом материале, искусственному увеличению сходства между артефактами и комплексами и, как следствие, к обнаружению несуществующих связей между объектами изучения и т. п. Для преодоления трудностей такого рода необходимы специальные средства.

С этой целью для каждого памятника в отдельности был составлен индивидуальный тип-лист, исходя из комплекса орудий только самого этого памятника. Выделение типов производилось на основе аналитических классификаций с последующим отбором тех признаков и их сочетаний, которые наилучшим образом распределяют предметы в отграниченные друг от друга классы. Материал каждого комплекса последовательно перегруппировывался на основе отобранных признаков. Эта процедура повторялась вновь и вновь до получения наиболее стабильных групп, т. е. групп, имеющих наиболее четкие и однозначные границы и выделенных по сочетанию возможно большего количества признаков

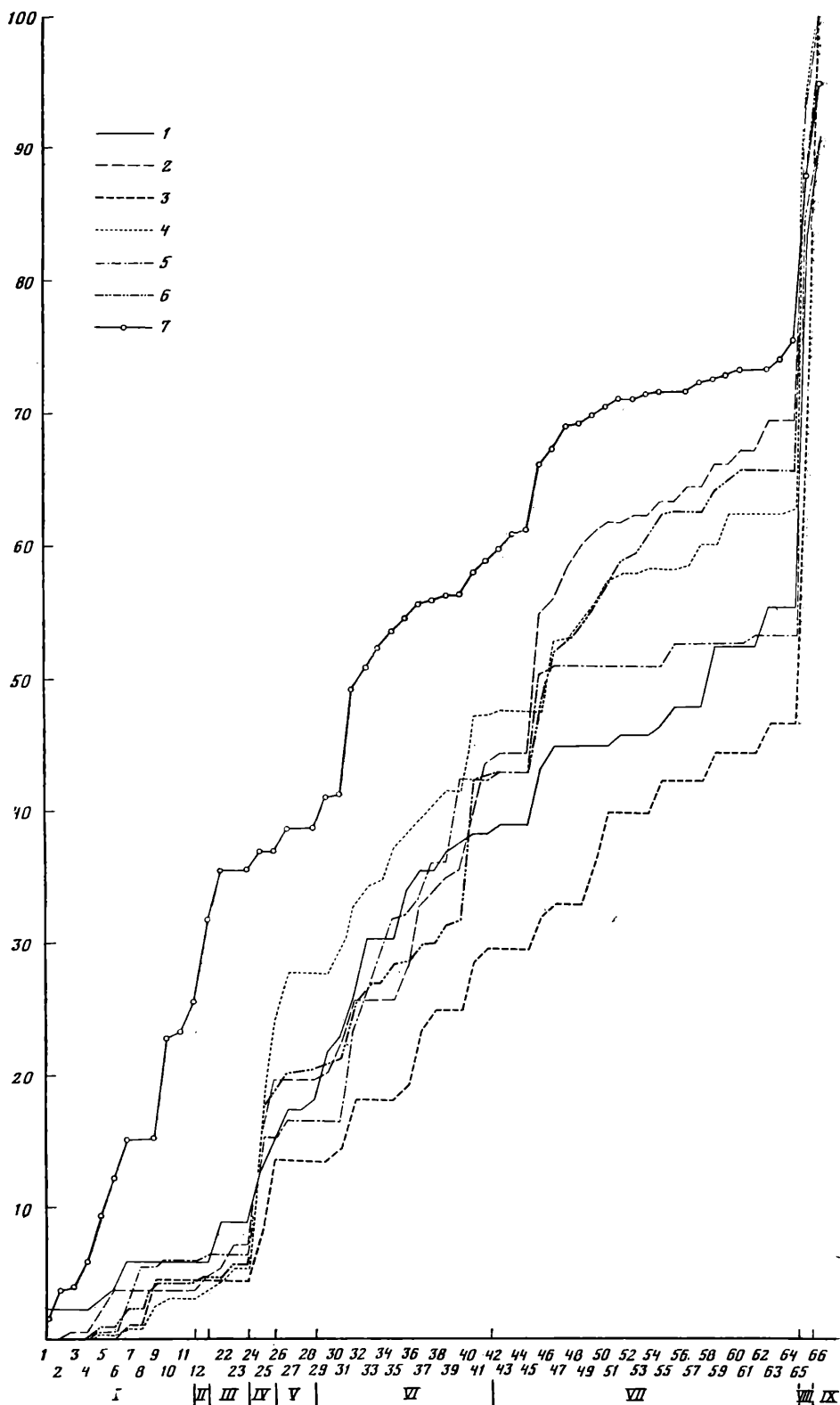

Рис. 1. График кумулятивных кривых типов орудий

1 — Подсуханиха; 2 — Ирджа; 3 — Улазы; 4 — Кокорево II; 5 — Кокорево III; 6 — Таштык I; 7 — Кокорево I

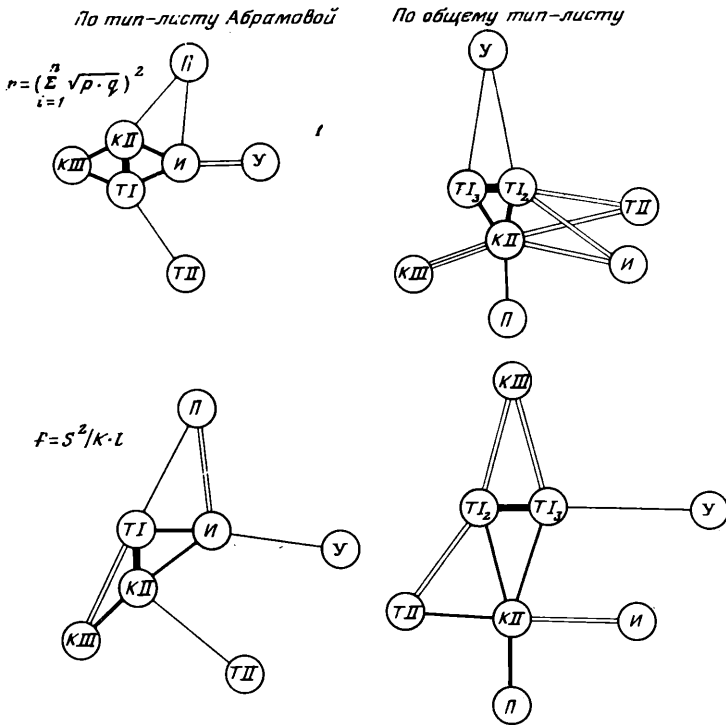

Рис. 2. Графы близости памятников

КИ — Кокорево II; КИИ — Кокорево III; Таштык I—ТИ; ТИ₃ — 3 слой; ТИ₂ — 1—2 слои; ТИ — Таштык II; П — Подсуханиха; И — Ирджа; У — Улазы

Таким образом, вся процедура представляла собой поиск наиболее устойчивых, повторяющихся сходств свойств-признаков, и наиболее устойчивых, повторяющихся сходств артефактов, которые можно рассматривать как сочетания свойств-типов⁹. Такая процедура классифицирования операционально близка типологической классификации А. Кригера, К. Қлакхона и И. Рауза, хотя и не совпадает с ней¹⁰. В результате классификации было получено семь индивидуальных тип-листов, подробно описывающих характеристики всех комплексов как неслучайные явления внутри каждого из них самого по себе. На их основе был построен один общий тип-лист.

Между комплексами орудий, расклассифицированных и по тип-листу З. А. Абрамовой, и по нашему общему тип-листу, было вычислено по два различных показателя близости и построены соответствующие графы, которые можно было развернуть и ориентировать¹¹. Как и следовало ожидать, во всех случаях получились разные, хотя и не противоречивые результаты (рис. 2). При построении графов учитывались только те связи, значения которых выше самых сильных связей с Кокорево I. На графах видно, что в любом случае связи Ирджи и Подсуханихи с Кокорево II и Таштыком I не слабее связей с ними Кокорево III и Таштыка II. Поэтому есть все основания считать Подсуханиху и Ирджу памятниками афонтовской культуры. Связи Улазы с афонтовскими памятниками самые слабые, но и они все же сильнее их связей с Кокорево I.

Затем был проведен анализ индивидуальных тип-листов. Он показал, что Подсуханиха и Ирджа обладают рядом специфических, только им присущих черт, но эта специфика и различия с афонтовскими памятниками левого берега Енисея несколько не больше, чем различия между самими афонтовскими памятниками.

Более того, Подсуханиха является самым сходным с Кокорево II памятником из всех рассматриваемых нами. Пожалуй, наибольшее раз-

личие между ними наблюдается в остроконечниках. В Подсуханихе они тщательно обработаны и приближаются к листовидной форме. В Кокорево II остроконечники обработаны грубо и более близки по форме к треугольнику. Заметно отличаются проколки: в Подсуханихе они очень невыразительны по сравнению с Кокорево II. Есть еще некоторые различия между сравнимыми типами скребков, но они еще менее заметны. Все другие различия между этими двумя стоянками существуют на уровне наличия-отсутствия типов, но именно это фиксируют примененные показатели близости,— а они дают высокие значения для пары Подсуханиха—Кокорево II.

Ирджа выделяется прежде всего наличием нескольких очень характерных типов, которые больше нигде не встречаются. Это — скребла с отретушированным поперечным краем, угловатые скребла с противоположащей подтеской, «ножевидные» скребла, два типа скребков со скошенным рабочим краем, скребки с боковой вентральной ретушью, которые есть еще только в Кокорево III, но менее выразительны, скребки с плечиком и крупные сегментовидные скребки.

Однако Таштык I, который связан с Кокорево II самыми высокими показателями близости во всех случаях, также обладает целым рядом присущих только ему специфических типов скребел и скребков¹². Причем Ирджа и Таштык I, особенно его третий слой, сближаются по некоторым выразительным типам. Только в этих комплексах встречены обработанные по всему периметру скребла, скребки с обушком, резцы. Таким образом, включение Подсуханихи и Ирджии в афонтовскую культуру имеет сильные основания, так как к этому выводу приводят различные методы.

Стоянку Улазы резко отличает от афонтовских памятников группа топоров-тесел, но по другим типам резких различий не наблюдается. Кроме группы топоров-тесел, в комплексе Улазы нет ни одного типа, который не попадал бы в типологию афонтовской культуры по любому из использованных тип-листов. При этом необходимо учитывать, что топоры и тесла представлены в небольшом количестве в позднем палеолите Енисея¹³, но они отличаются от топоров из целых галек и тесел из Улазы. Топоры Улазы совершенно отличны также от топоров Кокорево I по своей форме, характеру заготовки и обработки¹⁴. А самый выразительный топор из Улазы почти полностью идентичен вплоть до следов утилизации топорнику из Афонтовой горы¹⁵. Наиболее поздним орудием выглядит тесло с ушками¹⁶, через которое протягивается ниточка от каменного века Енисея к прибайкальскому неолиту. Учитывая все полученные данные, можно считать Улазы либо поздним этапом афонтовской культуры, либо другой археологической культурой, но преемственно связанной с афонтовской.

Из всех наших графов и тип-листов следует, что Кокорево II занимает в афонтовской культуре совершенно особое место. Эта стоянка обладает не просто богатым набором типов и большим количеством материала — она обладает наиболее характерными для всей культуры типами и в наиболее полном наборе. Есть всего один малочисленный тип скребков, который представлен только в Кокорево II и отсутствует в других памятниках.

Такое исключительное положение Кокорево II заставляет с особой осторожностью относиться к связям этого памятника с другими, которые демонстрируют построенные графы. Так, учитывая, что Ирджа в графах «мечется» между Кокорево II и Таштыком I, предпочтительнее связать ее с последним, так как эти памятники объединяет ряд специфических типов. Таштык II, по моему мнению, является продолжением Таштыка I, несмотря на то, что в графах он обычно связывается с Кокорево II. Существенным представляется наличие в Таштыке I и II микропроколов, близкое сходство их остроконечников, наличие скребков, рабочий край которых скошен заметно сильнее и более выпуклый, чем у скребков Кокорево II¹⁷.

Что касается Кокорево III, то З. А. Абрамова уже отмечала наибольшее отличие этого памятника от других афонтовских памятников и считала его наиболее поздним¹⁸. Ю. П. Холюшкин выявил различия в толщине скребков между Кокорево II и III¹⁹. Обмеры скребел показали, что в целом длина и ширина скребел из Кокорево III меньше длины и ширины скребел всех остальных афонтовских памятников, но по толщине они не различаются. Причем среднее значение отношения ширины скребла к его длине в Кокорево III выше, чем в остальных памятниках левого берега Енисея.

Теперь можно попытаться построить относительную хронологию наших памятников. Самым ранним выглядит Кокорево II. Третий слой Таштыка I начинает существовать приблизительно в это же время, причем нет оснований считать его типологическим продолжением Кокорево II. Оба памятника существуют синхронно, — возможно, лишь первый слой Таштыка I позже Кокорево II. Подсуханиха, судя по всему, возникает несколько ранее второго слоя Таштыка I, но не позже его конца. Ирджа параллельна второму слою — началу первого слоя Таштыка I. Таштык II, вероятно, продолжение Таштыка I. Кокорево III появляется не раньше окончания существования Кокорево II. Намного более поздним памятником является Улазы.

Такая относительная хронология вытекает из всех полученных результатов, но в ее пользу есть и дополнительные данные. По некоторым типам можно выстроить расплывчатые эволюционные ряды, используя индивидуальные тип-листы. Скрепки с выемками: в Кокорево II выемка только намечается, это еще слегка вогнутый боковой край; в Подсуханихе выемка становится глубже или вогнутый край располагается под острым углом к основному; в третьем слое Таштыка I с боковой выемкой; в первом-втором слоях Таштыка I со скошенной по отношению к основному краю выемкой; в Ирдже только с выраженной боковой выемкой; в Таштыке II и Кокорево III появляются скребки с двумя скошенными широкими выемками. Скрепки с обушком: появляются в третьем слое Таштыка I; наиболее выразительны в Ирдже; в первом-втором слоях Таштыка I с двумя выемками на обушке; для Таштыка II и Кокорево III продолжением этой линии можно считать скребки с двумя скошенными выемками. В целом такое же направление можно наблюдать и по изменению скошенности рабочего края скребков: в Кокорево II и Подсуханихе скошенность рабочего края представлена слабо; в первом-втором слоях Таштыка I и Кокорево III есть скребки с рабочим краем, расположенным под 45° к оси орудия, а в Ирдже — овальнскошенные. Нечеткость и расплывчатость таких типологических рядов позволяет привлекать их только как дополнительный и слабый аргумент в пользу нашей относительной хронологии. В то же время они соответствуют дивергенции в развитии афонтовской культуры, которое выявляется другими методами.

В заключение отметим методические аспекты работы. 1. Использование различных типологий для одного и того же материала. 2. Использование различных математических приемов для одного и того же материала. 3. Построение индивидуальных тип-листов для каждого комплекса и попытка построения типологических рядов на их основе. 4. Получение выводов на основе сравнения результатов, полученных разными методами.

¹ Абрамова З. А. Новые данные по палеолиту Енисея//МИА. 1971. № 173. Она же. Палеолит Енисея: Афонтовская культура. Новосибирск, 1979; Она же. Палеолит Енисея: Кокоревская культура. Новосибирск, 1979.

² Лисицын Н. Ф. Каменный век Минусинской котловины: Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1979.

³ Абрамова З. А. Палеолит Енисея: Афонтовская культура. С. 117—119; Она же. Палеолит Енисея: Кокоревская культура. С. 177, 178.

⁴ Абрамова З. А. Находки каменного века в Абакано-Минусинской котловине//Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975. С. 25.

⁵ Лисицын Н. Ф. Каменный век... С. 101.

- ⁶ Там же. С. 128, 124.
- ⁷ *Bordes F. Principes d'une methode d'etude des techniques de debitage et de la typologie du paleolithique ancien et moyen//L'anthropologie. 1950. Т. 54, N 12; Idem. Typologie du Paleolithique ancien te moyen. Bordeaux, 1961; Sonneville-Bordes D. Les listes types. Observations de methode/Quaternaria. 1974—1975. Т. XVIII.*
- ⁸ *Абрамова З. А. Палеолит Енисея: Кокоревская культура. С. 173.*
- ⁹ *Бочкарев В. С. К вопросу о системе основных археологических понятий//Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Л., 1975. С. 40, 41.*
- ¹⁰ *Krieger A. D. The typological concept// American Antiquity. 1944. Vol. 9. N 3; Rouse I. Classification for what?//Norwegian Archaeological Review. 1970. Vol. 3.*
- ¹¹ *Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А. Анализ археологических источников. М., 1975. С. 59—62, 76—76.*
- ¹² *Абрамова З. А. Палеолит Енисея: Афонтовская культура. С. 115, 116.*
- ¹³ *Астахов С. Н. Тесла в позднем палеолите Енисея//КСИА. Вып. 111. 1967.*
- ¹⁴ *Абрамова З. А. Новые данные ... С. 265; Она же. Палеолит Енисея: Кокоревская культура. С. 55. Рис. 27; С. 70. Рис. 36, 1.*
- ¹⁵ *Абрамова З. А. Новые данные ..., С. 262. Рис. 18, 14; Астахов С. Н. Тесла ... С. 22, рис. 7, 5.*
- ¹⁶ *Абрамова З. А. Новые данные ... С. 263. Рис. 19, 3.*
- ¹⁷ *Абрамова З. А. Палеолит Енисея: Афонтовская культура. С. 131. Табл. III, 3, 8, 11; С. 132. Табл. IV, 15; С. 137. Табл. IX, 7, 9; С. 141. Табл. XIII, 5, 12.*
- ¹⁸ Там же. С. 112—116, 122.
- ¹⁹ *Холошкин Ю. П. Проблемы корреляции позднепалеолитических индустрий Сибири и Средней Азии. Новосибирск, 1981. С. 106—108.*

Д. Ю. НУЖНЫЙ, А. А. ЯНЕВИЧ

О ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПАМЯТНИКОВ КУКРЕКСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

Одним из наиболее сложных вопросов эпохи мезолита степей Юго-Запада европейской части СССР является проблема кукрекской культуры*. Пожалуй, без преувеличения можно сказать, что ни для одной из мезолитических культур этого региона не существовало столь разноречивых мнений о датировке, генезисе, взаимодействии с окружающими культурами и роли в сложении степного неолита¹. Особый интерес вызывает стабильность развития кукрекских культурных традиций обработки кремня, заключающихся в высокоразвитой технике скальвания пластин, базирующейся на карандашевидном нуклеусе, в подавляющем использовании для основных типов орудий отщеповой заготовки и специфическом наборе микролитов. В то же время на позднем этапе развития данной культуры кукрекский компонент получает распространение в инвентаре позднемезолитических и раннеолитических культур Горного Крыма, Поднестровья, Украинского Полесья². Ключом к пониманию данных вопросов и вообще «проблемы кукрека» как явления может явиться, по нашему мнению, анализ хозяйственной специфики памятников кукрекской культурной традиции.

Вместе с тем основным направлением исследования памятников кукрекской культуры до настоящего времени были вопросы ее генезиса и датировки. Очевидным является формирование памятников кукрекской культурной традиции на основе местных финальнопалеолитических «безгеометрических» ориньякоидных культур, в частности, по мнению Д. Я. Телегина и В. Н. Станко, непосредственной подосновой кукрекской культуры явились стоянки Анетовка I и II³. Следует отметить, что наиболее древние известные кукрекские памятники: Абузова Балка, Игрень 8, Каменная Могила, Кукрек датированы методами естествен-

* По установившейся традиции авторы используют термин «кукрекская культура», подразумевая под ним памятники кукрекской культурной традиции.

ных наук первой половиной бореала (Игрень 8) — началом атлантического периода (Кукрек) ⁴. Согласуется с этой датировкой и хронология памятников окружающих культур с явными кукрекскими элементами в комплексах (Мирное, Ласпи 7). Итак, несмотря на явную генетическую связь кукрекской культуры со своей финальнопалеолитической подосновой, до сих пор представлены были памятники второй половины ее развития. Более древним пластом, очевидно дополняющим этот промежуток, являются выявленные в последнее время в Степном Крыму более архаичные комплексы, чем собственно Кукрек, Каменная Могила, Игрень 8 и т. д. К ним относятся такие памятники, как Вишенное и Родниковое. Они характеризуются общей макролитичностью орудий и заготовок, резцами и скребками, изготовленными исключительно на отщепах, причем последние приближаются к скребловидным формам. Нуклеусы представлены только крупными пирамидальными и карандашевидными формами, микролиты — массивными вкладышами кукрекского типа с подтеской и пластинками со скошенным концом. Резцы преобладают над скребками и относятся по типу к боковым и серединным, часто многолезвийным. Инокультурные компоненты, характерные для собственно Кукрека, в частности призматические нуклеусы, пластины-анкоши, резцы и скребки на пластинах отсутствуют.

Таким образом, развитие кукрекской культуры прослеживается на протяжении всего мезолита, а в некоторых регионах она приняла участие в сложении и ряда неолитических культур (сурской, буго-днестровской, крымской) ⁵. Длительность существования памятников кукрекской культурной традиции (с заключительных этапов позднего палеолита по начало неолита), значительные различия между комплексами отдельных регионов их распространения позволяют предположить, что данные памятники представляют более сложное культурно-историческое образование, чем культура. Возможно, в дальнейшем на этой территории будет выделено несколько культур, принадлежащих к единому пласту кукрекской традиции.

Устойчивость приемов обработки кремня и общего набора орудий на протяжении длительного отрезка времени и на большой территории основывалась на определенной хозяйственной специфике. Комплекс охотничьего вооружения на стоянках кукрекской культуры характеризуется наличием стержневидных костяных наконечников с пазами (Игрень 8, Каменная Могила, Вишенное, Сурской I) ⁶ и связанных с ними микровкладышевых форм как со вторичной обработкой, так и без нее. Очевидно, этим и объясняется раннее и высокое развитие микропластинчатой техники, основанной на карандашевидном нуклеусе. В то же время для соседних культур с геометрическими микролитами характерны призматические плоские нуклеусы, а встречающиеся карандашевидные почти всегда связаны с сопровождающими их другими кукрекскими элементами, в частности кукрекскими вкладышами, микропластинками со скошенным и затупленным краем и т. д. Объяснение этому следует видеть в различной специализации плоского и карандашевидного нуклеусов. Первый из них представляет собой сработанное ядрище для пластин средних размеров, дальнейшее использование которого возможно только после снятия боковых сколов, сужения рабочей поверхности и придания ей необходимой для скальвания пластин выпуклости. Однако сужение рабочей кромки автоматически ведет к сужению скальваемых пластин, т. е. превращению этого нуклеуса в микролитический пирамидальный (карандашевидный) для скальвания микропластин. Таким образом, карандашевидный нуклеус является следствием дальнейшей утилизации нуклеусов для скальвания пластин средних размеров. Необходимо отметить и тот факт, что доминирующее положение карандашевидного нуклеуса не характерно для культур с высоким развитием техники изготовления геометрических микролитов. Доминирование в комплексах нуклеусов для пластин средних размеров или карандашевидных форм фиксирует минимальную микролитичность необходимых

заготовок-пластин, свойственную для различных культур. Возможно предположить так же, что указанная специализация нуклеусов ориентируется на производство основных типов охотничьего вооружения — геометрических микролитов, острий и различных вкладышевых форм на микропластинах. Влиянием кукрекской культуры объясняется, очевидно, и появление стержневидных костяных наконечников с пазами в памятниках крымского тарденуаза, для которых типичны гарпуны с зубцами (Фатьма-Коба, слой 2—3; Ласпи 7) и гребениковской культуры (Мирное) ⁷

Описанный набор охотничьего вооружения, а также использование в качестве наконечников стрел пережиточных форм различных острий с притупленным краем находит близкие аналогии в наборе метательного вооружения финальнопалеолитических ориньякоидных культур охотников на бизона ⁸. В раннем голоцене происходит смена фаунистического комплекса степной зоны, в частности на смену первобытному бизону приходит дикий бык (тур) ⁹.

Основываясь на принципиальном сходстве основного охотничьего вооружения культур позднепалеолитических охотников на бизона и кукрекской культуры естественно предположить, что сходным был и объект охоты. Действительно, на памятниках с ярко выраженным кукрекским компонентом и сохранившимися фаунистическими остатками: Игрень 8, Каменная Могила, Вишенное, о. Сурской 1 и 2 основным фоновым животным является дикий бык (тур) ¹⁰. Охоту на быка демонстрирует также древнейший пласт изображений Каменной Могилы. Фигуры быков, находящиеся в загонах, несут на себе схематически переданные раны, интерпретируемые как следы ритуального убийства изображенных животных ¹¹. В более поздних, неолитических, слоях этих поселений, имеющих также ярко выраженные кукрекские черты, бык представлен уже возможно domesticiрованными формами.

Таким образом, памятники кукрекской культурной традиции, очевидно, отражают формирование варианта культурно-хозяйственного типа охотников степей в условиях изменения экологической обстановки на рубеже плейстоцена и голоцена, выразившегося прежде всего в складывании нового голоценового фаунистического комплекса и, в частности, замене первобытного бизона туром. Особенности охоты на дикого быка (тур, зубр) обусловили дальнейшее развитие специализированного составного вооружения в виде костяного наконечника с пазами и микровкладышами к нему. Потребностями в изготовлении таких орудий объясняется и раннее возникновение в отличие от соседних культур одной из наиболее ярких черт кукрекского кремневого инвентаря — микропластинчатой техники, основанной на правильном пирамидальном и карандашевидном нуклеусах. Необходимость этой техники диктуется самой логикой микровкладышей, т. е. максимальной стандартизацией заготовки и в связи с этим сведением к минимуму вторичной обработки. Предпосылки развития микропластинчатой техники были заложены еще в финальнопалеолитических комплексах анетовской культуры ¹².

В этой связи основные приемы техники обработки кремня кукрекской культурной традиции отражают, очевидно, преимущественно хозяйственную специфику. Некоторые авторы выделяют уже в настоящее время отдельные варианты внутри кукрекской культуры ¹³. Значительные различия между комплексами даже наиболее ранних кукрекских стоянок свидетельствуют, вероятно, о их культурной неоднородности в рамках единого культурно-хозяйственного подтипа.

Не исключено, что охота на тура способствовала первичной его domestикации в среде мезолитических охотников Северного Причерноморья. Возможно, этим и объясняется сложение на кукрекской основе ряда неолитических культур (сурская, крымская) и проникновение отдельных его элементов в комплексы сопредельных культур ¹⁴.

- ¹ *Бонч-Осмоловский Г. А.* Итоги изучения крымского палеолита // Тр. II Международн. конф. АИЧПЕ. 1934. 5. С. 154; *Телегін Д. Я.* Мезолітичні пам'ятки України. Київ, 1982. С. 116—119; *Станко В. Н.* Основные особенности и хронология памятников мезолита степей Северного Причерноморья // КСИА. 1977. Вып. 149. С. 49—52; *Он же.* Мирное: (Проблема мезолита степей Северного Причерноморья). Киев, 1982, С. 90, 113; *Даниленко В. Н.* Неолит Украины. Киев, 1969. С. 9—13.
- ² *Колосов Ю. Г.* Дослідження післепалеолітичних стоянок Криму в 1958—1959 рр. // Археологія. 1964. № 24. С. 223—232; *Станко В. Н., Суботін Л. В.* Мезолітичне місцезнаходження Залізничне в Нижньому Подунав'ї // Археологія. 1970. № 29. С. 80—83; *Зализняк Л. Л.* О влиянии северопричерноморской кукрекской культуры на мезолит Полесья // Памятники древних культур Северного Причерноморья. Киев, 1979. С. 5—14.
- ³ *Телегін Д. Я.* Мезолітичні пам'ятки ... С. 117, 118; *Станко В. Н.* Мирное ... С. 112.
- ⁴ *Телегін Д. Я.* Мезолітичні пам'ятки ... С. 46.
- ⁵ *Даниленко В. Н.* Неолит Украины ... С. 19—28; *Колосов Ю. Г.* Неоліт Криму // Археологія Української РСР. Київ, 1971. Т. 1. С. 129—137.
- ⁶ *Телегін Д. Я.* Мезолітичні пам'ятки ... С. 111. Рис. 29, 5, 9; *Даниленко В. Н.* Неолит Украины .. С. 14. Рис. 1; С. 22. Рис. 3.
- ⁷ *Станко В. Н.* Мирное ... С. 50—53.
- ⁸ Там же. С. 86, 88, 107, 113.
- ⁹ *Бибилова В. И.* Териофауна поселения Мирное. *Станко В. Н.* Мирное.. С. 178, 179.
- ¹⁰ *Телегін Д. Я.* Мезолітичні пам'ятки ... С. 112; *Даниленко В. Н.* Неолит Украины ... С. 178, 179.
- ¹¹ *Даниленко В. Н.* Неолит Украины ... С. 13, 14, Рис. 1.
- ¹² *Станко В. Н.* Мирное ... С. 95.
- ¹³ *Телегін Д. Я.* Мезолітичні пам'ятки ... С. 100, 101.
- ¹⁴ *Даниленко В. Н.* Неолит Украины ... С. 176—193.

А. Н. СОРОКИН

КУЛЬТУРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В МЕЗОЛИТЕ БАССЕЙНА Р. ОКА

Бассейн р. Оки — самого крупного притока р. Волги, охватывает территорию более десятка областей Центра европейской части СССР и приурочен преимущественно к лесной зоне. Первый мезолитический памятник в нем был открыт в 1878 г. — это стоянка Елин Бор¹. В дореволюционное время стали известны еще два памятника — Борки и Гремячее². Позже мезолит на Оке исследовали П. И. Борисовский, П. Н. Третьяков, М. В. Воеводский, М. М. Герасимов³, Л. В. Кольцов⁴, В. В. Сидоров⁵, А. С. Фролов, А. В. Трусов⁶ и др. С 1975 г. работы по выявлению и изучению окских мезолитических стоянок ведет автор⁷. К настоящему времени на рассматриваемой территории зафиксировано около 50 стоянок и местонахождений, причем примерно 20 из них подверглись раскопкам.

Вопрос о культурном своеобразии Волго-Окского региона был впервые поставлен в литературе М. В. Воеводским⁸ и наиболее полно развит в трудах А. А. Формозова⁹ и Л. В. Кольцова¹⁰. Развитие взглядов на мезолит Оки шло по пути от первоначального определения культурной специфики региона и выделения в мезолите лесной зоны европейской части СССР волго-окской мезолитической культуры¹¹ к последующему дроблению единой культуры на ряд самостоятельных, генетически чуждых друг другу культур¹². В настоящее время принята схема периодизации Л. В. Кольцова, согласно которой в мезолите региона существовали две археологические культуры — бутовская и иневская¹³. Полевые исследования автора 1982—1983 гг. показывают, что имеющаяся схема уже не исчерпывает всего культурного многообразия мезолита Окского бассейна и нуждается в дополнениях. В свете последних исследований рассмотрим кратко культурные различия мезолитических стоянок Оки.

Бутовская культура (рис. 1, А) выделена в 1976 г. Л. В. Кольцовым¹⁴. В Окском бассейне к ней относятся свыше 20 памятников, включая Турынинские дворики, Звенигородская, Борки, Шумашь 2, Петру-

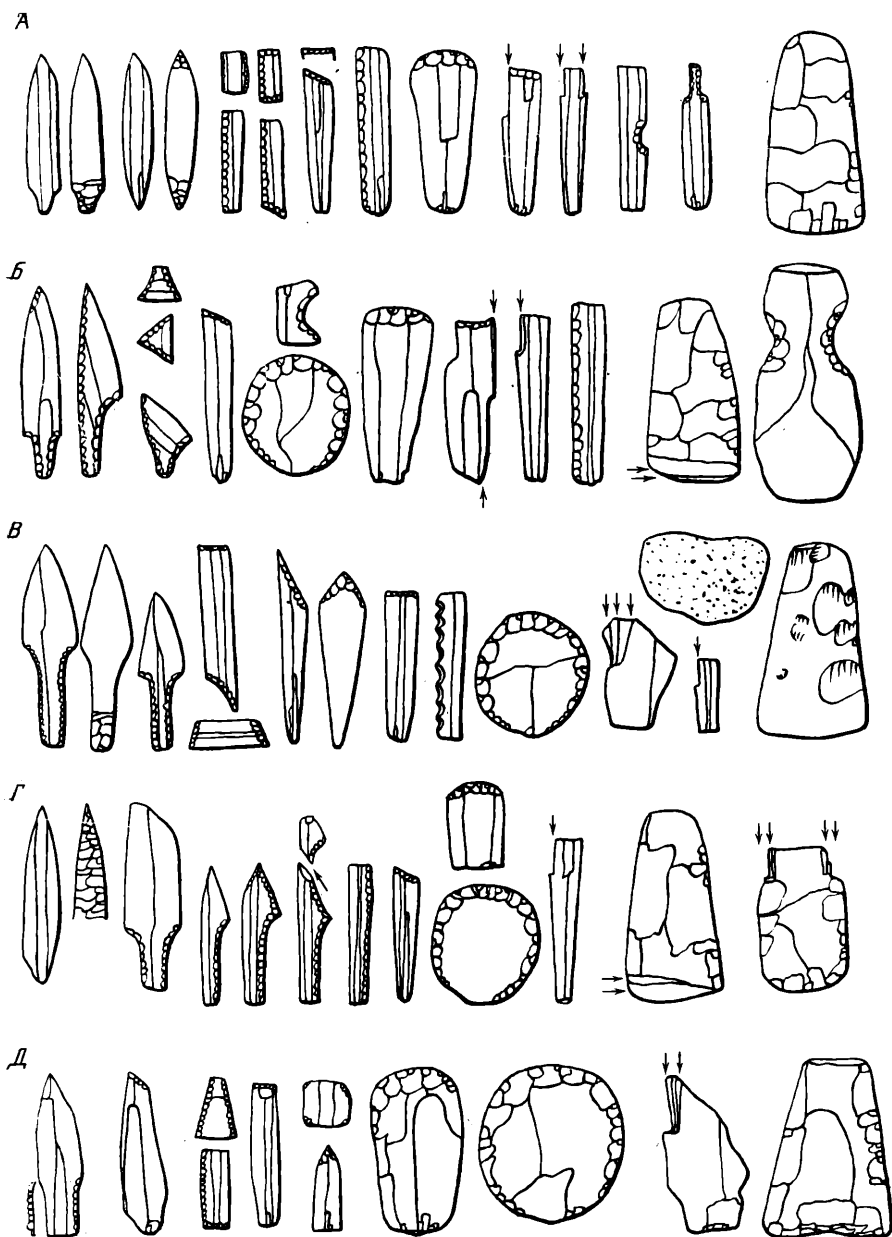

Рис. 1. Основные типы мезолитических орудий

А — бутовская культура; Б — иеновская культура; В — тип Красной 1 — «Васи»; Г — рессетинская культура; Д — тип Красной 8 — «Пешенки»

шино 1, Микулино, Русаново, Совка III, Задне-Пилево 1—4, Борисово, Исток, Елин Бор, Мордовское, Велетминская IX и др. Складывается преимущественно на свидерской основе. Характеризуется развитой пластинчатой и микропластинчатой индустриями, основанными на параллельной системе расщепления конических нуклеусов. Во вторичной обработке использовались затупливающая, приостряющая и уплощающая ретушь. Л. В. Кольцовым выделяются два этапа в развитии бутовской культуры — ранний и поздний, отличающиеся между собой степенью развития пластинчатой техники и набором орудий. Максимального развития пластинчатая индустрия достигает в начале позднего этапа, когда до 80% орудий выполнено на пластинах. Ее доля падает к финалу в 2—2,5 раза. В технике первичной обработки развитие идет первоначаль-

но по пути микролитизации пластинчатой техники и широкого использования на этой основе вкладышевых орудий, а затем по пути уменьшения доли пластин, падения роли вкладышевых орудий и возрастания отщепового характера индустрии. Таким образом, деградация пластинчатой техники намечается в бутовской культуре уже в рамках позднего мезолита.

На памятниках раннего этапа встречены резцы с неподработанной и резцовой площадкой скола, концевые и скошенные скребки, вкладыши из фрагментов пластин, симметричные плечиковые сверла, скобели с мелкими дугообразными выемками, пластины с приостряющей ретушью, постсвидерские наконечники стрел иволистной и черешковой формы и единичные косые остря. На позднем этапе к ним добавляются или возрастают в числе подокруглые, боковые и нерегулярные скребки, микролиты с поперечно срезанным ретушью концом, микролиты с затупленным крутой ретушью краем, микролиты с затупленным крутой ретушью краем и основанием, прямоугольники и трапеции. Появляются рубящие орудия — это топоры и тесла подовальных и подтрапециевидных очертаний, часто двустороннеоббитые, и долота. Ближе к финалу на рубящих орудиях появляется шлифовка. Наметились и отличия в инвентаре центральнооокских памятников по сравнению с верхневолжскими, проявляющиеся в разном уровне микролитизации и типологии, в частности в присутствии на Оке геометрических изделий.

Хронологически бутовская культура охватывает период от начала 8 до середины 5 тысячелетия до н. э. На ее основе складывается верхневолжская раннеолитическая культура.

Иеневская культура (рис. 1, Б) выделена в 1977 г. Л. В. Кольцовым¹⁵. В Окском бассейне к ней относятся около 20 памятников, включая Дальний Остров, Тростенская III северная, Ладыжино III, Брагино, Тростенская VII, X, Буравленка, Добропокровская, Устье р. Беленькой и др. Для культуры характерны отщеповая и пластинчатая индустрии первичной обработки, основанные на утилизации одно-, двух- и многоплощадочных ядрищ конической, призматической и аморфной формы. Во вторичной обработке широко распространены техники затупливающей и приостряющей ретуши, спорадически встречаются техники уплощающей ретуши, микрорезцовая и транше. Среди орудий представлены резцы с ретушированной и неподработанной площадкой скола, концевые, скошенные, округлые, боковые и двойные скребки, скобели с широкими и узкими дугообразными выемками, пластины с приостряющей ретушью, комбинированные орудия. Разнообразны рубящие изделия — топоры и тесла с перехватом, подовальной и подтрапециевидной формы и долота. Выразительны постаренбургские наконечники стрел с боковой выемкой и симметричные черешковые, изредка встречаются наконечники стрел с постсвидерским характером обработки. Имеются косые и поперечнолезвийные наконечники стрел, в том числе трапеции, присутствуют треугольники, сегментовидные и ланцетовидные остря. Датируется концом раннего — поздним мезолитом. Периодизация не разработана. Иеневская культура продолжает традиции преимущественно аренбургской культуры¹⁶. По характеру инвентаря она близка деснинской культуре¹⁷ и культуре комса Скандинавии¹⁸, и связана с ними общностью происхождения. Различия, наблюдаемые между ними, выражаются в уровне развития пластинчатой техники, в наличии в иеневских памятниках некоторых свидерских черт и широком использовании в культуре комса шлифовки.

Памятники типа Красной I — «Васи» (рис. 1, В). Тип выделен в 1983 г. А. Н. Сорокиным¹⁹. Комплекс эпонимного памятника включает более 11,5 тыс. каменных изделий, среди которых около 2000 орудий. Определяется наличием пластинчатой, микропластинчатой и отщеповой индустрий, основанными на расщеплении одноплощадочных ядрищ конической и призматической формы и двухплощадочных призматических нуклеусов. Во вторичной обработке развита техника затупливающей,

приостряющей и уплощающей ретуши, а также шлифовки. Среди орудий широко бытуют резцы с неподработанной площадкой скола, в том числе нуклевидные, концевые и округлые скребки, косые и симметричные, часто с плоской ретушью на брюшке острия, пластинки с поперечно срезанным ретушью концом, скобели с мелкими узкими дугообразными выемками, сверла со слабо выделенными рабочими участками, пластинки с приостряющей и зубчатой ретушью, тесла подтрапещиевидных очертаний со следами шлифовки и без них, абразивные плитки и отщепы со следами шлифовки. Наконечники стрел представлены черешковыми формами, выдержанными в постсвидерской и постаренбургской манере обработки. Их особенностью является наличие удлиненного черешка и почти полное отсутствие обработки на пере. Специфическими типами являются также низкие симметричные трапеции и косые острия в виде очень низких длинных асимметричных трапеций, служивших боковыми вкладышами в составном охотничьем метательном вооружении. Выделяет этот памятник и широкое применение шлифовки, присутствующей на поздних бутовских и иеневских памятниках лишь эпизодически. Таким образом, отличительными чертами Красной 1 — «Васи» служат формы наконечников стрел, острий, трапеций и использование техники шлифовки. Генезис памятников этого типа определяется взаимодействием постаренбургских и постсвидерских элементов, а присутствие трапещиевидных острий, низких трапеций и широкое развитие техники шлифовки позволяют предполагать и возможность третьего, пока неясного по генезису компонента.

Слияние аренбургских и свидерских компонентов не является чем-либо уникальным, оно прослежено Р. К. Римантене для палеолитических и мезолитических стоянок Литвы²⁰, В. Ф. Копытиным для посажской группы деснинской культуры в Белоруссии²¹, Д. Я. Телегиным для памятников типа Смячки 14 в Киевском Полесье²². Намечается эта черта и в иеневских памятниках Волго-Окского бассейна, таких, как Брагино, Ладыжино 1, Старокопанинская IV, Иенево II и др. Подобные наблюдения находятся также в соответствии с выявленной Л. В. Кольцовым закономерностью в сложении культур эпохи мезолита, когда новая культура возникает из слияния разных культур при доминанте одной из них²³.

Выделенный культурный тип относится к позднему мезолиту.

Рессетинская культура (рис. 1, Г) выделена в 1983 г. А. Н. Сорокиным. Наиболее выразителен инвентарь стоянки Рессета 3, включающий более 6000 каменных изделий и 1000 орудий. Характерны пластинчатая и отщеповая индустрии, микро- и макролитические техники первичной обработки, техники транше и микрорезцовая во вторичной обработке. Использовалась также затупливающая, приостряющая и уплощающая ретушь. Среди орудий представлены концевые и округлые скребки, резцы с неподработанной площадкой скола, подовальные и подтрапещиевидные тесла, топор типа транше, косые острия, постсвидерские иволистные, в том числе с полностью обработанным плоской ретушью брюшком, и постаренбургские черешковые наконечники стрел, многочисленны микролиты с затупленным крутой ретушью краем, серийно в Окском бассейне встречающиеся только в Мещерской группе бутовской культуры, миниатюрные асимметричные наконечники с боковой выемкой, напоминающие эту же категорию орудий верхнепалеолитических стоянок Гагарино и Костенки I²⁴, а также шиповидные острия с микрорезцовыми сколами и микрорезцы от них. Представляется, что на данном памятнике микролиты с затупленным крутой ретушью краем, наконечники на микропластинках и шиповидные острия с микрорезцовыми сколами составляют звенья одной линии развития. В Волго-Окском бассейне микрорезцовые острия встречены серийно впервые. На сопредельных территориях острия с микрорезцовыми сколами так называемого яниславицкого типа встречены в рудоостровской культуре Киевского Полесья²⁵, в неманской культуре Припятского Полесья и Литвы²⁶, в яни-

славянской культуре Польши²⁷, в донецкой культуре Украины²⁸, однако их формы отличны от рессетинских. На стоянках Рессета 2 и Альба III, помимо этого, найдены высокие трапеции. Рессетинская культура складывается на основе свидерской, аренбургской и маглемозской культур. Хронологически она охватывает ранний и поздний мезолит.

Памятники типа Красной 8 — «Пенешки» (рис. 1, Д). Тип выделен в 1983 г. А. Н. Сорокиным. На эпонимном памятнике найдено 5,5 тыс. каменных изделий, среди которых около 1000 орудий. Характеризуется отщеповой и пластинчатой индустриями, основанными на расщеплении одноплощадочных ядрищ конической и призматической формы. При оформлении лезвий орудий использовались приостряющая и затупливающая ретушь. Преобладают крупные размеры заготовок. Среди орудий многочисленны концевые, округлые и двойные скребки, раклеты, резцы с неподработанной площадкой скола, включая многофасеточные, и резцы с ретушированной площадкой скола. Среди рубящих представлены тесла с намечающимся желобком и двусторонне оббитые подквадратной формы долота. Встречены пластины с приостряющей и зубчатой ретушью, комбинированные орудия, сверла и развертки с невыделенными рабочими участками, вкладыши из фрагментов пластин, скобели с мелкими широкими выемками, косые и симметричные остря, микролиты с затупленным ретушью краем и основанием, крупные высокие трапеции. Наконечник «прямого боя» выполнен в аренбургских традициях. Подобные наконечники встречены на стоянках посожской группы деснинской культуры, микролиты с затупленным краем и основанием представлены в Мещерских стоянках бутовской культуры, крупные размеры орудий напоминают изделия иеневской культуры, однако в таком сочетании, как на Пенешках, комплекс пока не встречен.

Все эпонимные памятники выделенных культурных типов приурочены к левобережью р. Рессеты — правого притока р. Жиздры, впадающей слева в Оку. Названная территория входит в зону Брянско-Жиздринского полесья — своеобразного природного «коридора», соединяющего Деснинский и Окский бассейны. Он образовался в ледниковый период, когда Ока во время московского оледенения была со всеми притоками подпружена в районе г. Лихвина. Скопившиеся воды образовали здесь обширный водоем, из которого наметился сток вдоль кромки льда сначала на северо-запад и поворачивавший затем на юг. Таким образом, Ока от своих истоков текла до устья р. Жиздры и через нее впадала в Десну²⁹. Поэтому не случайно именно здесь наличие своеобразной зоны между двумя крупными бассейнами, повлиявшей, вероятно, на характер и облик описанных памятников. Появление микрорегионов «культурной пестроты» объяснить однозначно нельзя. Во-первых, она может быть связана с географическими условиями района, во-вторых, — с разновременностью памятников даже в пределах ограниченного в целом отрезка времени, в конкретном случае — позднего мезолита. В-третьих, может быть вызвана образованием в пограничных регионах особых контактных зон между культурами, что приводит к возникновению памятников, носящих признаки нескольких культур. Примеры подобного культурного разнообразия на ограниченной территории хорошо известны как для палеолита (Костенковско-Борщевский и Новгород-Северский районы), так и для мезолита Литвы, Киевского Полесья, Среднего Подесенья и т. д.

Генезис окских культур связан преимущественно с известными финально-палеолитическими и мезолитическими культурами лесной зоны Европы, а своеобразие определяется долей участия в сложении конкретных типов памятников тех или иных компонентов и последующим развитием в конкретно-исторических условиях региона.

Таким образом, ранний мезолит бассейна Оки представлен стоянками раннего этапа бутовской культуры. В бореальный период в регионе отмечается появление еще двух новых культур — иеневской и рессетинской. В позднем мезолите наряду с уже имеющимися фиксируются сто-

янки типа Красной I — «Васи» и типа «Пенешки». Характер взаимоотношения всех типов не ясен. Намечается лишь взаимодействие бутовской и иневской культур, что объяснимо их лучшей изученностью.

Предложенная схема культурного членения мезолита бассейна р. Оки отражает момент современного состояния источниковедческой базы и потребует дальнейшей разработки и уточнения.

- 1 Воеводский М. В., Борисковский П. И. Стоянка Елин Бор//СА. 1937. III. С. 77—100.
- 2 Паничкина М. З. Мезолитическая стоянка Борки//МИА. М. 1941. № 2. С. 149—157; Воеводский М. В. Стоянка Гремеево//МИА. М. 1941. № 2. С. 142—148.
- 3 Герасимов М. М., Воеводский М. В., Третьяков П. Н. Долина Оки//Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг.
- 4 Кольцов Л. В. Новые раскопки стоянки Елин Бор//МИА. М.; Л., 1966. № 126. С. 178—184.
- 5 Сидоров В. В. Мезолитические и неолитические памятники в Подмосковье//АО, 1969 г. М., 1970. С. 46, 47.
- 6 Фролов А. С., Трусов А. В., Сорокин А. Н. Разведки в Мещере//АО, 1975 г. М., 1976.
- 7 Сорокин А. Н. Мезолит Великих Мещерских озер//СА, 1984. № 1. С. 46—65.
- 8 Воеводский М. В. К вопросу о развитии эпипалеолита в Восточной Европе//СА, 1940. V. С. 144—150; Он же. Мезолитические культуры Восточной Европы//КСИИМК, 1950. Вып. XXXI.
- 9 Формозов А. А. Периодизация мезолитических стоянок Европейской части СССР//СА. 1954. XXI; Он же. Этнокультурные области на территории европейской части СССР в каменном веке. М., 1959.
- 10 Кольцов Л. В. Мезолит Волго-Окского междуречья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1965; Он же. Некоторые проблемы мезолита Волго-Окского междуречья//The Mesolithic in Europe. W-wa, 1973. P. 275—298.
- 11 Воеводский М. В. Мезолитические культуры ...; Формозов А. А. Этнокультурные области ...; Кольцов Л. В. Некоторые проблемы ...
- 12 Кольцов Л. В. Культурные различия в раннем мезолите Волго-Окского бассейна//Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М., 1976. С. 21—26; Крайнов Д. А., Кольцов Л. В. 25 лет (1959—1983) Верхневолжской экспедиции Института археологии Академии наук СССР//СА. 1983. № 4. С. 267—271.
- 13 Вопрос о наличии в Волго-Окском бассейне елиноборской культуры следует считать открытым.
- 14 Кольцов Л. В. Культурные различия ...
- 15 Доклад прочитан Л. В. Кольцовым в марте 1977 г. на заседании сектора неолита и бронзы ИА АН СССР//Архив ИА АН СССР.
- 16 Clark G. D. The earlier stone Age Settlement of Scandinavia. Cambridge, 1975. P. 75, 79.
- 17 Воеводский М. В., Формозов А. А. Стоянка Песочный Ров на р. Десне: (К вопросу о мезолитических культурах Восточной Европы)//КСИИМК. 1950. XXXV. С. 42—54.
- 18 Clark G. D. The earlier... p. 201—209.
- 19 Доклад прочитан в апреле 1983 г. на заседании сектора неолита и бронзы ИА АН СССР//Архив ИА АН СССР.
- 20 Римантене Р. К. Палеолит и мезолит Литвы. Вильнюс. 1971.
- 21 Копытин В. Ф. Мезолит Юго-Восточной Белоруссии//КСИА. 1977. Вып. 149. С. 60—66.
- 22 Телегін Д. Я. Мезолітичні пам'ятки України (IX—VI тисячоліття до н. е.). Київ, 1982. С. 138—144.
- 23 Кольцов Л. В. О характере сложения раннемезолитических культур Северной Европы//СА. 1979. № 4. С. 24.
- 24 Ефименко П. П. Костенки I. Киев. 1958.
- 25 Залізняк Л. Л. Рудоострівська мезолітична культура//Археологія. Київ, 1978. 25. С. 12—21.
- 26 Римантене Р. К. Палеолит и мезолит ...
- 27 Kozłowski S. K. Cultural differentiation of Europe from 10-th to 5-th millenium B. C. Warsaw, 1975.
- 28 Телегін Д. Я. Мезолітичні пам'ятки ... С. 179—185.
- 29 Мешков А. Р. Физико-географические районы Средне-Русской возвышенности/Изв. Воронеж. гос. пед. 1948. Т. 10, вып. 2. С. 27.

О ДАТИРОВКЕ И КУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ СТОЯНКИ ТУРЫНИНСКИЕ ДВОРИКИ

Стоянка Турынинские Дворики — памятник известный в литературе уже более 30 лет¹. С. И. Успенский, открывший и исследовавший стоянку, датировал ее неолитическим временем, относя к белёвской культуре лишь на основании кремневого инвентаря². Накопленные за последние годы археологические данные в области изучения мезолита — неолита Волго-Окского междуречья, и в частности верхнего течения Оки, позволяют критически отнестись к такому выводу. Приводимые С. И. Успенским иллюстрации и описание материалов дают возможность предположить их более древний — мезолитический возраст. Исключением составляет лишь один двустороннеобработанный черешковый наконечник стрелы³, относящийся, по-видимому, к эпохе бронзы.

В 1978 г. стоянка была осмотрена А. С. Фроловым. Она находится неподалеку от юго-восточной окраины г. Калуги, расположена на мысу первой надпойменной террасы, при впадении речки Калужки в Оку. Площадка террасы возвышается на 12—14 м над летним уровнем воды в Оке. В результате многолетней распашки и строительства трансформаторной подстанции поверхность террасы в некоторых местах сnivelирована, культурный слой полностью уничтожен. Не были отмечены на поверхности и упоминавшиеся С. И. Успенским скопления находок⁴. Все собранные в 1978 г. предметы были равномерно разбросаны у окончания мыса на площади приблизительно 30×40 м.

Всего А. С. Фроловым было найдено на стоянке 44 кремневых изделия, из них 26 со вторичной обработкой. Большинство предметов изготовлено из однообразного черного мелового кремня высокого качества, отдельные — из валунного серого и коричневого оттенков.

Наибольшую группу составляют резцы — 7 экз. Среди них один двойной поперечноретушный на отщепе (рис. 1, 3). Три резца выполнены на сломе пластин (рис. 1, 4, 5, 7), причем один — на пластине с ретушью (рис. 1, 5). И наконец, еще три резца — срединные со смещением: один на отщепе (рис. 1, 10), второй на отщепе с ретушью (рис. 1, 8), третий на пластине с ретушью (рис. 1, 9).

Наконечников стрел — четыре. Все обломаны, представлены только черешковые части. Три наконечника изготовлены на пластинах: первый — иволистный, обработан полукрутой ретушью по краям на спинке и плоской на брюшке (рис. 1, 20). Также обработан и второй наконечник с намечающимся черешком (рис. 1, 19). Третий — с четко выделенным черешком, обработан крутой ретушью на спинке (рис. 1, 18). Эти наконечники следует связывать с постсвидерской традицией обработки, характерной в Волго-Окском междуречье для так называемой бутовской культуры⁵. Последний наконечник асимметричный с боковой выемкой, изготовлен на отщепе, продольный край и выемка обработаны крутой затупливающей ретушью (рис. 1, 22). Наконечники такого типа в данном регионе связываются с иеневской культурой⁶. Наконечник стрелы, аналогичный описанному, но выполненный на пластине, и наконечник аренбургского типа есть в коллекции С. И. Успенского⁷.

В коллекции имеются три скребка с дополнительной ретушью по краю заготовки. Среди них есть один концевой на отщепе, боковые края которого подправлены нерегулярной полукрутой ретушью на спинке (рис. 1, 11). Второй скребок — концевой на массивной пластине, ретушь рабочего края у него частично заходит на боковые края, а один боковой край обработан плоской ретушью на брюшке (рис. 1, 23). Последний

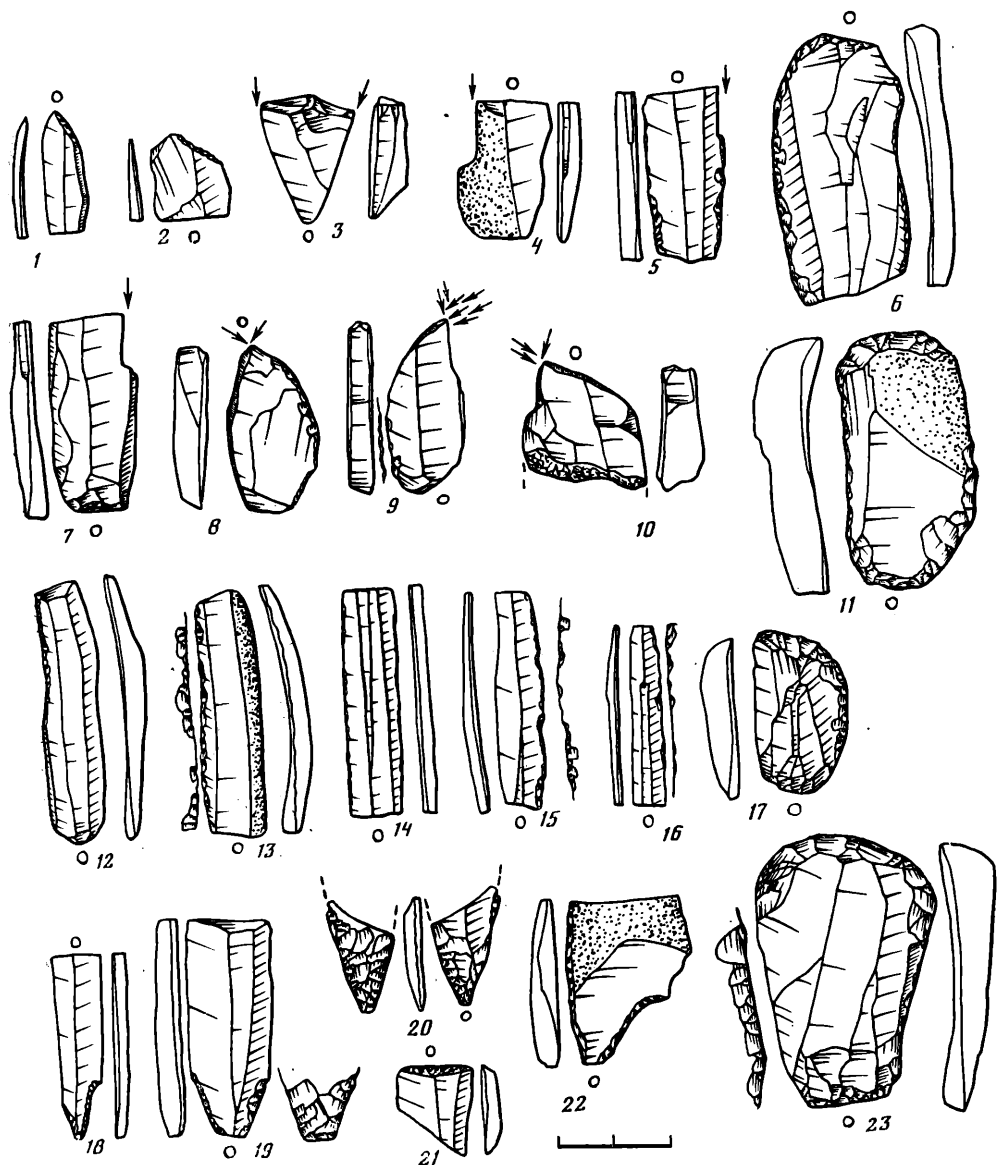

Рис. 1. Кремневые орудия стоянки Турынинские Дворики (1—23)

скребок — скошенный на пластине, боковой край которой приострен полой ретушью на спинке (рис. 1, 17).

Найдено четыре пластины с ретушью. Края двух приострены мелкой полой ретушью на спинке (рис. 1, 6, 12), у двух других — мелкой нерегулярной ретушью также на спинке, у последней — с двух сторон (рис. 1, 13). Имеются четыре вкладыша из пластин без выраженной вторичной обработки, но с четкими следами работы (рис. 1, 15, 16), один из них сломан. Крутой мелкой ретушью затуплен конец одной пластины (рис. 1, 21), аналогичной ретушью скошен конец другой пластины (рис. 1, 1) и небольшого отщеп (рис. 1, 2). Близкое орудие есть в коллекции С. И. Успенского⁸. Помимо этого, найдено пять пластин (рис. 1, 14), один отщеп с ретушью и 13 отщепов кремня. Рассмотренная коллекция немногочисленна, но учитывая находки аналогичных изделий С. И. Успенским, можно уверенно говорить о существовании здесь комплекса кремневых предметов, не свойственных местной неолитической индустрии. Изготовление большей части орудий на пластинах, преиму-

шественно постсвидерский характер обработки наконечников стрел, разнообразие форм резцов и т. п. свидетельствуют о принадлежности данного памятника к бутовской мезолитической культуре⁹. Сходные материалы представлены в сборах со стоянки Жабынь¹⁰.

Весь кремневый инвентарь стоянки Турынинские Дворики был подвергнут трасологическому анализу по методике С. А. Семенова¹¹. В результате анализа среди найденных А. С. Фроловым предметов выделены следующие орудия труда: нож разделочный однолезвийный — 1 (рис. 1, 13) и нож разделочный двулезвийный — 1 (рис. 1, 12), вкладыши разделочного двулезвийного ножа — 1 (рис. 1, 14), вкладыши охотничьего вооружения — 4 (рис. 1, 15, 16, 21), наконечники стрел заостренные — 3 (рис. 1, 18, 20, 22), скребок концевой однолезвийный — 1 (рис. 1, 17), скребки боковые однолезвийные — 2, у первого кромка резца в работе не использована (рис. 1, 4), второй на неправильной пластине, скребок боковой двулезвийный — 1 (рис. 1, 6), один скребок трехлезвийный концевой — двойной боковой (рис. 1, 23), скобели по дереву двулезвийные — 2, резцы по кости — однолезвийные — 2 (рис. 1, 9, 10), двулезвийный резец по кости — 1 (рис. 1, 3), сверло по кости — 1. Комбинированных орудий зафиксировано шесть; концевой двулезвийный скребок — скобель по кости — 1 (рис. 1, 11), сверло по дереву на двулезвийном разделочном ноже — 1 (рис. 1, 19), резцы по дереву на двулезвийных разделочных ножах — 2 (рис. 1, 5, 7), резец по кости на скобеле по дереву — 1 (рис. 1, 8) и резец по кости на боковом однолезвийном скребке. Шестнадцать предметов не имеют следов какого-либо использования.

Нетрудно заметить, что функции каменных орудий, подразумеваемые так или иначе при топологическом описании материала, далеко не всегда оказываются таковыми в действительности. Например, сверло на двулезвийном ноже (рис. 1, 19) типологически рассматривается как наконечник стрелы; из трех скребков с подправкой боковых граней один оказался скребком-скобелем (рис. 1, 11); четыре резца оказались комбинированными орудиями (рис. 1, 5, 7, 8). Среди пластин с ретушью, которые обычно называют ножами, выделились как ножи, так и боковые скребки и скобель по дереву. Из числа пластинок без вторичной обработки также определены различные орудия. Таким образом, приведенное нами сопоставление данных типологического и трасологического анализа, даже на такой небольшой коллекции, подтверждает невозможность точного определения функций орудий на основе только одного типологического анализа. Это особенно важно учитывать при решении вопросов, связанных с реконструкцией технологии древних производств и хозяйства первобытного населения.

Несмотря на малочисленность материала, в нашей коллекции представлены основные группы и типы орудий, характерных для памятников с нерасчлененным охотничьим хозяйством. Ближайшие аналогии по функциональной характеристике рассматриваемый памятник имеет с раннемезолитическими стоянками верхней Волги: Бутово¹², Соболево VII¹³, Кошево¹⁴ (трасологический анализ материалов с этих поселений выполнен М. Г. Жилиным), причем наибольшее сходство наблюдается со стоянкой Бутово I.

Подводя основные итоги, мы можем сказать о том, что на верхней Оке теперь известен целый ряд мезолитических памятников, которые хорошо увязываются с достаточно подробно исследованным мезолитом верхней Волги. К раннему мезолиту на верхней Оке относятся стоянки Гремячее¹⁵, Жабынь¹⁶, Турынинские Дворики и Ладыжино VII¹⁷. При этом стоянка Гремячее наиболее ранняя из них и может быть сопоставлена с верхнемезолитической стоянкой Тихоново¹⁸. Оба этих памятника относятся, несомненно, к единой бутовской культуре, а различия между ними могут объясняться заселением верхней Волги и Оки различными группами родственного раннебутовского населения.

Второй этап раннего мезолита представлен стоянками Турынские Дворики, Жабынь и, возможно, Ладыжино VII. При этом различия с верхневолжскими памятниками у них очень незначительные. Памятников поздней бутовской культуры, подробно изученной в среднем течении Оки¹⁹, на верхней Оке, пока неизвестно.

- ¹ Успенский С. И. Верхнеокская неолитическая стоянка Турынские Дворики//КСИИМК. 1955. 59. С. 131—134.
- ² Там же. С. 134. С. И. Успенский опубликовал 31 предмет, среди которых есть нуклеус подпризматической формы, наконечники стрел на пластинах, резцы ретушные или на естественном окончании и сломе заготовки, концевые скребки, пластины со скошенным концом и пластины с ретушью, обломки рубящих.
- ³ Успенский С. И. Верхнеокская неолитическая стоянка ... Рис. 56, 4.
- ⁴ Там же. С. 131.
- ⁵ Кольцов Л. В. Мезолитические поселения Верхнего Поволжья//Археология и палеогеография мезолита и неолита Русской Равнины. М., 1984. С. 82.
- ⁶ Там же. С. 83—85.
- ⁷ Успенский С. И. Верхнеокская неолитическая стоянка ... Рис. 56, 2, 3.
- ⁸ Там же. Рис. 56, 12.
- ⁹ Кольцов Л. В. Мезолитические поселения ... С. 82.
- ¹⁰ Грехова Л. В. Памятники эпохи палеолита и мезолита//Тр. ГИМ 1970. Вып. 44. С. 10—34.
- ¹¹ Семенов С. А. Первобытная техника//МИА. 1957. № 54.
- ¹² Кольцов Л. В. Бутовская мезолитическая стоянка//КСИА. 1964. Вып. 101. С. 81—85; Он же. Раскопки Бутовской стоянки в 1966 г./КСИА. 1969. Вып. 117. С. 62—68; Он же. Мезолитическая стоянка Бутово (по раскопкам 1967 г.)//КСИА. 1971. Вып. 126. С. 87—93.
- ¹³ Кольцов Л. В. Раскопки у д. Соболево//АО 1972 г. М. 1973. С. 66.
- ¹⁴ Кольцов Л. В., Бодунов Е. В. и др. Работы в Калининской области//АО 1977 г. М. 1978. С. 64, 65.
- ¹⁵ Всеволодский М. В. Стоянка Гремячее//МИА. 1941. № 2. С. 142—148.
- ¹⁶ Грехова Л. В. Памятники эпохи палеолита ...
- ¹⁷ Стоянка Ладыжино VII (Калужская обл.) открыта авторами в 1978 г. В настоящее время полностью уничтожена при строительстве турбазы. Небольшая коллекция материала хранится в Отделе археологической службы ИА АН СССР.
- ¹⁸ Кольцов Л. В. Исследования памятников каменного века в Калининской области//АО 1980 г. М. 1981. С. 55, 56.
- ¹⁹ Сорокин А. Н. Мезолит Великих Мещерских озер//СА. 1984. № 1. С. 46—65.

Г. В. СИНИЦЫНА

ЗАГОТОВКИ НУКЛЕУСОВ НЕОЛИТИЧЕСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ УСТЬ-БЕЛАЯ НА Р. АНГАРЕ

Усть-Бельское поселение, расположенное на мысу при слиянии рек Белой и Ангары, уникально своими размерами (более 20 га) и продолжительностью обитания (по крайней мере от раннего мезолита до эпохи железа¹). Отдельными участками оно исследовалось начиная с 1934 г.², и накопленный материал очень велик. Основной задачей современного этапа изучения является его расчленение на хронологические комплексы, соответствующие разновременным бытовавшим на мысу поселениям. Основания для этого имеются благодаря раскопкам в последнее время значительного числа многослойных поселений с четкой стратиграфией, по аналогиям с материалами которых возможность решения этой задачи становится вполне реальной.

Предлагаемая попытка такого решения касается только одной категории кремневого инвентаря, причем вообще не обращающей на себя внимания исследователей, а именно заготовок нуклеусов, происходящих с площади 1 раскопа (раскопки Н. Н. Гуриной 1957 г.³). Только на этом участке площадью в 172 кв. м удалось проследить планиграфическое и поглубинное залегание хронологически различных вариантов неолитической керамики «усть-бельского типа»⁴. Первый вариант этой керамики (сосуды закрытой формы сплошь орнаментированы горизонтальными

поясами, образованными зубчатым штампом) на рассматриваемом участке залегал в основном на глубине 50—60 см от современной поверхности и был локализован на участке, примыкавшем к краю береговой террасы. Керамика второго варианта (сосуды с прямым венчиком и более разреженным орнаментом, выполненным гладким и зубчатым штампом и лопаточкой в манере отступления) локализовалась на участках, расположенных далее в глубь террасового уступа и залегала непосредственно под дерном. Наиболее близкие аналогии первая имеет в материалах VII культурного слоя стоянки Қазачка⁵ (относительно к развитому неолиту и датированного серединой IV тысячелетия до н. э.⁶), а вторая — в материалах VI слоя того же памятника и IV культурного слоя стоянки Горелый Лес⁷.

С участка сосредоточения керамики усть-бельского типа первого варианта на рассматриваемом раскопе происходит 12 заготовок нуклеусов, что само по себе имеет значение, поскольку на других участках поселения они встречаются очень редко и в предельно аморфном виде. Здесь же найдено довольно много собственно нуклеусов на различных стадиях употребления, что позволяет полагать, что на этом, прикрываемом участке террасы представлен практически полный цикл первичного расщепления.

Нуклеусы, происходящие отсюда, представляют три основных типа, характеризующих индустрию поселения: собственно призматические (рис. 1, 5, 6, 9), когда пластинчатое скалывание производилось не менее чем с 3/4 контура ударной площадки; торцовые (рис. 1, 2—4, 7, 8, 10, 12); и количественно малопредставительные, непластинчатые (рис. 1, 14). Плоское скалывание, хотя и представлено на единичных предметах (рис. 1, 12), отдельно не выделяется, так как на конкретных вещах всегда сопровождается призматическим или торцовым снятием и служит, скорее всего, вспомогательным целям. Среди торцовых выделяются клиновидные нуклеусы различных модификаций (рис. 1, 2—4, 10). Нуклеусы всех типов скалывания, за исключением непластинчатых, представлены призматическими (с параллельным расположением фасеток) и коническими (с конвергентным расположением) разновидностями⁸.

Заготовки нуклеусов, несмотря на их относительно небольшое число, представлены четырьмя типами.

Заготовки первого типа представляют собой удлиненные, довольно массивные предметы треугольного сечения, суживающиеся к основанию. Слабовыпуклая тыльная поверхность обработана у двух заготовок этого типа плоскими параллельными сколами, идущими от краев к центру. Две фронтальные плоскости, сходящиеся под углом около 120°, образуют продольное ребро. Ударная площадка расположена под тупым (до 130°) углом к тыльной поверхности и соответственно под углом 50—60° к фронтальному ребру. У обоих предметов ударные площадки гладкие, без следов дополнительной подправки. Нижний конец у одного из них плоский, сохраняющий поверхность излома, расположенный перпендикулярно длинной оси нуклеуса (рис. 2, 1); у другого — обработан двусторонними сколами, более плоскими во фронтальной плоскости и более крутыми на тыльной поверхности (рис. 2, 2). Ровный, слегка выпуклый край плосковыпуклого профиля, оформленный таким образом, придает нижнему концу этого предмета форму лезвия теслообразного орудия. Его продольное фронтальное ребро на большей части уничтожено фасетками трех пластинчатых сколов. На первом предмете о пластинчатом скалывании вдоль фронтального ребра свидетельствуют только две короткие фасетки с параллельными сторонами. Несомненная однотипность морфологии обоих позволяет считать его собственно заготовкой нуклеуса, тогда как изделие с нижним концом теслообразной формы представляет уже настоящий нуклеус. Можно предположить, что их утилизация в той манере, в которой было проведено снятие первичных пластинчатых сколов, должна привести к оформлению нуклеусов плоского скалывания. Оба предмета, оставленные на начальных стадиях

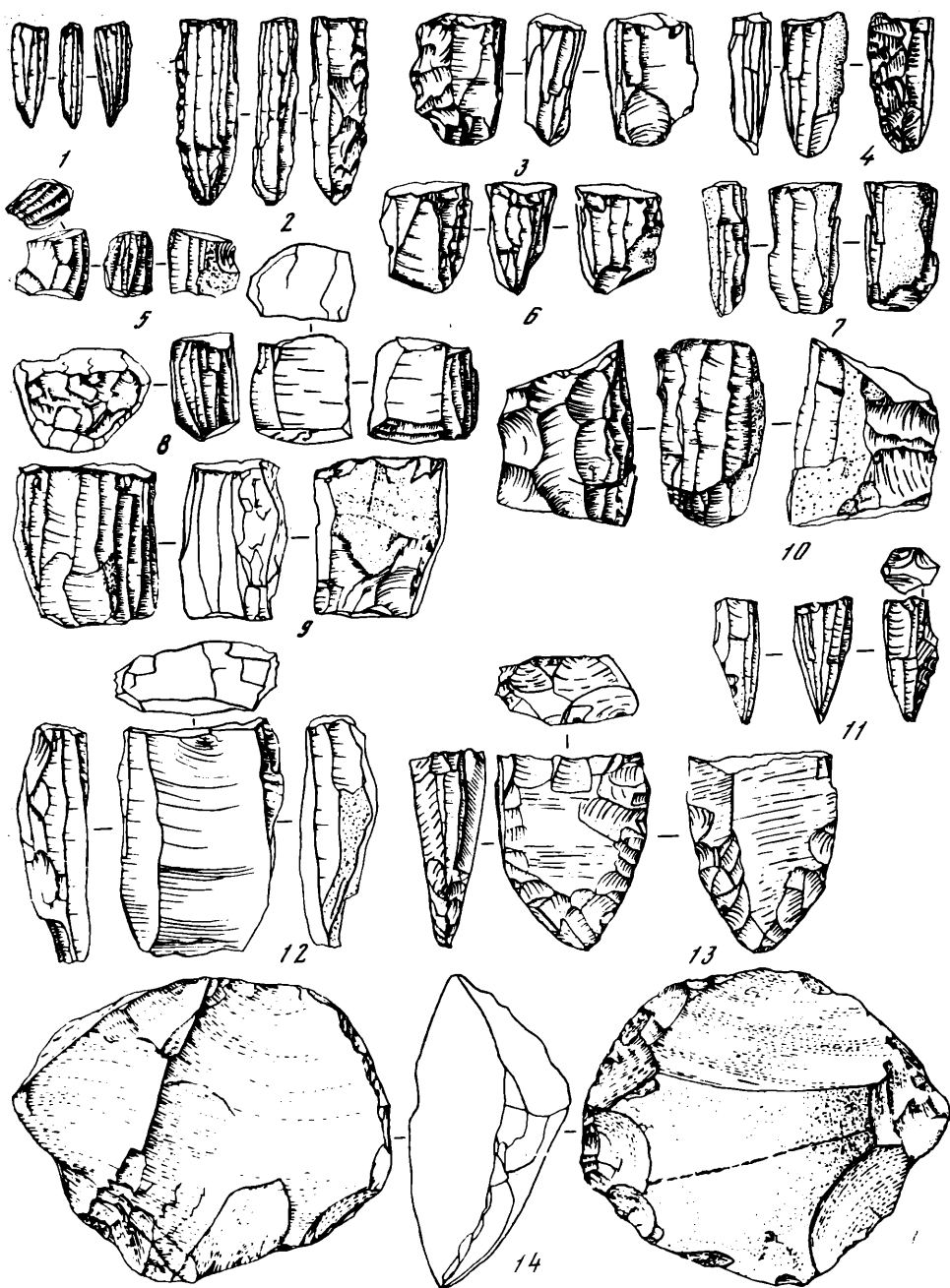

Рис. 1. Заготовки нуклеусов поселения Усть-Белая (1—14)

использования, скорее всего, являются неудачными, так как пластинчатые сколы у них не охватывают всей полезной поверхности и значительно короче продольного фронтального ребра. Обращает на себя внимание сходство параметров этих вещей: расхождения по длине составляют у них всего 2 мм, что свидетельствует о высоком уровне стандартизации получаемых с нуклеусов этого типа заготовок. В связи с этим следует отметить, что среди нуклеусов рассматриваемого участка поселения ядрища плоского скалывания представлены настолько невыразительно, что как отдельная группа при их классификации не выделяется.

Заготовки второго типа по морфологии близки первому, но их ути-

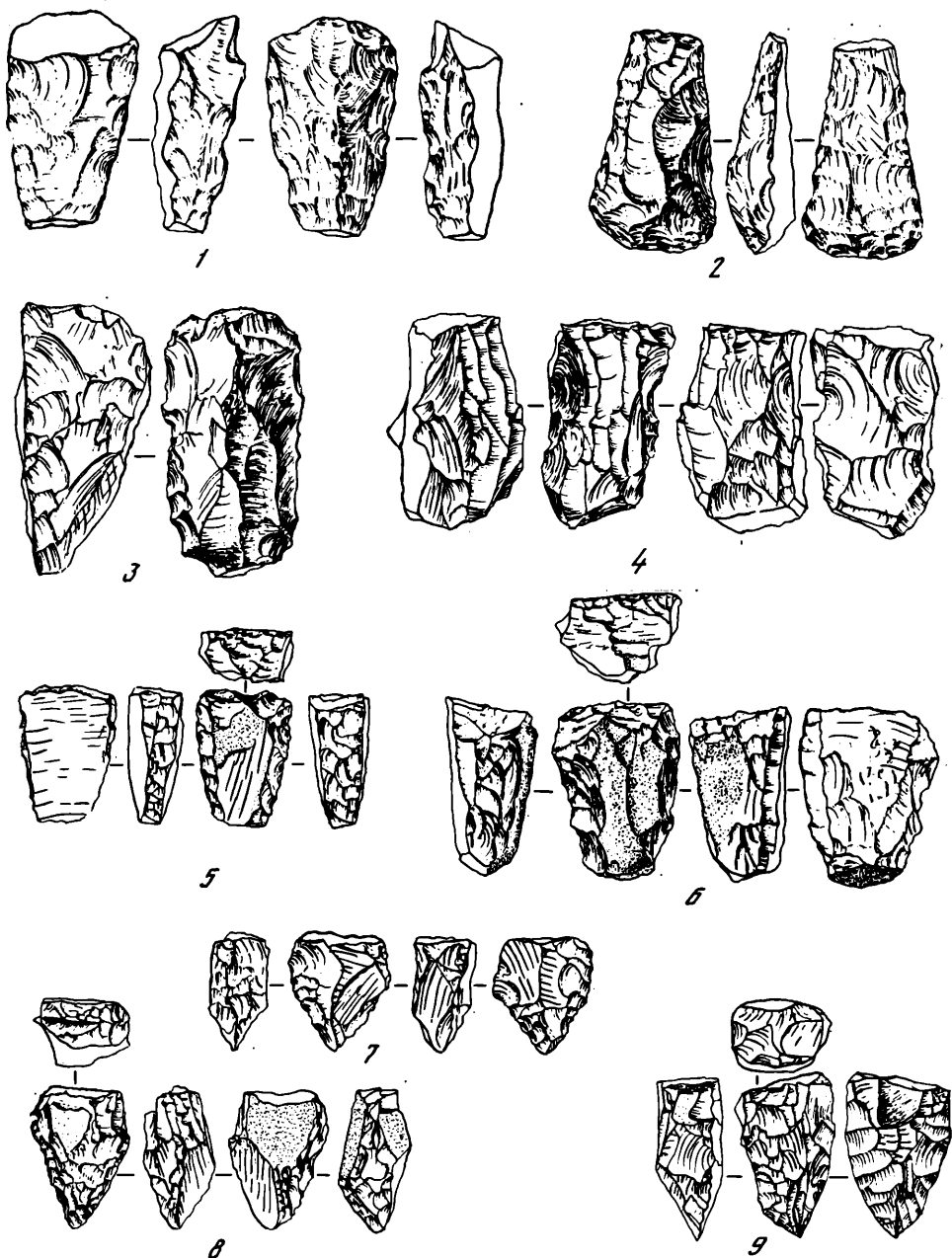

Рис. 2. Заготовки нуклеусов (1—9)

лизация в той манере, в которой это намечено первичными сколами, должна была привести к оформлению нуклеусов призматического облика. Основное их отличие состоит в том, что они значительно массивнее первых (их толщина превышает ширину фронтальной поверхности) и ударные площадки расположены у них под прямым углом к тыльной поверхности и соответственно к продольному ребру. Так же как и у первых, тыльная поверхность у них оформлена плоскими параллельными сколами, направленными от краев к центру, но две образующие фронтальное ребро плоскости сходятся под более крутым углом (следовательно, и продольное ребро у них более острое, около 45°). Подработаны они не мелкими сколами, близкими ретуши, как в первом случае,

а крупными широкими сколами, дающими фасетки с глубокой волной. Ударная площадка у одного из них, сохраняющего продольное ребро нетронутым и не имеющего следов пластинчатого снятия (рис. 2, 3), оформлена крупными сколами со стороны тыльной поверхности; у второго, большая часть фронтальной поверхности которого имеет негативы пластинчатых сколов, уже уничтоживших продольное ребро (рис. 2, 4), площадка, явно подправлявшаяся в процессе расщепления, образована сколами, идущими со стороны фронтальной поверхности. Нижние концы у обоих предметов тупые, не имеющие следов специальной подработки.

Морфология третьего типа заготовок довольно необычна и, возможно, отражает процесс переоформления в нуклеусы вещей, первоначально использовавшихся как орудия. Два отнесенных сюда предмета имеют форму высокой симметричной трапеции или треугольника с усеченной вершиной, обращенной вниз. Оба они изготовлены на отщепах, т. е. являются «вторичными». По всему обводу, за исключением нижнего конца, который сохраняет следы излома и галечной корки, они обработаны крутой ретушью, причем особенно тщательно оформлен верхний конец, который должен был служить ударной площадкой. Особенно выразителен менее крупный предмет (рис. 2, 5); на второй заготовке этого типа (рис. 2, 6) тыльная поверхность подработана плоскими центростремительными сколами. Пластинчатое снятие велось на этих предметах с угла, вдоль одной из боковых граней в торцовой плоскости. На обоих предметах такое скалывание представлено только единичными фасетками, что свидетельствует о том, что они представляют собой самую начальную стадию их использования как нуклеусов. Не будь на них этих единичных пластинчатых сколов вдоль краевого ребра, их с полным основанием можно было бы рассматривать как орудия. В отличие от первых двух типов заготовок здесь нельзя определенно предположить, к нуклеусам какого облика должно было бы привести использование заготовок этого вида.

Наконец, четвертый тип заготовок, несомненно, был рассчитан на получение клиновидных нуклеусов. Шесть заготовок разных размеров и пропорций этого типа имеют подтреугольную (или с учетом довольно массивного ромбического сечения — пирамидальную) форму с двустороннеобработанными краевыми ребрами и заостренным основанием. Ретушь, идущая от краев, образует у большинства из них в обеих боковых плоскостях продольные ребра, за счет чего предметы приобретают ромбическое сечение. По мере утилизации и снятия пластинчатых сколов в боковых плоскостях это ребро уничтожалось, причем на самой начальной стадии их использования как нуклеусов. Ударные площадки, которые уже приобрели на заготовках клиновидную (часто ромбическую, как форму двойного клина) форму, обработаны или со стороны одной из боковых плоскостей (рис. 1, 13), или со стороны одного или двух торцовых ребер (рис. 2, 8); на отдельных предметах оба способа оформления площадок сочетаются, и они имеют подправку по всему контуру (рис. 2, 9). При том, что все вещи этого облика, несомненно, являются заготовками клиновидных нуклеусов, на конечных стадиях использования они могли приобретать форму нуклеусов иных типов, вплоть до карандашевидных. Это можно показать на примере одного из таких нуклеусов, первоначально имевшего вид описываемых заготовок (рис. 1, 11): до оформления карандашевидного конического нуклеуса здесь осталось буквально пара сколов, после снятия которых остатки тыльного ребра были бы уничтожены полностью.

В настоящее время нет оснований говорить о различной хронологии выделенных заготовок нуклеусов, но факт их локализации на ограниченном участке совместно с керамикой развитого неолита, скорее всего, может свидетельствовать об их одновременности.

- ¹ *Медведев Г. И., Георгиевский А. М., Михнюк Г. Н., Савельев Н. А.* Стоянки Ангаро-Бельского района//Мезолит Верхнего Приангарья. Иркутск, 1971. С. 46.
- ² *Герасимов М. М.* Поздние палеолитические стоянки р. Белой//БКИЧП. М.; Л. 1940. № 67.
- ³ *Гурина Н. Н.* Дневники и полевая документация о работе неолитического отряда Ангарской археологической экспедиции в 1957 г.//Архив ЛОИА АН СССР. Ф. 35. Оп. 1957. Д. 180, 181.
- ⁴ *Синицына Г. В.* Керамика Усть-Бельского поселения (по материалам раскопок Н. Н. Гуриной)//КСИА, 1979. Вып. 157.
- ⁵ *Генералов А. Г.* Неолитическая керамика многослойного поселения Казачка//КСИА. 1979. Вып. 157.
- ⁶ *Савельев Н. А.* Проблемы исследования неолитических поселений на юге Средней Сибири//Проблемы археологии и этнографии Сибири: Тез. докл. к регион. конф. Иркутск, 1982.
- ⁷ *Савельев Н. А., Горюнова О. И., Генералов А. Г.* Раскопки многослойной стоянки Горелый Лес//Древняя история народов юга Восточной Сибири. Иркутск, 1974. Вып. 1.
- ⁸ Поэтому в отдельную группу они не выделяются, так как представлены нуклеусами различных принципов скальвания.

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В. Б. ДОРНИЧЕВ, Л. В. ГОЛОВАНОВА

ШАХАНСКАЯ
ПОЗДНЕАШЕЛЬСКАЯ МАСТЕРСКАЯ

Долина р. Средний Хаджох (правый приток р. Белой) в настоящее время является одним из наиболее изученных районов Кубанского Кавказа. Впервые об открытии палеолитических изделий в этом районе сообщил в 1949 г. С. Н. Замятнин¹. В 1964—65 гг. П. У. Аутлевым в русле р. Средний Хаджох проведены сборы подъемного материала и открыта Среднехаджохская позднеашельская стоянка². В результате работ последних лет здесь найдена еще одна стоянка, предварительно датированная концом ашеля — началом мустье и получившая название Шаханской³.

В 1982 г. Кубанским палеолитическим отрядом ЛОИА АН СССР было обнаружено новое местонахождение на г. Шахан II⁴. Оно находится на нижнеплейстоценовом террасовидном уровне⁵ на абсолютной высоте более 600 м и около 150 м над руслом р. Средний Хаджох, по ее правому борту, недалеко от Среднехаджохской и Шаханской стоянок. Местонахождение приурочено к выходам третичных песчаников, в которых встречаются кремневые желваки. Многочисленные кремневые изделия рассеяны по нижнеплейстоценовой террасе на площади около 1 кв. км. Они покрыты белой патиной, острые края и грани вещей практически не окатаны. В состав коллекции (всего 586 экз.) входят расколотые желваки — 3 экз. (0,5%), нуклеусы — 55 экз. (9,4%), сколы — 525 экз. (89,6%), на 27 из них изготовлены орудия; орудия на обломках кремня — 3 экз. (0,5%); всего орудий: 30 экз. (5,1%).

Предварительная характеристика техники расщепления основывается на анализе коллекции нуклеусов⁶, которые представлены следующими формами: 1) односторонние: а) одноплощадочные с одним негативом — 12 экз.; б) одноплощадочные с параллельными негативами — 9; в) двухплощадочный с площадками под углом — 1; 2) двусторонние: а) одноплощадочные — 2; б) двухплощадочные поперечно-продольные — 3; в) трехплощадочный — 1; 3) двухгранные (поверхности скалывания расположены под углом): а) двухплощадочные — 10; б) трехплощадочные — 2; 4) трехгранные (варианты взаимного расположения поверхностей скалывания самые различные): а) трехплощадочные — 6; б) четырехплощадочные — 2; в) пятиплощадочные — 2; 5) четырехгранный пятиплощадочный — 1; 6) неопределимые: а) обломки нуклеусов — 2; б) обломок двустороннего нуклеуса — 1; в) обломок двустороннего нуклеуса с тремя сохранившимися системами снятий — 1 экз.

На 55 нуклеусах выделено 105 систем снятий — морфоструктур, образованных одной ударной площадкой и одним или несколькими снятиями с этой ударной площадки сколами, формирующими одну поверхность скалывания. У 54 систем снятий поверхности скалывания сформированы параллельными сколами, из 45 — одним снятием. Сочетание систем снятий обоих типов на одном нуклеусе, отмеченное на 17 экз., позволяет

интерпретировать их как варианты одного способа скалывания, а преобладание и бóльшая типологическая выраженность систем параллельных снятий дает основание для определения этого способа скалывания как параллельного. Статистический анализ показателя степени выпуклости систем параллельных снятий — $\angle\beta^7$ показал, что он варьирует от 180° до 275° при среднем значении $\angle\beta$, равном 217° , и предельных допустимых границах случайных колебаний $\angle\beta^8$ от 208° до 226° . Проведенный анализ позволил установить, что, во-первых, коллекция нуклеусов является статистически однородной; во-вторых, что получение заготовок производилось посредством протопризматической техники скалывания⁹, заключавшейся в снятии заготовок в плоских и преимущественно слабо-выпуклых поверхностях скалывания.

В качестве предметов расщепления использовались в основном естественные отдельности породы. Из 53 нуклеусов, у которых удалось определить тип исходного предмета расщепления, 31 оформлен на обломках желваков, 10 — на желваках, 8 — на кусках и лишь 4 — на крупных сколах с желваков. Скалыванию заготовок предшествовала техника подготовки, состоявшая в оформлении или выборе на нуклеусе ударных площадок. Характер ударных площадок удалось определить у 84 систем снятий (табл. 1).

Таблица 1

Корка	Брюшко скола	Гладкая	Негативы предшествующих систем снятий	Мелкие сколы	Всего
7	3	38	21	15	84

На основании таблицы можно заключить, что для техники подготовки не характерен прием оформления ударных площадок мелкими сколами (17,9%, 15 экз.). Морфология гладких ударных площадок не позволяет достоверно судить о том, оформлены ли они сколом, представляют естественную грань или остаток предшествующего снятия, поэтому они выделены в отдельную группу.

Срабатывание предмета расщепления (техника утилизации), как можно судить на основании приведенного выше списка видов нуклеусов, осуществлялось преимущественно путем создания новых систем снятий под углом к предшествующим (нуклеусы двух-, трех- и четырехгранные составляют 42%; 23 экз.). Причем никакой определенной последовательности в этом процессе не выявляется (рис. 1, 6—11). Двусторонняя утилизация представлена небольшим числом нуклеусов (15%; 8 экз.), у которых системы снятий расположены в двух параллельных плоскостях (рис. 1, 3, 4). Около половины двусторонних нуклеусов по своей морфологии приближаются к двухгранным (рис. 1, 5). Односторонняя утилизация практически отсутствует, так как из 22 односторонних нуклеусов 21 (38% всех нуклеусов) являются одноплощадочными (рис. 1, 1, 2), которые представляют собой начальную стадию срабатывания, лежащую в основе всех остальных способов утилизации.

Характеристику техники расщепления дополняет анализ сколов. В их числе отщепов с коркой 53,5% (281 экз.), что согласуется с большим числом нуклеусов с одним негативом или со слабо утилизированными системами снятий. Сколы с бессистемной огранкой (рис. 2, 1) составляют 66,0% (346 экз.), что согласуется с выводом о преобладании утилизации нуклеусов в разных плоскостях без определенной последовательности. Заключение о параллельном способе скалывания заготовок подтверждается большой серией сколов (42 экз.), имеющих на спинке негатив, направление ударной волны которого совпадает с направлением снятия самого скола (рис. 2, 6), отщепов, на спинке которых представлены серии параллельных негативов (11,6%; 61 экз.; рис. 2, 9, 15), а также пластинчатых сколов (8,8%; 46 экз.). Последние имеют параллель-

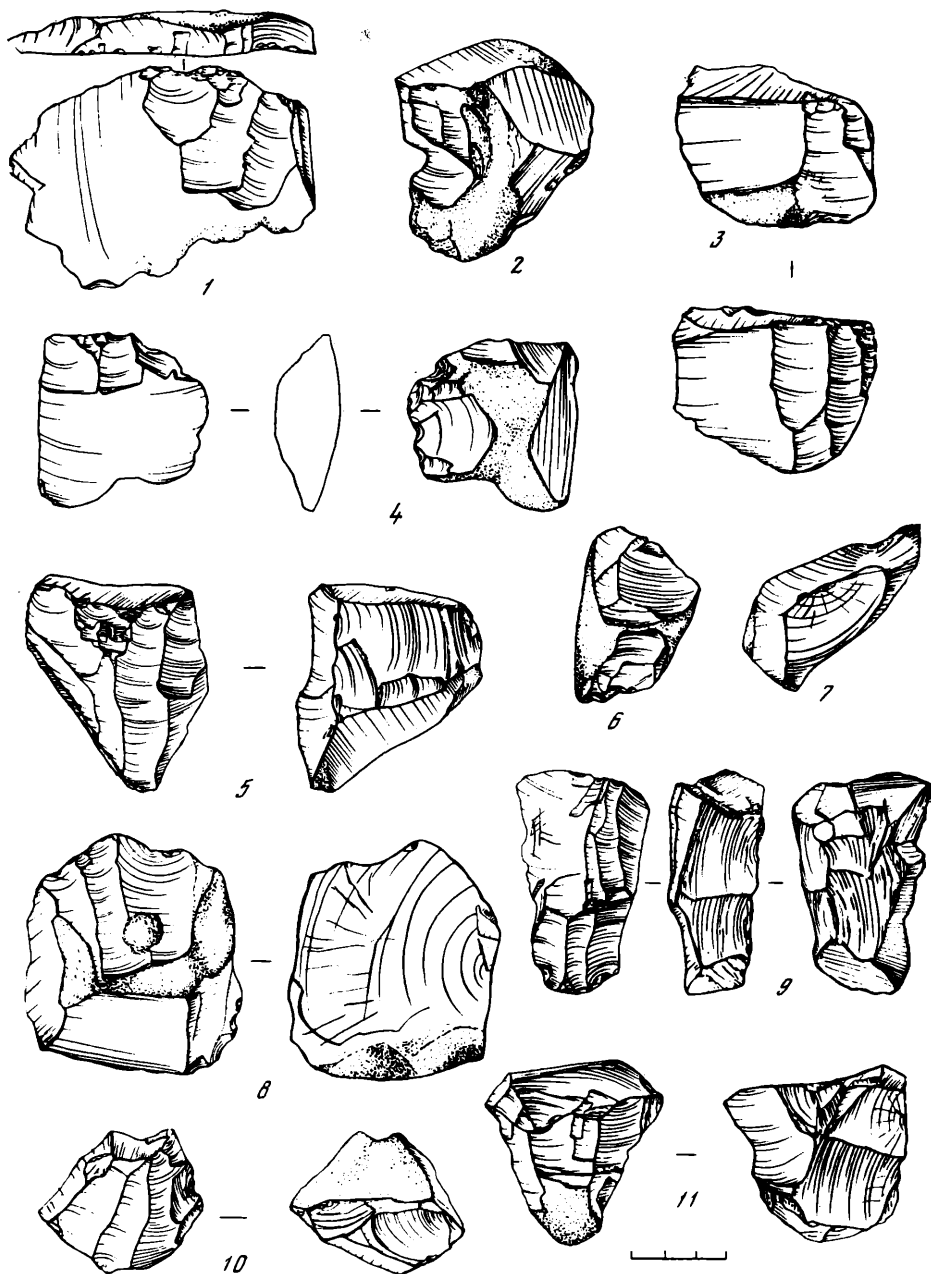

Рис. 1. Шаханская мастерская. Нуклеусы (1—11)

ные негативы на спинке, параллельные края и незначительно вытянутые пропорции (рис. 2, 3, 4), не достигающие принятой нормы: $L > 2l$.

Анализ ударных площадок отщепов¹⁰ подтверждает вывод, сделанный по нуклеусам, о нехарактерности их оформления мелкими сколами (табл. 2). Во всех группах сколов абсолютно преобладают корочные площадки, гладкие и точечные.

Нехарактерность приема оформления мелкими сколами ударных площадок, утилизация нуклеусов в разных плоскостях и отчасти качество кремневого сырья накладывали существенный отпечаток на морфологию получаемых заготовок. Индекс массивности¹¹ для всех групп сколов — 28. Более половины сколов (57,0%) фрагментированы. Все виды фрагментации¹², выделенные в коллекции, являются непреднамеренными (табл. 3).

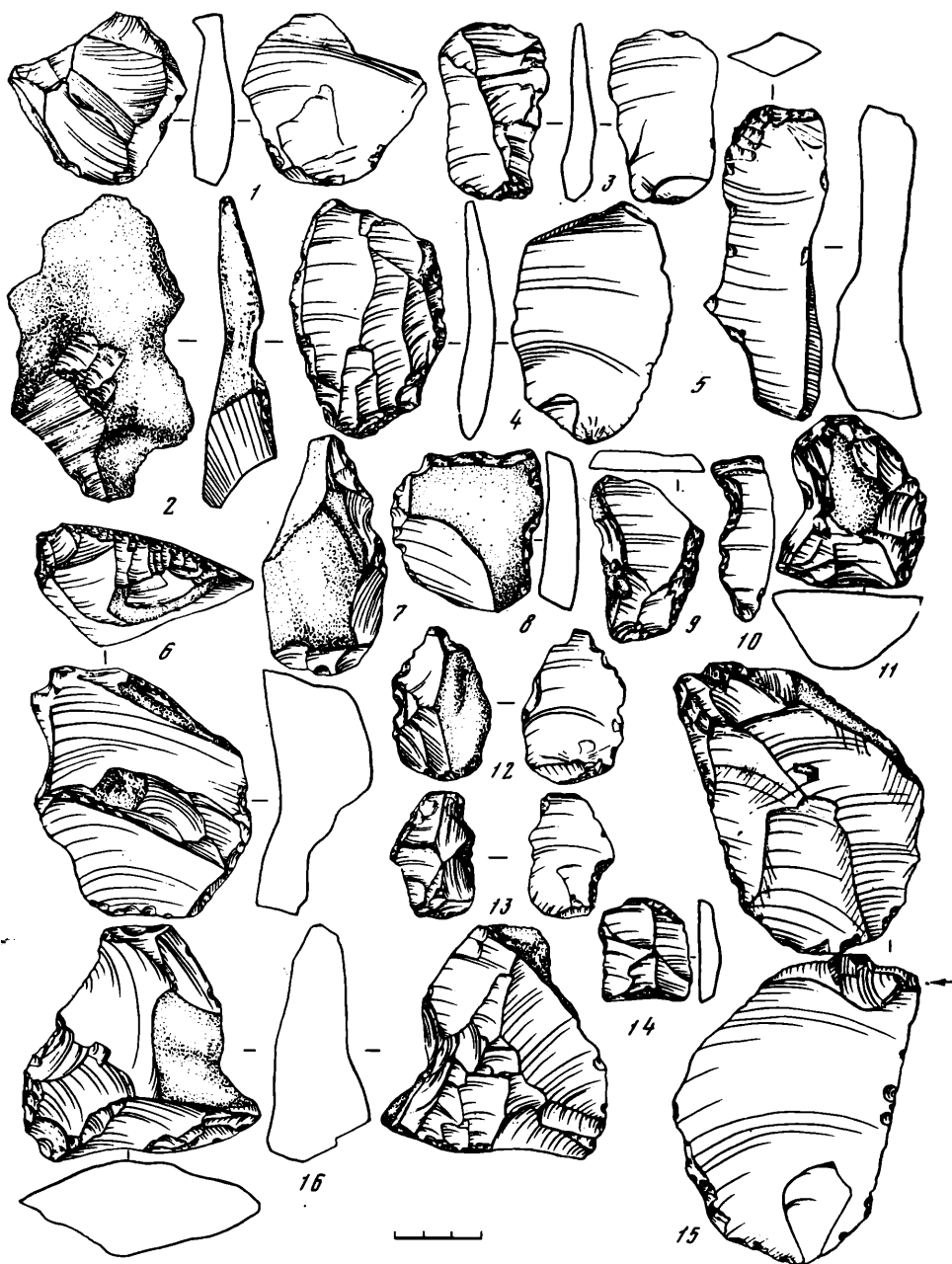

Рис. 2. Шаханская мастерская (1—15)

1—4 — сколы; 5—16 — орудия

Процент орудий¹³ в коллекции Шаханской мастерской очень небольшой — 5,1% (30 экз.). Несколько выразительных экземпляров оформлены удлиненными снятиями (отжимная ретушь—?). У двух из них широкий (26,69 мм) и очень крутой ($\angle = 84^\circ$) край имеет слегка выпуклую форму, которая сформирована крупными сколами с последующей подретушковкой удлиненными снятиями. На их кромке прослеживаются мелкие чешуйчатые фасетки — результат легкой подправки или следы работы (рис. 2, 6). Интересны также три орудия, у которых углы приострены ($\angle = 55-65^\circ$) удлиненными ретушными снятиями (рис. 2, 5). Скребоквидное орудие, сформированное лямелярными фасетками, в коллекции только одно.

Таблица 2

Площадки									Всего сколов
короч- ные	корка+ грань	гладкие	подправленные				неопределимые		
			2 сколами	3 сколами	3—5 сколами	5 сколами	точеч- ные	фрагменти- рованные	
4,0%	0,8	21,0	2,7	1,9	0,4	0,6	32,0	36,6	525 экз.

Таблица 3

Тип фрагментации						Всего фрагмен- тированных сколов
облом дисталь- ного конца	облом типа réflecté	продольный облом	облом прокс- симального конца	облом с удале- нием бугорчатой части	облом дисталь- ного и прокси- мального концов	
22,1%	12,7	1,7	47,5	7,7	8,3	299 экз. (57,0%)

Три выразительных скребка оформлены ретушными снятиями типа «une gaslette» на дистальных краях обломанных пластинчатых отщепов. Лезвия скребков слегка скошены к правому продольному краю, угол в среднем равен 73° , длина ретушированного края: 9—20 мм (рис. 2, 14). С использованием ретушных снятий типа «une gaslette» изготовлены два скребловидных орудия с обушком. У одного из них (рис. 2, 13) часть лезвия отретуширована с брюшка, часть — со спинки, угол ретушированных участков изменяется от 60° до 70° .

Наибольшее количество орудий в коллекции (9 экз.) оформлены чешуйчатыми ретушными снятиями. Очень интересно орудие, изображенное на рис. 2, 11. Правый продольный край очень массивного полупервичного отщепа сформирован крупными чешуйчатыми снятиями с последующей подправкой более мелкой ретушью ($\angle = 65^\circ$, $l = 60$ мм). «Рабочему» краю противопоставлен крупный клетонский анкош ($\angle = 74^\circ$, $l = 55$ мм), вероятно, аккомодационного значения. У 5 скребел элементы вторичной обработки оформлены многорядной чешуйчатой ретушью под углом $68-80^\circ$. Орудия изготовлены на продольных (3 экз.; рис. 2, 9) или дистальных краях (2 экз.; рис. 2, 8) полупервичных отщепов. На дистальных углах трех отщепов с обушком выделены небольшие выемки ($l = 12-20$ мм), отретушированные многорядными чешуйчатыми снятиями под углом $69-80^\circ$.

Зубчатых орудий в коллекции немного. У двух из них зубчатый край сформирован крупными клетонскими выемками на продольном (рис. 2, 7) или дистальном крае полупервичных отщепов. Интересно, что зубчатые орудия имеют более приостренные лезвия ($\angle = 64-67^\circ$), чем скребловидные. У одного изделия изделие слегка зубчатое лезвие (рис. 2, 12) сформировано небольшими чередующимися выемочками.

На пяти полупервичных отщепах отмечены резцовые сколы, снятые с дистальных (3 экз.) или проксимальных (2 экз.) углов. Однако они не образуют резцовой кромки и вряд ли использовались в работе, хотя сами резцовые сколы выражены хорошо (рис. 2, 15). Особый интерес представляет нуклевидное орудие, которое может рассматриваться как заготовка бифаса или нуклеус, который пытались переоформить в бифасиальное орудие (рис. 2, 16). Одна из его сторон уплощена нуклевидным способом-снятием сколов в параллельном направлении с массивного основания к концу, затем оба продольных края с той же стороны пытались приострить и выровнять мелкими сколами. После чего один из продольных краев был приострен серией крупных и мелких сколов и с другой стороны. Изделие имеет подтреугольную форму, массивное основание

и двояковыпуклый профиль. Законченные бифасы данного типа (подтреугольные двояковыпуклые) имеются в материалах Среднехаджохской стоянки.

В целом материалы Шаханского местонахождения резко отличаются от индустрий Абадзехской (Абадзехское, Фортепянковское и Курджипское местонахождения)¹⁴ и Абинской (Абинское и Адагумское местонахождения)¹⁵ групп позднеашельских памятников на Северном Кавказе, обнаруживая близкие аналогии с материалами расположенных по соседству Среднехаджохской стоянки и, возможно, Шаханской стоянки. Для техники расщепления этих памятников характерна протопризматическая техника скалывания, неразвитость приема оформления ударных площадок нуклеусов сколами, преобладание утилизации в разных плоскостях без определенной последовательности (Среднехаджохская стоянка — 42,9%, Шаханское местонахождение — 42%). По ряду показателей сколов эти памятники резко отличаются от расположенного в соседней долине р. Фьонт (правого притока р. Белая) Абадзехского местонахождения (табл. 4).

Таблица 4

Показатели, %	Памятники		
	Среднехаджохская стоянка	Шаханское местонахождение	Абадзехское местонахождение
Пластины	—	—	7,1
Пластинчатые отщепы	4,3	8,7	6,4
Индекс массивности, М	27,2	28,2	24,6
Тщательно подправленные площадки	1,6	1,5	5,2

Орудий в коллекции Шаханского местонахождения очень мало, но, несмотря на это, аналогии намечаются и по общему составу изделий, и по наличию характерных орудийных форм. Особенно обращает на себя внимание небольшое по сравнению с другими памятниками количество орудий, отретушированных чешуйчатой ретушью (30% — для Шаханского местонахождения и 21,2% — для Среднехаджохской стоянки). Зубчатых орудий также очень мало (соответственно 10% и 5,1%), что является особенностью данных памятников. Орудий, оформленных ретушными снятиями типа «une gasette» в коллекции Шаханской мастерской несколько меньше (16,7% против 32,3%), но они находят полные типологические аналогии с подобными формами Среднего Хаджоха. Это касается и орудий, изготовленных удлиненными снятиями.

Но наиболее характерной типологической чертой всех памятников долины р. Средний Хаджох является значительное количество резцевидных орудий и отщепов с резцовыми сколами (14% — для Среднехаджохской и 25% — для Шаханской стоянок, 16,7% — для Шаханского местонахождения). Во всех памятниках присутствуют единичные подтреугольные двояковыпуклые бифасы или заготовки бифасов (соответственно 2 бифаса и 3 заготовки; 1 заготовка; 1 заготовка).

Приведенные показатели говорят об очень большой близости индустрий Среднехаджохской, Шаханской стоянок и Шаханского местонахождения и позволяют обособлять их в локальную Хаджохскую археологическую культуру¹⁶ самого конца ашельской эпохи. Шаханское местонахождение можно интерпретировать как мастерскую. В пользу этой гипотезы говорит прежде всего набор изделий: орудия составляют 5,1% в то время как на Среднехаджохской стоянке их 47,4%. Кроме того, местонахождение расположено у выходов сырья, откуда, вероятно, оно доставлялось и на обе стоянки, так как качество сырья полностью совпадает. Следовательно, объяснять фациальной изменчивостью данную индустрию невозможно. Хаджохская группа памятников представлена Среднехаджохской и Шаханской стоянками, а также расположенной на

нижнеплейстоценовом террасовидном уровне Шаханской мастерской, которая, по всей вероятности, существовала одновременно с позднеашельскими стоянками в конце среднего плейстоцена (конец R — начало R—W).

- ¹ *Замятнин С. Н.* Некоторые данные о нижнем палеолите Кубани//СМАЭ, 1949. Т. XII.
- ² *Мурагов В. М., Аутлев П. У.* Среднехаджохское раннепалеолитическое местонахождение//МИА. М., 1971. № 173.
- ³ *Аутлев П. У., Голованова Л. В.* Новая ашельская стоянка на Северном Кавказе//АО, 1983 г. М., 1985.
- ⁴ *Голованова Л. В.* Среднехаджохское ашельское поселение//АО 1982 г. М., 1984.
- ⁵ По данным доктора геологических наук С. А. Несмеянова сотрудника Производственного НИИ строительства, изучившего геоморфологическую ситуацию р. Средний Хаджох.
- ⁶ Техника расщепления камня изучена с использованием системного анализа нуклеусов. См.: *Дороничев В. Б.* Динамический технологический анализ как метод изучения технологии расщепления камня в палеолите//Тез. конф., посвящ. 100-летию открытия палеолита на Енисее. Красноярск, 1984.
- ⁷ *Сулейманов Р. Х.* Статистическое изучение культуры грота Оби-Рахмат. Ташкент, 1972. С. 79, 80.
- ⁸ *Рябушкин Т. В., Ефимова М. Р., Ипатова И. М., Яковлева Н. И.* Общая теория статистики. М., 1981.
- ⁹ *Гладилин В. Н.* Проблемы раннего палеолита Восточной Европы. Киев, 1976.
- ¹⁰ Изучение ударных площадок сколов основано на принципах их классификации, изложенных в работе: *Любин В. П.* К вопросу о методике изучения нижнепалеолитических каменных орудий//МИА. М.; Л., 1965. № 131.
- ¹¹ *Анисюткин Н. К.* Дополнение к методике обработки нижнепалеолитических комплексов//АСГЭ. 1968. Вып. 10.
- ¹² *Любин В. П.* К методике изучения фрагментированных сколов и орудий в палеолите//Проблемы советской археологии. М., 1978.
- ¹³ Описание орудий дано с использованием основных принципов, содержащихся в работе: *Голованова Л. В.* Таксономические группировки как метод анализа ашельских каменных орудий//Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1984.
- ¹⁴ *Голованова Л. В.* О возможности выделения археологических культур в ашельскую эпоху: (По материалам Северного Кавказа)//XIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. Майкоп, 1984.
- ¹⁵ *Аутлев П. У.* Разведки Адыгейской экспедиции//АО 1982 г. М., 1984.
- ¹⁶ *Голованова Л. В.* О возможности...

В. Е. ЩЕЛИНСКИЙ

НОВЫЕ НАХОДКИ РАННЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ИЗДЕЛИЙ НА МЫСЕ КАДОШ

Среди многочисленных памятников раннего палеолита Северо-Западного Кавказа сравнительно хорошо изучены главным образом мустьерские стоянки вюрмской геологической эпохи. Сведения же о более древних памятниках (рисс-вюрмских, рисских) довольно отрывочные. В небольшой степени это связано с большими трудностями выделения довюрмских археологических комплексов, особенно если они представлены местонахождениями с несохранившимся культурным слоем. В последнем случае археологически легче распознаются те из местонахождений, в коллекциях которых имеются настоящие ручные рубила, поскольку известно, что эти орудия обычно не встречаются на памятниках моложе рисс — вюрма. Изучение этих раннепалеолитических памятников с ручными рубилами важно еще и потому, что они дают возможность исследовать в их коллекциях неуклеусы, сколы и орудия на сколах, часто более многочисленные по сравнению с рубилами, технические и типологические особенности которых в какой-то мере могут быть использованы затем в качестве культурно-хронологических эталонов для выделения в регионе других довюрмских раннепалеолитических местонахождений, в первую очередь без ручных рубил.

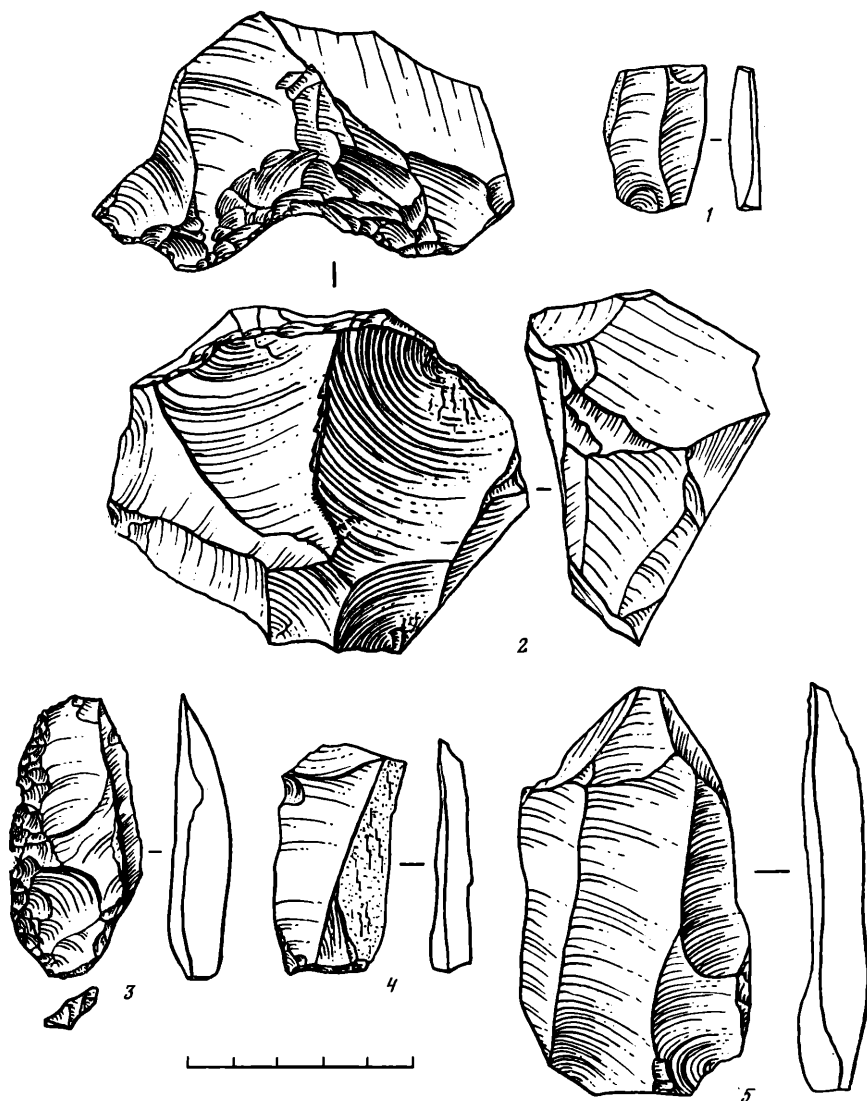

Рис. 1. Каменные изделия Кадошского местонахождения
1, 4 — пластины; 2 — нуклеус; 3 — скребло; 5 — леваллуазский отщеп

Одним из опорных памятников такого рода становится местонахождение Кадош, расположенное на одноименном мысе на Черноморском побережье у г. Туапсе. Еще в 1965 г. здесь было найдено превосходное ручное рубило. Технично-типологические признаки, а также геоморфологические условия залегания (*in situ* в доюрмском делювии на поверхности среднеплейстоценовой морской террасы) позволили отнести эту находку к развитому ашелю и датировать ее предкарангатским (верхнерисским?) временем на Черноморском побережье¹. Других каких-либо изделий вместе с рубилом тогда не было обнаружено.

Однако новые более тщательные поиски увенчались определенным успехом. В том же самом месте, где найдено ручное рубило, нам удалось отыскать еще 5 каменных изделий, очевидно, составляющих единый комплекс с рубилом. Среди них: 1 орудие на сколе, оформленное ретушью, 3 необработанных скола и нуклеус. В отличие от ручного рубила, сделанного из кремнистого тонкозернистого песчаника, эти изделия все изготовлены из кремнистого мергеля, который, как и песчаник, является местным сырьевым материалом, повсюду встречающимся в виде облом-

ков на склоновых осыпях. Отметим, что находки слабо выветрелые, сохраняют острые края, покрыты желтовато-коричневой патиной². Охарактеризуем их подробнее.

Нуклеус средних размеров (7,6×9×4,5 см) имеет овальную форму и плоско-выпуклое сечение (рис. 1, 2). По способу расщепления он относится к категории плоскосрабатанных нуклеусов, а по приемам скалывания с него заготовок — к группе дисковидных с некоторыми переходными признаками к нуклеусам вееровидным. Круговая ударная площадка местами обработана оббивкой и чешуйчатой крупнофасеточной ретушью. Скалывание заготовок производилось последовательно и таким образом, что снятие одной заготовки подготавливало возможность скалывания последующей заготовки. Поверхность скалывания нуклеуса периодически подправлялась частичной краевой оббивкой. Последними с нуклеуса были сколоты простые отщепы длиной около 5 см.

Сколы (1 из них переоформлен в орудие со вторичной обработкой), несомненно, отсортированы, ибо в коллекции представлены только качественные сколы заготовки, а именно: крупный (9,2×5×1,3 см), удлиненный треугольный леваллуазский отщеп (рис. 1, 5) и 3 пластины (рис. 1, 1, 3, 4). Длина этих пластинчатых заготовок примерно 5—6 см, ширина — около 3 см, толщина — около 1 см. Показательно, что ударные площадки всех без исключения сколов фасетированные и прямые или почти прямые. При этом 1 пластина имеет дугообразно выпуклую ударную площадку (рис. 1, 1). На других сколах площадка плоская.

Орудие со вторичной обработкой по форме определяется как простое однолезвийное скребло размером 6,3×2,9×1,2 см (рис. 1, 3). Изготовлено оно на пластине с некоторым подобием обушка (обушком-гранью, по В. П. Любину)³, образованным срезанным при скалывании заготовки краем нуклеуса. Лезвие скребла прямое, тщательно подготовлено одно-сторонней, чешуйчатой, крупно-среднефасеточной выравнивающей и заостряющей ретушью. Наличие обушка и противолежащего ему оформленного ретушью тонкого прямого лезвия определенно указывает на то, что это орудие в функциональном отношении является ножом. Орудие могло использоваться для резания мяса, срезания и строгания дерева.

Итак, каменные изделия Кадошского ашельского местонахождения, сопутствующие ручному рубилу, в целом свидетельствуют о весьма развитой технике обработки камня, в сущности сходной с мустьерской. Причем интересно, что техника расщепления камня на памятнике была явно пластинчатой, но на основе плоскосрабатываемых, а не призматических нуклеусов. Практиковалось также изготовление леваллуазских отщепов. Характерно в этой связи распространение фасетирования ударных площадок на нуклеусе при скалывании заготовок. Учитывая особенности микрорельефа в точках удара на сколах, можно заключить, что для скалывания заготовок применялись отбойники из органических материалов (рог, дерево), более «мягких» по сравнению с камнем. О вторичной обработке орудий говорить значительно сложнее из-за малочисленности изделий с ней. Отметим только, что тщательная чешуйчатая ретушь, формирующая рабочее лезвие скребла в коллекции, по видимому, тоже нанесена некаменным ретушером. Ранее мы уже писали о вероятном использовании мягких (органических) отбойников и для изготовления ручного рубила из этого комплекса⁴.

Инвентарь описанного местонахождения довольно необычен, поскольку на других раннепалеолитических памятниках, известных на побережье, археологические материалы более многочисленные. Однако при всех возможных иных объяснениях, состав этого инвентаря, на наш взгляд, больше соответствует предположению, что перед нами остатки временного лагеря или кратковременной стоянки небольшой группы ашельских охотников.

Культурная принадлежность памятника пока не ясна.

¹ Шелинский В. Е., Гагашьян В. М. Ашельское рубило из окрестностей Туапсе//СА. 1980. № 4. С. 244—248.

² 4 изделия имеют незначительные свежие повреждения.

³ Любин В. П. Мустьерские культуры Кавказа. Л., 1977. С. 91.

⁴ Шелинский В. Е., Гагашьян В. М. Ашельское рубило... С. 247.

Л. М. ТАРАСОВ

МУСТЬЕРСКОЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ НЕГОТИНО В РУДНЯНКЕ

Палеолит бассейна Верхней Десны представлен значительной группой разновозрастных памятников, отражающих процесс развития от рубежа раннего мустье до заключительных этапов позднепалеолитической эпохи. Памятники эти различаются и по типовой (остатки долговременных поселений и мастерских по первичному расщеплению кремня) и по культурной принадлежности. По степени сохранности они подразделяются на памятники с относительно хорошо сохранившимся культурным слоем, со слоем разрушенным или переотложенным.

Одним из таких памятников является Неготино на Руднянке, открытое Деснинской палеолитической экспедицией в 1975 г. Находится оно на северной окраине д. Неготино Жуковского района Брянской области, ниже по Десне от известного мустьерского местонахождения Неготино¹. При обследовании правобережья Десны, на рубеже приустьевой части речки Руднянки внимание привлекло небольшое обнажение левобережного склона, отстоящее недалеко от впадения ее в Десну. Здесь на склоне обнажения, в глинокопной ямке было найдено кремневое изделие, напоминающее укороченный леваллуазский остроконечник, а ниже, на ссыпи, собрано несколько фрагментов кремневой плитки, некоторые из которых имели следы искусственной обработки.

В 1976 г. на месте глинокопной ямки была сделана неглубокая зачистка протяженностью менее 1 м. В основании зачистки прослеживались однородные зеленоватые пески, выше четко выделялся слой аллювий мощностью до 40 см — светлый разнородный песок, включающий небольшие валунчики, гальку, очень мелкие, сильно и слабо окатанные обломки разных пород. Здесь же часто встречался фрагментированный плиточный кремь черной окраски с интенсивно заполированной поверхностью. Некоторые из этих кремней имели следы искусственной обработки. Аллювий перекрывали плотные суглинистые отложения бурой окраски.

В 1977 г. рядом с зачисткой предыдущего года была сделана дополнительная зачистка протяженностью в 2 м, которая показала, что слой аллювиальных отложений с кремневым материалом имеет значительное простираение, по мощности не превышает 30—40 см и залегает почти строго горизонтально.

В 1978 г. в Неготино на Руднянке, на центральном участке обнажения, где находились глинокопные ямки и зачистки, был заложен раскоп площадью в 15 кв. м, В—Д—11—16 (восточная половина квадратов линии В срезана склоном обнажения) с задачей более полного изучения стратиграфии отложений, оценки условий залегания кремневого инвентаря на более широкой площади и пополнения коллекции². Раскоп ориентирован вдоль обнажения в направлении северо-северо-восток. Ориентировка раскопа, а также и его размеры определялись жесткой территориальной ограниченностью места раскопок: проезжей дорогой — с одной стороны, жилым домом — с другой.

Раскопом была прорезана вся толща отложений от уровня зеленоватых песков. По основной стенке раскопа (западной, обращенной в глубь склона) отложения прослежены на глубину более 3 м. Далее к

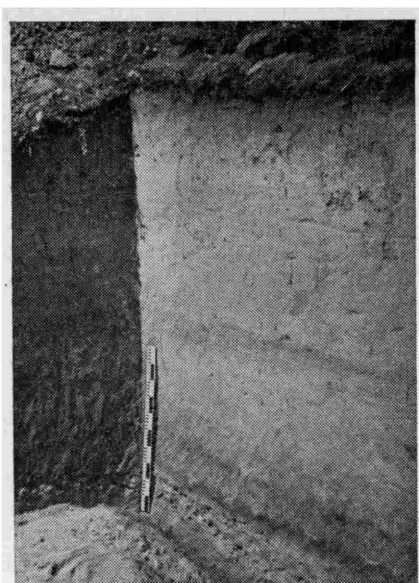

Рис. 1. Неготино на Руднянке, вид на юго-западный участок раскопа

сланца, а также окатанными и слабо окатанными мелкими (0,5—1,0 см) обломочками разных пород. Здесь же встречался и фрагментированный черный плиточный кремнь с сильно заполированной поверхностью и со следами беловатой и голубоватой патины. Мощность аллювиального слоя резко менялась — от нескольких сантиметров до 0,5 м. Местами он образовывал довольно мощные линзы, прослеженные у середины восточного края и в северо-восточном углу раскопа. Образование таких линз было связано с перекрытием аллювием очень неровной поверхности подстилающих песков. По-видимому, аллювий представляет собой материал перемытой рисской морены (рис. 1).

На площади раскопа, в аллювиальном слое, в основном в нижнем его уровне, находилось большое количество фрагментированного плиточного кремня, вместе с которым встречался и кремнь с искусственной обработкой. Основная часть находок связана с наиболее крупными линзами. Весь кремнь из раскопа, как и происходящий из зачисток и собранный здесь на поверхности, отличается интенсивной до блеска заполированной поверхностью. Коллекция кремневого инвентаря Неготино на Руднянке относительно невелика, она насчитывает 120 предметов, не считая многочисленных фрагментов плитки, не имеющих явных следов искусственного раскалывания. Вместе с тем она отражает весь процесс обработки кремня — от первичного расщепления до окончательного оформления различных орудий. В качестве сырья использовался высококачественный черный плиточный кремнь. В состав коллекции входят: нуклеусы, отщепы, разные изделия со вторичной обработкой, а также фрагменты плитки с единичными негативами сколов или несколькими фасетками ретуши.

Нуклеусы — 4 экз., размеры их менее 8 см; они имеют подготовленные ударные площадки. Два нуклеуса — дисковидные односторонние, один из них изготовлен из светло-коричневого валунного кремня (единственный предмет в коллекции из такого сырья) (рис. 2, 7). Третий — плоский односторонний, четвертый — кубовидный (рис. 2, 5).

Отщепы — 34 экз.; в их число входят 6 экз. оформленных в орудия и 7 экз. с ретушью (атипичный леваллуазский остроконечник ретуши не имеет, и снят он, вероятно, с дисковидного нуклеуса). Целиком сохранившиеся отщепы составляют 25 экз.; размеры их: ширина до 3 см —

западу от раскопа современная поверхность заметно повышается. До этого вскрытия основная часть обнажения на месте осыпи представлялась как единая однородная толща желтовато-бурых суглинистых отложений. В вертикальном же разрезе — по стенам раскопа — эта толща имела иной облик: она не была однородной, четко прослеживалась слоистая структура, состав горизонтов которой довольно резко различался на разных уровнях. В целом же эта желтовато-бурая суглинисто-супесчаная толща была расчленена несколькими тонкими горизонтами песка, перекрыта современной почвой и подстилалась слоем аллювия, лежащем на размытой поверхности зеленых песков. Аллювиальный слой резко выделяется: это светлый песок, в нижней части крупнозернистый, с небольшими и более крупными (до 25 см в поперечнике) валунчиками и разноразмерной галькой из кварца, кварцита, гранита, песчаника,

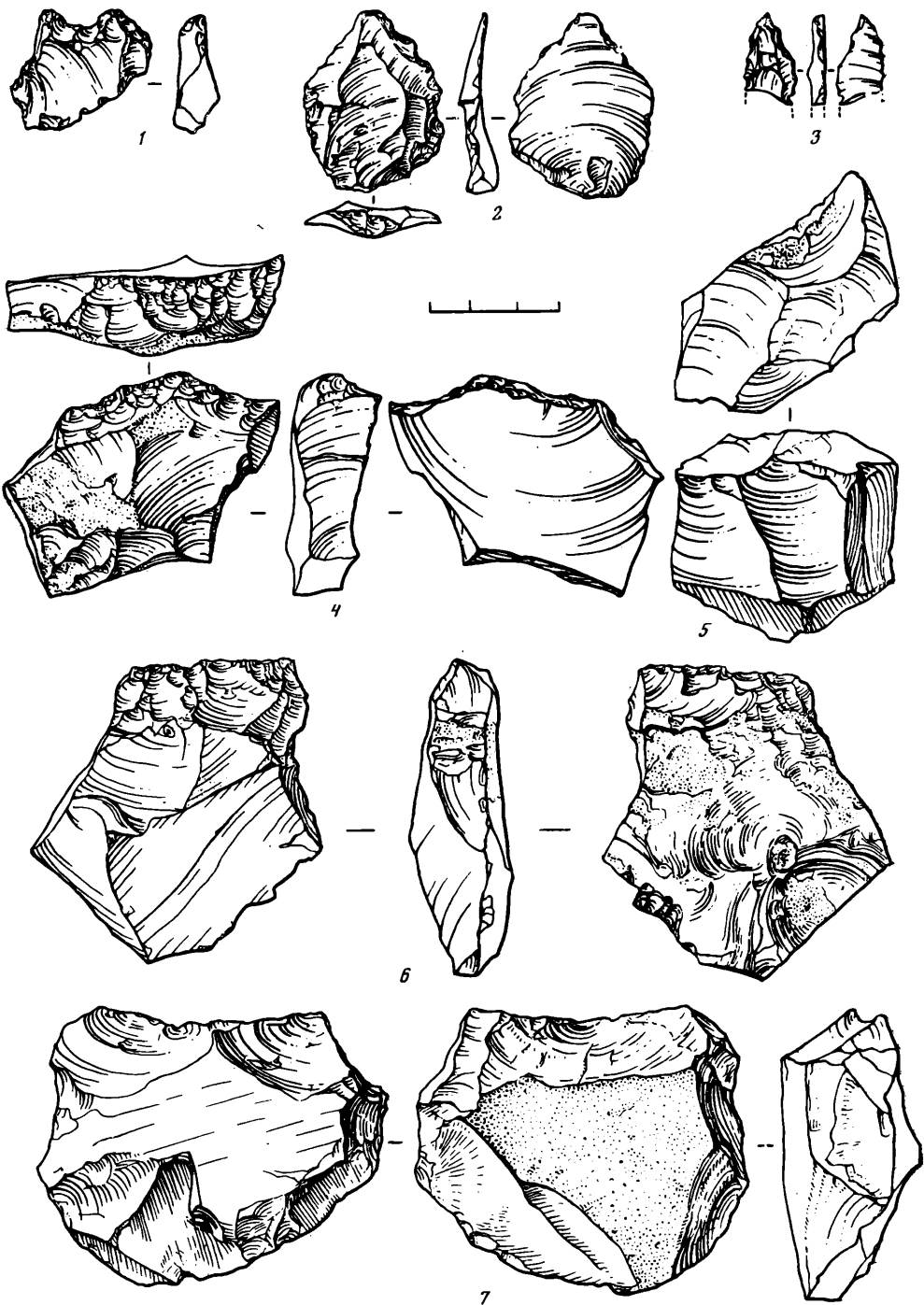

Рис. 2. Неготино на Руднянке. Кремневый инвентарь

1 — выемчатое орудие; 2 — атипичный остроконечник; 3 — микроострие-резчик; 4 — скребло; 5 — нуклеус кубовидный; 6 — орудие с двусторонне обработанным краем; 7 — нуклеус дисковидный односторонний

10 экз., до 5 см — 8 экз. и до 7,2 см — 7 экз.; массивность: до 1 см — 18 экз., до 2 см — 3 экз. и до 2,9 см — 4 экз. 14 сколов имеют определенную ударную площадку, у 12 из них она гладкая, средний угол скалывания равен 117° ; ударные бугорки крупные. Половина отщепов (12 из 25) имеет корочное покрытие. Исходя из приведенных данных, можно

констатировать, что кремневый инвентарь Нёготино на Руднянке характеризует неразвитая техника первичного расщепления.

Изделий со вторичной обработкой в коллекции 43 экз. Среди законченных орудий выделяется группа скребел — 6 экз. Заготовками для четырех, более крупных, имеющих выпуклый рабочий край, служили фрагменты плитки размерами в 5—7 см; ретушированный край у трех из них оформлялся на плоском сколе — изломе (рис. 2, 4). Остальные два скребла — со слабо вогнутым рабочим краем — оформлены мелкой ретушью на небольших (менее 4 см) нечетких уплощенных сколах.

Примерно такую же группу (5 экз.) составляют выемчатые орудия. Три из них — небольших размеров; заготовками двух служили нечетко выраженные сколы длиной в 3,4 и 5,2 см, третье изготовлено на массивном фрагментированном отщепе длиной в 4,5 см. У первого изделия выемка оформлена ретушью (рис. 2, 1), у второго — одним сколом и дополнительной подправкой ретушью, у третьего — одним крутонаправленным сколом. Остальные два орудия изготовлены из сравнительно крупных фрагментов плитки длиной 8,9 и 11,7 см. Выемки на них образованы одним сколом на более плоском крае плитки, у одного из этих изделий она дополнительно подправлена ретушью.

Зубчатых орудий — 3 экз. Первое — массивное трехгранное в сечении естественное отслоение от плитки (10,8×5,2×3,0 см), заостренный край которого на участке в 5 см превращен крутой ретушью в неправильно зубчатое лезвие. У второго орудия зубчатый край (2,1 см) оформлен на узком уплощенном поперечном крае удлиненного (8,4 см) фрагмента плитки. Для третьего использован плоский сегментовидный обломок (5,2×2,9×0,7 см), на правом скошенном крае которого образован острозубчатый ретушированный рабочий край. Орудие это комбинированное: на противоположном конце, с противоположной стороны оформлен круторетушированный скошенный рабочий край скребка.

Изделий с двусторонне обработанным краем — 3 экз. Это довольно массивные длиной около 7 см орудия ударного типа, один из поперечных краев которых имеет двустороннюю обработку, выполненную крупными и мелкими снятиями. Обработанные края несут следы забитости, а в одном случае и сильную заполированность. Наиболее выразительное из этих орудий имеет меньшую массивность (рис. 2, 6).

Единственным экземпляром представлен *клювовидный резак*, заготовкой для которого послужила плитка подпрямоугольной формы длиной 6,9 см. Острый выступ образован глубокой выемкой и несколькими мелкими сколами на углу естественно приостренного продольного края. Вне выемки с противоположной стороны приостренный край оформлен крутой ретушью, образующей рабочий край скребла с прямым лезвием длиной в 4,6 см. Возможно также, что этот край притуплен с целью удобства захвата орудия рукой. Один в коллекции и *нож с обушком*, изготовленный из плоского осколка длиной в 5,1 см. Режущий край оформлен на приостренном выступе косонаправленными мелкими сколами, а обушок имеет поперечную подправку.

Изделия с резцовым сколом — 2 экз. Одно оформлено на плитке 4,6 см длины — уплощенный резцовый скол снят с угла ретушированного скошенного поперечного края. Для другого использован удлиненный отщеп (6,5×2,3×1,1 см), на левом углу поперечного излома основания которого несколькими мелкими сколами образован острый режущий край.

Скребки и микроскребки представлены единичными экземплярами. Рабочий край первого оформлен крутой ретушью и мелкой выемкой на верхней стороне концевой части сравнительно крупного отщепа (5,5×5,9×1,2 см) с недостаточно четко выраженной плоскостью расщепления. Второй изготовлен на поперечном конце удлиненного фрагмента плитки (9,7 см) с помощью ретуши и выемки.

Миниатюрные проколки (немногим более двух сантиметров длины) — 2 экз.; изготовлены из отщепов путем выделения ретушью выступающе-

го края заготовки. И наконец, одно миниатюрное острие типа резчика длиной в 2,1 см (основание обломано). Изготовлено из отщепа, края ретушированы, крутая фасетка на конце образует слабо скошенное режущее лезвие (рис. 2, 3).

Кроме того, в коллекции имеется 8 в основном мелких осколков кремня с четко выраженным ретушированным краем, 2 фрагмента плитки с серией негативов разнонаправленных сколов на выступающем углу. В коллекцию также входят: 17 отщепов и их обломков с нечетко выраженными следами скалывания, 34 фрагмента кремня с негативами единичных сколов и 1 кварцитовый отбойник. Примерно половина кремня всей коллекции имеет следы патины, нередко очень плотной, при этом часто встречается односторонняя патина.

В кремневом инвентаре Нёготино на Руднянке проявляются черты некоторого своеобразия. Это прежде всего разнообразие нуклеусов, отсутствие пластин, наличие отщепов почти исключительно с гладкой ударной площадкой и большой величиной угла скалывания. В качестве вторичной обработки в основном применялась ретушь, обычно краевая, чаще всего чешуйчатая, иногда параллельная. В некоторых случаях край орудия. В качестве заготовок для орудий использовались главным образом наиболее подходящие фрагменты плиток и очень редко специальные снятия с нуклеуса, что вместе с общим несовершенством вторичной обработки и неразвитой техникой первичного расщепления придает коллекции в целом черты архаизма. Анализ набора кремневого инвентаря позволяет вполне определенно датировать Нёготино на Руднянке ранне-мустьерским временем. Такой датировке не противоречат и условия залегания.

Своеобразие условий залегания (отложения перемытой рисской морены) заслуживает особого внимания, поскольку это характерно и для некоторых других памятников Верхней Десны. К ним относится местонахождение Нёготино, первооткрывателем которого, В. А. Хохловкиной, было зафиксировано залегание искусственно обработанного кремня в отложениях морены³. Собранные здесь кремневые изделия М. В. Воеводским были датированы мустьерским временем⁴. Несомненную связь кремневого инвентаря в Нёготино с отложениями перемытой морены показала и записка этого уровня в 1981 г.⁵ Точно в таких же условиях залегает кремневый инвентарь и на местонахождении Хотылево I — пункт у моста⁶. Очень близкое сходство всех трех памятников прослеживается и в использованном сырье, и в степени сохранности кремневого материала — его интенсивной залопированности. Все эти памятники переотложены. Явление это было связано с единым крупномасштабным процессом, охватившим обширную территорию и проходившим в два этапа: интенсивным размывом поверхности толщи зеленых песков и последующим перекрытием их отложениями морены. В кремневом инвентаре рассматриваемых памятников близких аналогий не наблюдается, большее сходство имеют лишь инвентари Нёготино на Руднянке и Нёготинского местонахождения.

¹ Береговая Н. А. Палеолитические местонахождения СССР. М.; Л., 1960. С. 24.

² Тарасов Л. М. Раскопки в Нёготино на Руднянке//Археологические открытия 1978 г. М., 1979. С. 96, 97.

³ Хохловкина В. А. Находки раннего палеолита в Орловской области//БКИЧП, М.; Л. 1947. № 9. С. 80, 81.

⁴ Воеводский М. В. Кремневые изделия из сборов Орловского отряда Деснинской экспедиции//БКИЧП, М.; Л. 1947. № 9. С. 81—83.

⁵ Тарасов Л. М. Исследование мустьерских стоянок на Десне//Археологические открытия 1981 г. М., 1983. С. 92.

⁶ Заверняев Ф. М. Хотылевское палеолитическое местонахождение. Л., 1978.

К ВОПРОСУ О КОСТРИЩАХ СТОЯНКИ ПУШКАРИ I

В 1981 г. после долгого перерыва, под руководством В. И. Беляевой были продолжены работы по изучению западной части верхнепалеолитической стоянки Пушкари I.

В 1930-е годы стоянка изучалась М. Я. Рудинским и П. И. Борисковским. В итоге были исследованы западная часть стоянки и расположенное здесь жилище. Оно представляло жилой комплекс со сложными элементами конструкции. П. И. Борисковский дал его монографическое описание и предложил реконструкцию¹.

В 1939 г. разведочными шурфами П. И. Борисковского к северо-востоку от жилища было обнаружено скопление костей на участке густо насыщенного культурного слоя, который исследуется в настоящее время (раскоп V 1981—1984 гг.). Для лучшего его понимания возникла необходимость обратиться к архивам прошлых лет². Сохранившаяся документация дополняет опубликованные материалы и позволяет значительно детализировать картину поселения.

Согласно публикациям П. И. Борисковского и архивным данным, на дне жилища, по его длинной оси, примерно на одинаковом расстоянии друг от друга располагались три кострища. Их очажные пятна имели неправильные расплывчатые очертания, а толщина зольного слоя достигала 2—7 см.

Для обозначения угольных скоплений П. И. Борисковский использует несколько терминов с различными содержаниями. Их можно сгруппировать следующим образом: углистая масса — исходное понятие для любого угольного скопления: конгломерат углей, золы, мелких кремней и костей; углистое скопление — скопление углистой массы, не углубленное в подстилающий слой; кострище — мощное и обширное скопление углистой массы неправильных очертаний с углубленной очажной линзой и расплывшимся очажным пятном; очажная линза — углубленная часть кострища, заполненная наиболее мощным слоем углистой массы; очажное пятно — размытая часть очажной линзы; очаг — кострище, строго локализованное в слое, с очажной линзой и очажным пятном, часто имеющее каменную обкладку³.

Архивные материалы позволяют уточнить взаимосвязи между кострищами и другими объектами культурного слоя. Очажные линзы I и II кострищ представляют собой округлые «котлообразные» западины, углубленные в суглинок на 15—25 см при толщине очажной массы 10—20 см. Диаметр первой — 30 см, второй — 80 см. Расстояние между ними меньше 2,50 м. На пространстве между очажными линзами I и II кострищ углистая масса образует равномерный слой толщиной 4 см.

Основываясь на этих наблюдениях, можно говорить о слитности очажных пятен I и II кострищ. Всякая граница между ними будет условна. Достаточно четко прослеживаются только их очажные линзы (рис. 1).

Очажное пятно III кострища имело расплывчатые очертания и было смещено относительно его очажной линзы к северу. Расстояние между линзами II и III кострищ — 3,25 м. На этом пространстве (квадраты б, в, г, д — 4) углистая масса полностью отсутствовала (рис. 1). III кострище этого жилища, несомненно, было обособленным.

Из множества ямок, обнаруженных на полу жилища, безусловный интерес представляют ямки под линзами кострищ. Дно очажных линз I и II неровное, с небольшими ямками. Глубина их колеблется от 5 до 20 см, а располагаются они как под очажными линзами, так и вокруг очагов, образуя компактные группы.

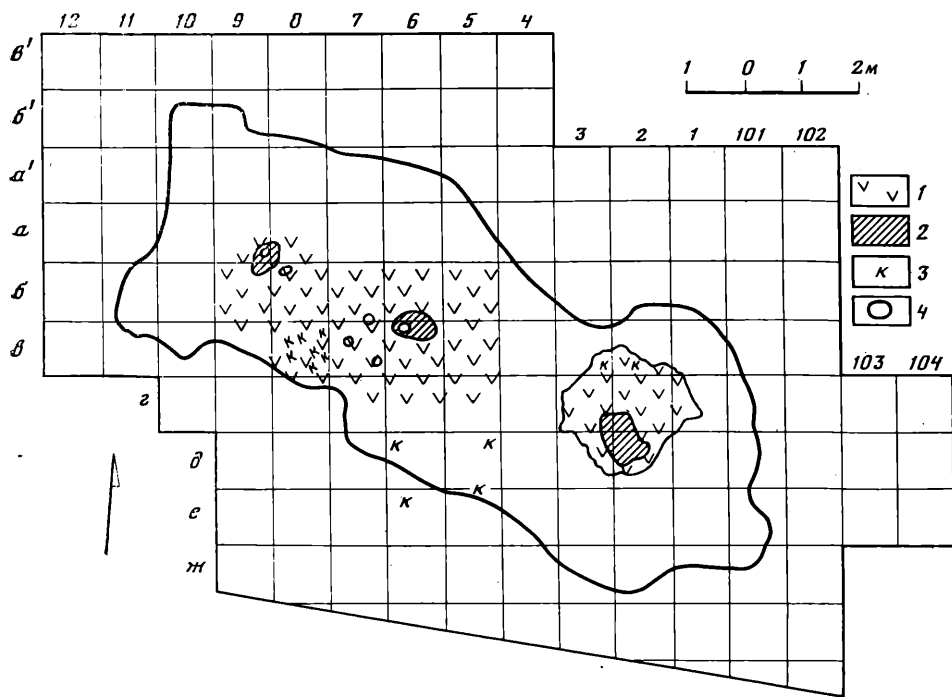

Рис. 1. Расположение кострищ, связанных с ними ямок, и камней в жилище стоянки Пушкарей I

1 — углистая масса; 2 — очажные линзы; 3 — камни; 4 — ямки с вертикально стоящими костями

К I кострищу относятся 2 ямки с костями: одна — в центре очажной линзы, и одна — в 75 см от нее. В обеих были воткнутые вертикально кости мамонта длиной по 15 см.

Со II кострищем связаны 4 ямки с вертикально стоящими обломками костей: 1 — в центре кострища, с обломком ребра, 2 — на расстоянии 75 см от центра, с костью конечности какого-то животного, 3 — в 90 см от центра, с обрезком бивня мамонта, стоявшим с небольшим наклоном, 4 — в 75 см от центра, также с обрезком бивня. Видимо, возле I и II кострищ сохранились остатки каких-то приочажных сооружений, предназначавшихся, как уже предполагалось, для приготовления пищи⁴.

Одиночные кости, вкопанные вертикально около очагов, а также более сложные приочажные конструкции хорошо известны на многих стоянках: Костенки I, XI, Мезин, Гонцы, Межиричи, Елисеевичи и др.

Другими элементами оформления очага служили камни. На периферии очажного пятна III кострища были обнаружены два булыжника, возможно, использованные для обкладки. Удаленность камней от самой линзы (менее 1 м) можно объяснить размывом слоя. Применение камней в конструкциях кострищ и очагов известно и на других памятниках: Костенки XI, Кременец I, Липа I, VI, Майна, Ушки I, IV. Н. Н. Диков отмечает сходство двухкамерного жилища из VII слоя стоянки Ушки I с жилищем Пушкарей I⁵.

В архивных материалах упомянуты находки камней еще в двух пунктах: около южной стенки и к югу от I и II кострищ. Четыре камня, расположенные возле южной стенки, видимо, использовались для ее укрепления как с внутренней, так и с наружной стороны. Подобные приемы зафиксированы и на других стоянках: Кременец I, Липа I. Более интересен второй объект. В 2 м к югу от I и II кострищ (линз) зафиксирован слой углистой массы толщиной 15—20 см. В ее центре находилась «компактная куча из десяти довольно крупных камней»⁶. Воз-

можно, эти камни в зольной массе также являлись местом для приготовления пищи, а источником тепла были угли из обоих кострищ.

Обобщая приведенные факты, можно предположить, что I и II кострища представляли собой единый хозяйственный центр, связанный с приготовлением пищи, а обособленное III кострище, не имевшее описанных выше элементов, использовалось иначе.

- ¹ *Борисковский П. И.* Палеолитическая стоянка Пушкари I//КСИИМК. 1939. Вып. II, *Он же.* Пушкаревское палеолитическое жилище//КСИИМК. 1940. Вып. VII. *Он же.* Палеолит Украины//МИА. М.; Л., 1953. № 40.
- ² Архив ЛОИА АН СССР. Ф. 35. Оп. 1. Д. 160, 161, 201.

- ³ *Борисковский П. И.* Палеолит Украины... С. 187—189.
- ⁴ Там же, с. 199. *Perlès C.* Préhistoire du feu. P. 1977. P. 80, 84.
- ⁵ *Диков Н. Н.* Археологические памятники Камчатки, Чукотки и верхней Колымы. М., 1977. С. 50.
- ⁶ Архив ЛОИА... Д. 201. С. 54.

З. А. АБРАМОВА

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СТОЯНКИ ЮДИНОВО I

В 1980 г. экспедицией Ленинградского отделения Института археологии АН СССР были возобновлены раскопки позднепалеолитического поселения Юдиново I, исследовавшегося ранее К. М. Поликарповичем и В. Д. Будько¹. Поселение находится на юго-западной окраине с. Юдиново Погарского района Брянской области к юго-западу от г. Брянска. Оно расположено на мысу, образованном двумя небольшими ложбинами, в отложениях надпойменной террасы высотой 7—11 м правого берега р. Судость, правого притока р. Десна.

В настоящей статье лишь кратко освещены основные результаты изучения культурного слоя стоянки в 1980—1984 гг. За 5 полевых сезонов вскрыто 220 кв. м культурного слоя, обнаружены остатки двух жилых конструкций из костей мамонта. При участии председателя колхоза и местного краеведа, на территории которого находится памятник, здесь сооружен музейный павильон (рис. 1). В работах экспедиции принимали участие: сотрудник ЛОИА Г. В. Григорьева, Л. В. Грехова, Государственный Исторический музей, группа сотрудников Института географии АН СССР под руководством А. А. Величко, палеозоолог В. Е. Гарутт, целевые аспиранты ЛОИА Т. Ю. Гречкина и Т. И. Щербакова, студенты ЛГУ Е. М. Колпаков, Л. Б. Вишняцкий, Г. Г. Сорокина, С. С. Зяблицкий, Н. Д. Соколова, М. Н. Праслова и др.

В 1980 г. с целью установления залегания культурного слоя и его характера был заложен разведочный раскоп площадью 5×8 м между раскопами 2 и 4 К. М. Поликарповича — В. Д. Будько, сохраняющий ту же ориентацию. Культурный слой, обнаруженный на глубине 2,5 м от поверхности (северо-западный угол), отчетливо падает в восточном и южном направлениях, т. е. к неглубокой ложбине и к реке. Несмотря на его значительную мощность (местами разница между самым верхним и самым нижним уровнем находок достигала 30—40 см), слой не особенно насыщен культурными остатками, в частности почти полностью отсутствуют целые крупные кости мамонта. Расположенный непосредственно к северо-западу от жилища, вскрытого К. М. Поликарповичем в его раскопе 2, участок представлял собой периферию без ям и других культурных элементов. Подавляющее большинство находок составляли обломки ребер, позвонков и других костей мамонта, мелкие неопределимые обломки костей и костный уголь, залегающий иногда в виде прерывистых тонких линз ограниченного распространения. Второй раскоп

Рис. 1. Вид на два палеолитических жилища с востока внутри музейного павильона (фото С. С. Зяблицкого)

площадью 2×5 м заложен в 15 м к западу от первого с той же ориентировкой по странам света и по длинной оси перпендикулярно реке. Расчищена лишь поверхность культурного слоя.

В 1981 г. бульдозером сняты верхние стерильные напластования на площади, соединяющей оба раскопа 1980 г. длиной 17 м и шириной 6 м. Культурный слой расчищался лишь в западной половине подготовленной площади (9×6 м), включающей в северо-западном углу недоследованный в 1980 г. малый раскоп. В северо-восточной части исследуемого участка культурный слой уничтожен на площади 2×4 м старой хозяйственной ямой, которая, скорее всего, представляет южный конец раскопа I К. М. Поликарповича. В расчищаемую в 1981 г. площадь четко вписались контуры остатков кольцевого ограждения из костей мамонта скруглой формы диаметром 5 м. Группы костей имелись и за пределами этого сооружения. Наиболее значительная уходила под северо-западную стенку раскопа. К востоку от костного круга располагались две группы по две лопатки мамонта в каждой. В юго-западном углу раскопа за пределами костного ограждения, но рядом с ним, находилось неправильное по очертаниям зольное пятно с большим содержанием костного угля, мелких костей и расщепленного кремня.

В 1982 г. работа производилась на трех связанных между собой участках: наряду с дальнейшей расчисткой кольцевого ограждения, изучались участки к востоку и к северу от него. Полностью расчищен и разобран культурный слой на площади 8×6 м, подготовленной бульдозером в 1981 г., соединяющей раскопы 1980 и 1981 гг. Наибольшая насыщенность отмечена в юго-западной части, где находились многочисленные обломки костей мамонта, преимущественно ребер и позвонков, а также разрозненные кости стоп, лишь в одном случае сохраняющие анатомическую связь. На площади раскопа отмечены отдельные неопределенные по очертаниям тонкие углистые пятна, с которыми связаны находки кремневых изделий. Чтобы проследить очертания группы костей, уxo-

дивших под северо-западную стенку, здесь была заложена прирезка площадью 5×4 м, выявившая небольшое овальное сооружение, сливающееся с западной стенкой ограждения.

В 1983 г. производилась дальнейшая расчистка кольцевого ограждения. Для более полного его раскрытия с юга (со стороны реки) к раскопу сделана прирезка длиной 10 и шириной 1 м. Продолжалась расчистка площади культурного слоя, прирезанной в 1982 г. с северо-запада. Культурный слой здесь падает в противоположном от реки направлении. Начата расчистка культурного слоя на площади 3×10 м, прирезанной с запада к раскопу 1981—1982 гг. В верхней части культурного слоя вдоль западной стенки раскопа появились зольные пятна различных размеров и интенсивности с большим содержанием золы, но относительно малым количеством костного угля. Эти пятна буквально насыщены костями песка, встречаются нижние челюсти без черепов и обретенные эпифизы трубчатых костей. Собрано также много расщепленного кремня, в том числе орудий, преимущественно скребков и резцов. Под зольными пятнами и вне их на заметном склоне к кольцевому ограждению располагаются группы костей мамонта: опрокинутые черепа очень плохой сохранности, лопатки, трубчатые кости. Выявлены две группы позвонков мамонта в анатомической связи. Расположение костей в виде полукруга предполагало наличие здесь другой конструкции, вторая половина которой уходила под западную стенку раскопа. Поэтому раскопки 1984 г. были начаты с заложения прирезки площадью 2×9 м, действительно выявившей второе кольцевое ограждение на расстоянии 1—2 м от первого и совершенно отчетливо с ним не связанного. Одновременно зачищалась и первая конструкция. В связи со строительством музейного павильона, охватывающего обе конструкции, основное внимание в работах 1984 г. уделялось расчистке и закреплению слагающих их крупных костей мамонта. Несмотря на то что расчистка кольцевых ограждений не завершена, нет никаких сомнений, что оба представляют остатки жилищ, имеющих сходные черты с двумя различными жилищами, раскрытыми в Юдиново I К. М. Поликарповичем в 1947 г. (жилище № 1) и К. М. Поликарповичем в 1947 г. и В. Д. Будько в 1964 г. (жилище № 2 в раскопе 3) и в то же время обладающими существенными различиями как с ними, так и между собой.

Первое, открытое в 1981 г., жилище является остатками округлого сооружения диаметром 5 м, стена которого толщиной около 1 м сложена различными костями мамонта, в первую очередь стоящими на межчелюстных костях черепами очень плохой сохранности с разрушенными черепными крышками. Черепа расположены группами по три-четыре и даже пять главным образом взрослых животных. Черепа детенышей или очень старых особей встречаются редко. Как правило, зубы оставлены в челюстях, но нет ни одного случая, чтобы в черепе сохранились бивни. Вместе с тем одна часть стенки жилища с юго-западной стороны состоит из сложного переплетения 8 бивней, которое подпирается другими костями. Если количество и размещение черепов этого жилища аналогичны расположению их в жилище № 1 К. М. Поликарповича, то такого скопления бивней нет ни в одном из четырех жилищ. В устройстве стен и, видимо, перекрытия чаще встречаются лопатки мамонта, части тазовых костей, что находит соответствия в других конструкциях. Общим для всех сооружений является наличие на этих костях различных по форме отверстий, расположенных у лопаток не только на плоскостях, но иногда даже и в гребнях. Трубчатые кости рассеяны по всей окружности и не образуют таких скоплений в виде «поленниц», как в остальных трех сооружениях. Центральная часть жилища понижена по отношению к кольцевому ограждению, не окрашена золой. В заполнении встречаются лишь тонкие зольные линзочки неопределенных очертаний. В нижней части заполнения встречаются лопатки с отверстиями, много ребер и позвонков с длинными остистыми отростками. Среди многочисленных

культурных остатков привлекают внимание черепа песка или отдельные нижние челюсти. Заполнение вскрыто неполностью, но уже сейчас можно говорить, что дно жилища было углублено на 50—60 см по отношению к костям, образующим внутреннюю стенку кольцевого ограждения.

С запада к жилищу примыкает небольшая овальная пристройка. Назначение ее неясно, нет никаких доказательств, что это была яма-хранилище. Возможно, она играла роль тамбура при входе в жилище. С внешней стороны этой пристройки располагалось очажное пятно диаметром 1,3 м, насыщенное большим количеством костного угля и почти лишённое других находок.

Второе жилище, открытое в 1983 г., при несколько меньшем диаметре и меньшей толщине стенок значительно отличается от первого конструктивными элементами. Оно имеет с северо-запада четко выраженный вход («лаз») шириной 60—70 см и длиной около 2 м, ограниченный с двух сторон черепами мамонта по три с каждой стороны. Такого элемента конструкции нет ни в одном из исследованных жилищ. В ограждении этого сооружения почти отсутствуют черепа мамонта и совсем нет бивней, зато на одном участке в северо-восточной части представлено пять отрезков позвоночника с позвонками, сохраняющими анатомическую связь, что отмечено в одном случае в жилище № 1 К. М. Поликарповича. Стенки жилища укреплялись главным образом трубчатыми костями, расположенными рядами, а также налегающими друг на друга и на лопатки, поставленные наклонно. Это близко напоминает некоторые участки в жилищах, вскрытых старыми раскопками. Внутренняя часть жилища перекрыта по верху зольным пятном, в котором лежат три опрокинутых черепа мамонта.

Таким образом, на стоянке Юдиново I в одних и тех же стратиграфических условиях вскрыты четыре жилища, имеющие определенные конструктивные особенности. Дальнейшие работы должны идти в двух основных взаимосвязанных направлениях: поиски новых жилищ с целью выявления плана палеолитического поселения, существовавшего около 15 тыс. лет назад, и поиски путей для постановки нерешаемой в настоящее время проблемы одновременности-разновременности жилищ.

¹ Поликарпович К. М. Палеолит Верхнего Поднепровья. Минск, 1968; Будько В. Д. Верхний палеолит северо-запада Русской равнины // Древности Белоруссии: Материалы конференции по археологии Белоруссии и смежных территорий

(1966 г.). Минск, 1966. С. 12—15. О стратиграфии стоянки см.: Величко А. А. Геологический возраст верхнего палеолита центральных районов Русской равнины. М., 1961. С. 174—177.

А. С. ФРОЛОВ

СТОЯНКА ЗАОЗЕРЬЕ I НА МОСКВЕ-РЕКЕ

В 1983 г. в Раменском районе Московской области на левом берегу Москвы была открыта позднепалеолитическая стоянка Заозерье I¹. Она находится к юго-западу от одноименной деревни и к югу от д. Сельцо. Занимает небольшую возвышенность (до 4 м) в средней части площадки второй надпойменной террасы, в том месте где она ближе всего (0,3—0,4 км) подходит к современному руслу реки.

Москва-река на данном участке протекает в пределах Москворецко-Окской равнины, в котловинообразной местности, ограниченной на востоке возвышенностью Боровского кургана, а с севера и запада по левому борту русла — Люберецкими холмами. Левый берег реки Москвы представляет собой слабоволнистую террасовую равнину, образованную

второй и третьей надпойменными террасами, площадки которых в различной степени размыты и эрозированы. Вторая терраса является цокольной. Она сложена светло-серыми трещиноватыми известняками Мячковского горизонта, перекрытыми темно-серой и буровато-коричневой глиной Оксфордского яруса и покровными лессовидными суглинками палево-желтого и бурого цвета с прослоями ожелезнения и белесыми линзами выщелачивания почвы. Окончательное формирование покровных суглинков в среднем течении р. Москвы завершилось к Осташковскому оледенению², т. е. около 23 тыс. лет назад. Выше покровных суглинков отмечен горизонт флювиогляциальных отложений — легкая лессовидная супесь светло-серого цвета. Верхние горизонты почвы по всей площади террасы и ее склонам разрушены длительной распашкой и размывами.

Обработанные кремни встречались в переотложенном состоянии на поверхности, на площади приблизительно 30×60 м. В 1984 г. в месте наибольшей концентрации находок заложен раскоп площадью 42 кв. м. В результате раскопок было выяснено, что горизонты, содержащие основную массу обработанного кремня, в настоящее время почти полностью уничтожены. Ниже пахотного слоя находки залегали *in situ* в тонкой прослойке лессовидной супеси светло-серого цвета, а единичные предметы в светло-палевом слое легкого суглинка. На контакте светлых лессовидных суглинков с бурыми суглинками четко выделяется волнистый горизонт ортзандов, ниже которого находки не прослежены. Относительная глубина основного непотревоженного горизонта залегания кремней от уровня современной поверхности пашни — 0,35—0,45 м. Отдельные находки фиксировались до глубины 0,6—0,7 м от поверхности в мелких трещинах. По реперным отметкам наблюдается небольшой наклон уровня залегания находок в сторону современной поймы реки, что, возможно, указывает на древний рельеф, а, возможно, является действием эрозионных процессов. Никаких фаунистических остатков и изделий из кости на месте стоянки не обнаружено.

Таким образом, все культурные остатки следует связывать с верхними горизонтами покровных суглинков и флювиогляциальными отложениями.

Сохранившиеся обрывки культурного слоя прослежены в плане на площади не более 9 кв. м. Но на некоторых участках (8—10) культурный слой уходит под северо-западную стенку раскопа.

Всего на стоянке найдено 1402 кремневых предмета. Сырьем для изготовления орудий служил однородный высококачественный меловой кремень сиреневого и фиолетового цветов, иногда с желтыми и красноватыми прожилками. Все кремневые изделия в большей или меньшей степени патинизированы. Патина густая, молочно-белого цвета. В среднем течении Москвы-реки выходы подобного кремня не известны.

Техника раскалывания кремня на стоянке Заозерье I базировалась на расщеплении одно-, реже двухплощадочных призматических нуклеусов. Всего в группе нуклевидных насчитывается 30 предметов. В первую очередь это собственно нуклеусы — 14 экз. Среди них 12 подпризматических в разной степени сработанности. Их размеры колеблются: в высоту от 42 до 90 мм, при ширине площадок от 20 до 50 мм. У трех одноплощадочных (рис. 1, 3) и трех двухплощадочных (рис. 1, 1, 4) площадь скалывания охватывает все, или почти все тело ядрища. Шесть одноплощадочных — с односторонним фронтом скалывания (рис. 1, 2). С двух желваков, сохранивших остатки корки, скалывание производилось с торцов. Площадки у большинства скошены, и у всех имеются следы подправки. Помимо этого, в коллекции есть один уплощенно-дисковидный нуклеус и один нуклевидный кусок кремня, четыре скола подправки площадки и два скола с оснований. Ребристых пластин — восемь, шесть из них с односторонней ретушью.

Основной заготовкой для изготовления орудий служила неправиль-

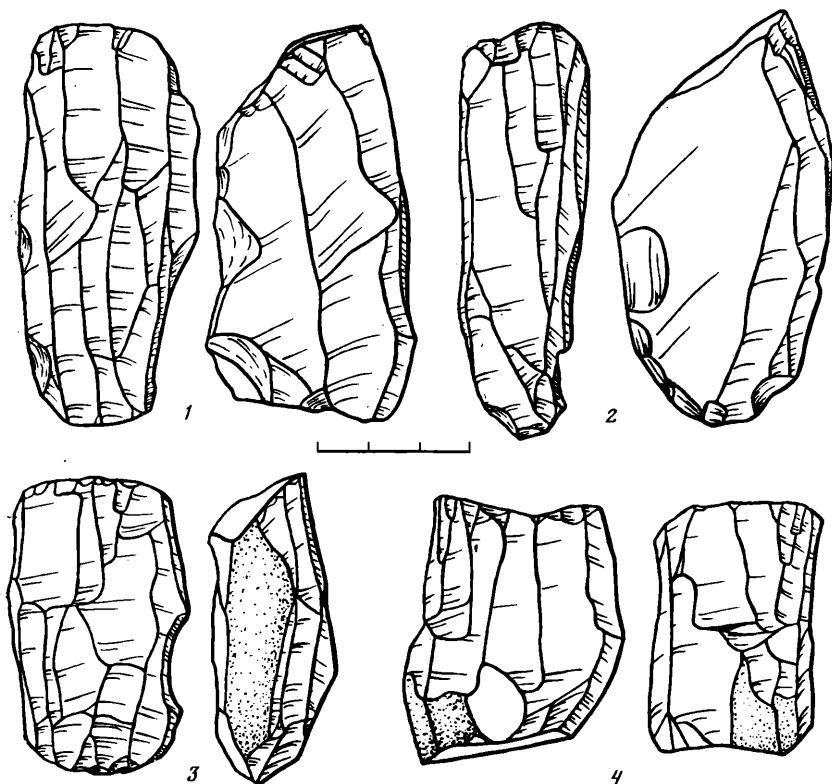

Рис. 1. Стоянка Заозерье I. Нуклеусы (1—4)

ная ножевидная пластина, со средними размерами от $30 \times 12 \times 3$ до $80 \times 24 \times 6$ мм. Всего в коллекции насчитывается 366 пластин и их обломков без следов вторичной обработки (26,1% от общего числа кремней). Пластинки с параллельными гранями представлены единичными экземплярами. Интересна серия из 16 пластин искусственно рассеченных.

Изделий со вторичной обработкой найдено 254 экз. Из них 164, или 64,5%, изготовлены на пластинах и 90, или 35,5%, — на отщепе. Ведущей категорией орудий являются резцы различных типов — 161 экз. (11,5% от общего числа коллекции и 63,3% среди всех изделий со вторичной обработкой). 31 орудие выполнено на отщепе, 130 — на пластинах. Преобладают с ретушированной площадкой скола — 86 (рис. 2, 1, 17, 18). Из них четыре двойные (рис. 2, 3, 8). На сломе заготовки или ее естественном окончании выполнено 63 орудия (рис. 2, 7, 25, 26), двойных — восемь (рис. 2, 9—11, 23, 27), тройных — четыре (рис. 2, 22). Два двойных резца: один на крупном отщепе, второй на рассеченной пластине — имеют одну площадку скалывания, оформленную резцовым сколом (рис. 2, 6, 20). Еще два резца: первый на углу пластины, второй на отщепе — с плоскими резцовыми сколами на брюшке. Три резца комбинированные: одна площадка скола оформлена ретушью, вторая без подправки (рис. 2, 5). Последнюю устойчивую группу составляют срединные резцы — их 12 экз. Изготовлены они преимущественно на крупных пластинах (рис. 2, 12—16, 19, 24). Длина негатива скола большинства резцов превышает $\frac{1}{2}$ длины заготовки (рис. 2, 1—5, 10, 15, 16, 21—23, 25). Помимо этого, найдено 18 краевых отщепов резцов.

Скребок в коллекции 12 экз. Все концевые. Девять изготовлены на пластинах (рис. 3, 21, 26), лезвия обработаны полукрутой ретушью, в трех случаях слабо скошены (рис. 3, 23), в двух — прямые (рис. 3, 25, 28). Три скребка на отщепе с округлым рабочим краем (рис. 3, 27). Следует отметить находку крупного скребловидного орудия на массивном первичном отщепе с широким дугообразным лезвием. К скребкам

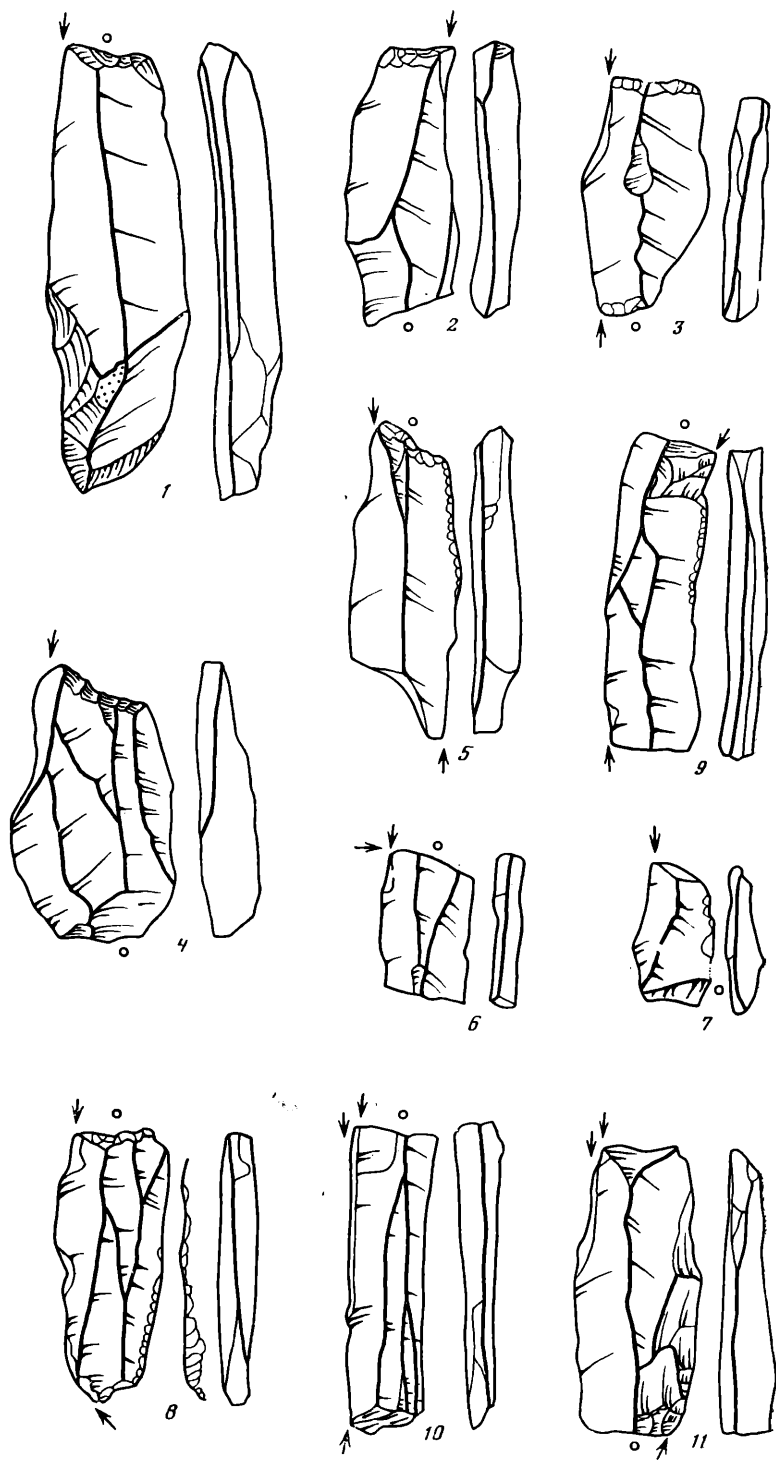
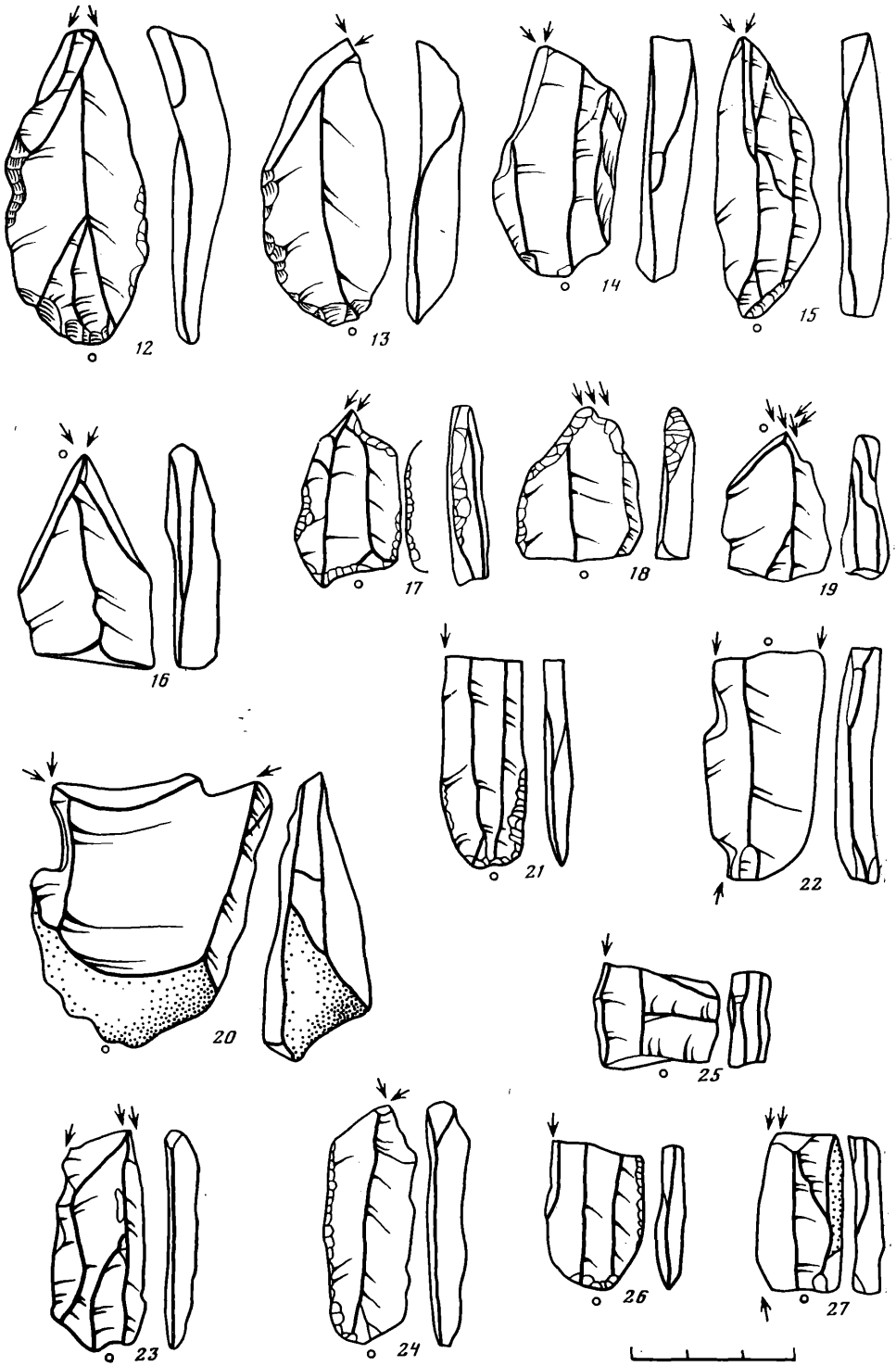

Рис. 2. Стоянка Заозерье I. Резцы (1—27)

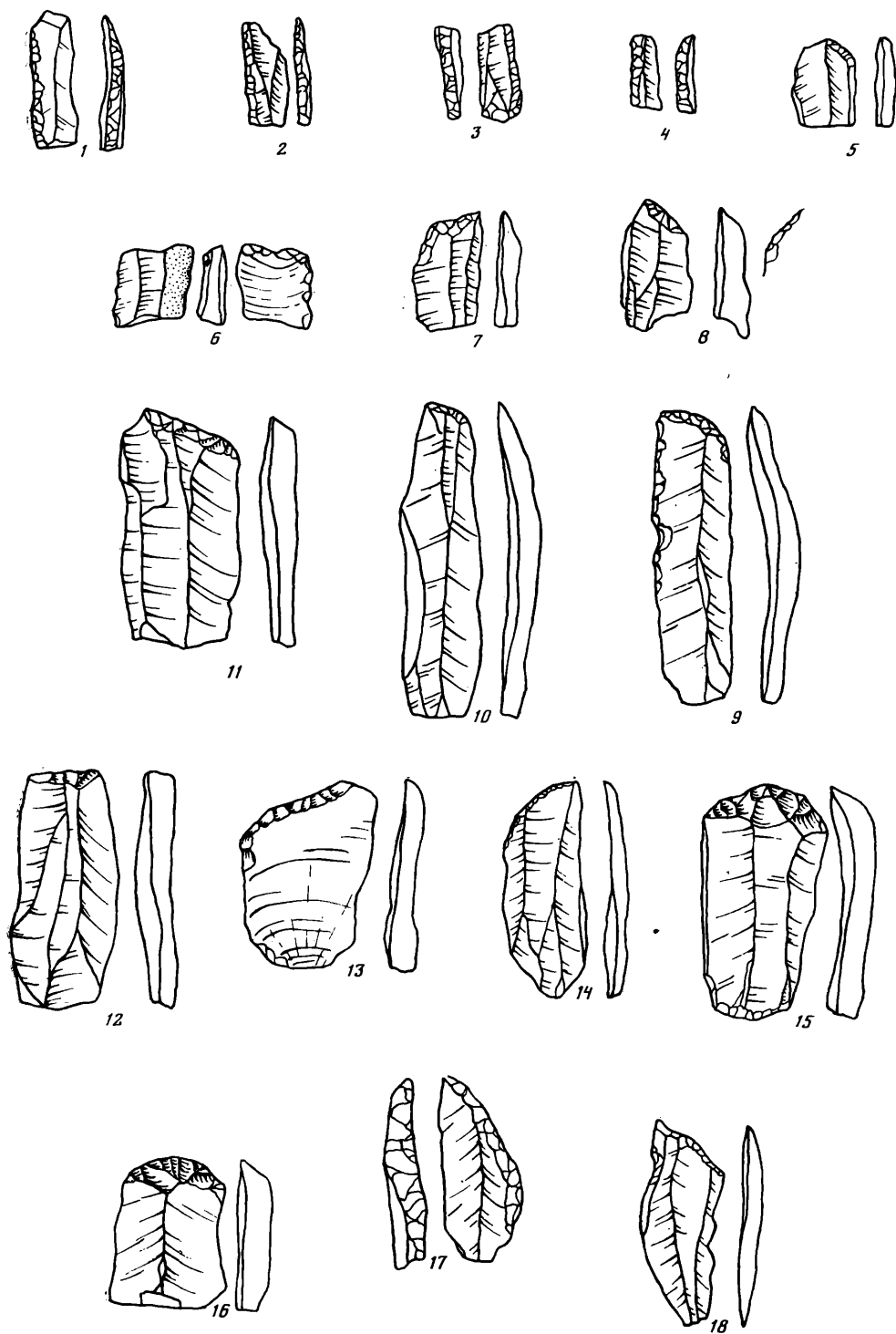
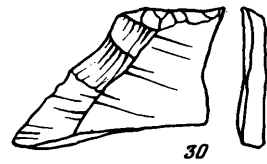
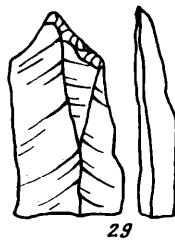
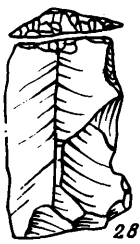
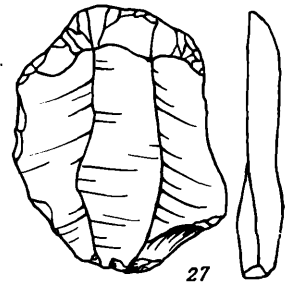
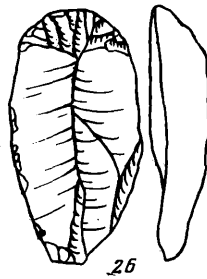
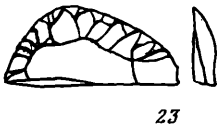
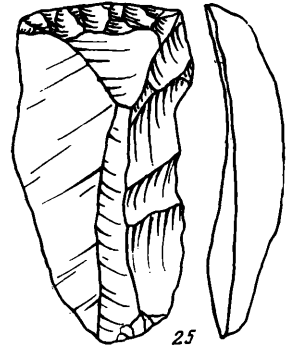
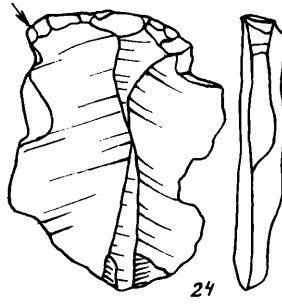
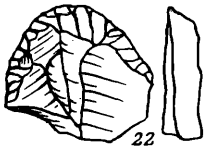
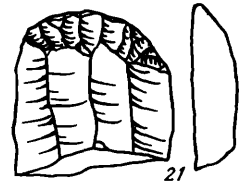
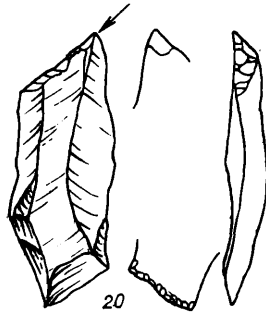
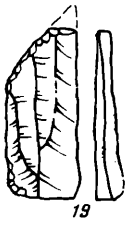

Рис. 3. Стоянка Заозерье I. Кремневые орудия (1—30)

примыкает следующая группа орудий — скобели. Их шесть. Четыре выполнены на отщепе и два — на крупных пластинах. Выемки у всех широкие и мелкие.

Комбинированных орудий — 3. Все одного типа: скребок-резец (рис. 3, 24).

Остальные предметы со вторичной обработкой представлены разнообразными ретушноусеченными изделиями. Среди них две пластины с затупленным на брюшке основанием: пологой ретушью снят ударный бугорок (рис. 3, 6). Семь пластин имеют конец, затупленный мелкой крутой ретушью на спинке, иногда слабо скошенный (рис. 3, 5, 9—12, 14, 30). Так же обработан один отщеп, но в данном случае ретушь нанесена на брюшке (рис. 3, 13). Четыре небольшие пластинки имеют один затупленный мелкой ретушью край (рис. 3, 1—4). Восемь пластин со скошенным ретушью концом можно отнести к группе острий (рис. 3, 7, 8, 19, 29). Одно из них — сегментовидное — обломано (рис. 3, 17). Два имеют ретушь на основании, что сближает их с остриями типа Цонхофен³ (рис. 3, 18). У последнего имеется плоский резцовый скол, образовавшийся, видимо, от удара или при сильном нажатии; противоположная сторона подправлена на брюшке мельчайшей ретушью (рис. 3, 20). Эти формы являются характерной особенностью кремневой индустрии стоянки Заозерье I.

Дополняют коллекцию 21 ножевидная пластина и 15 отщепов с мелкой нерегулярной ретушью по краям и следами заломов и выкрошенности острых граней. Традиционно такие предметы относят к ножам, пилкам, скобелям и т. п. орудиям. Следует отметить, что на многих морфологически четко выраженных орудиях в описываемой коллекции (например, рис. 2, 7, 8, 21, 24; рис. 3, 28; и др.) видны аналогичные следы. Возможно, они образованы при креплении в рукояти или от полифункционального использования этих орудий.

Отщепов и осколков без следов утилизации найдено 752 экз. Из них около 100 — это чешуйки размером менее 0,5 кв. см.

Наличие на памятнике нуклеусов разной степени сработанности, сколов оживления площадок, ребристых пластин и пластин искусственно рассеченных, мельчайших чешуек, первичных отщепов и пластин с меловой коркой позволяют с уверенностью говорить о том, что весь процесс обработки кремня целиком производился на стоянке.

Рассмотренный комплекс орудий не находит себе полных аналогов среди мезолитических (голоценовых) памятников Волго-Окского междуречья и примыкающих областей. Отдельные типы изделий близки к имеющимся в коллекциях раннемезолитических стоянок Бутово I⁴ и Тихоново⁵ на верхней Волге. Однако они вписываются в достаточно широкий хронологический диапазон. Наибольшая степень сходства как собственно типов кремневых орудий, их соотношения между собой, так и в приемах обработки прослеживается у стоянки Заозерье I с плейстоценовыми памятниками бассейна р. Десны⁶, в первую очередь с поздними комплексами стоянки Тимоновка I⁷. Здесь — то же значительное преобладание резцов над всеми остальными категориями орудий. Немногочисленные находки пластин с затупленным краем, устойчивая комбинация скребка с резцом, использование высокой затупливающей ретуши, отсутствие рубящих форм, неглубокий уровень залегания находок⁸ и пр. Некоторые различия (в основном в процентном соотношении типов орудий), прослеживаемые в инвентаре Деснинских памятников с материалами Заозерья I, могут быть объяснены разной степенью их изученности и хронологическими отличиями. В целом представляется наиболее вероятным отнесение комплекса стоянки Заозерье I к «деснинской» позднелепелитической культуре⁹.

Открытие в последние годы новых палеолитических поселений на севере Русской равнины (Елисеевичи II¹⁰, Русаниха¹¹, Шатрищи¹², Заозерье I) говорит о достаточной заселенности этого региона в конце плейстоценовой эпохи.

- ¹ Фролов А. С. Исследование стоянки Зазерье на р. Москве//АО 1983 г. М., 1985. С. 92.
- ² Дукельский В. Ю., Фролов А. С., Яковлева Е. А. О соотношении палеогеографических и археологических характеристик среднего течения р. Москвы//Комплексные методы в изучении истории с древнейших времен до наших дней. М., 1984. С. 82—84.
- ³ Кольцов Л. В. Финальный палеолит и мезолит Южной и Восточной Прибалтики. М., 1977.
- ⁴ Кольцов Л. В. Раскопки Бутовской стоянки в 1966 г.//КСИА. 1969. Вып. 117. С. 62—68; *Он же*. Мезолитическая стоянка Бутово (по раскопкам 1967 г.)//КСИА. 1971. Вып. 126. С. 87—93.
- ⁵ Кольцов Л. В. Исследования памятников каменного века в Калининской области//АО 1980 г. М., 1981. С. 55, 56.
- ⁶ Воеводский М. В. Палеолитическая стоянка Рабочий Ров (Чулатово II)//Учен. зап. МГУ. 1952. Вып. 158; Грехова Л. В. Верхнепалеолитическая стоянка Карачиж//Тр. ГИМ. М., 1966. Вып. 40. С. 7—10; *Он же*. Кремневый комплекс стоянки Тимоновка II и однотипные памятники Деснинского бассейна//История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971. С. 3—22; Величко А. А., Грехова Л. В., Губонина З. П. Среда обитания первобытного человека Тимоновских стоянок//М., 1977; Величко А. А., Грехова Л. В., Ударцев В. П. Новые данные по археологии, геологии и палеогеографии стоянки Елисеевичи//Палеоэкология древнего человека. М., 1977. С. 96—105.
- ⁷ Городицов В. А. Тимоновская палеолитическая стоянка//Тр. ин-та антропологии. М., 1935. Вып. 3; Величко А. А., Грехова Л. В., Губонина З. П. Среда обитания...
- ⁸ Грехова Л. В., Сорокина Р. А. Разведовательные работы у с. Тимоновка в 1965 г.//КСИА. 1969. Вып. 117. С. 43.
- ⁹ Археология СССР: Палеолит СССР. М., 1984. С. 202.
- ¹⁰ Грехова Л. В. Позднепалеолитическая стоянка Елисеевичи II//СА. 1985. № 1. С. 131—142.
- ¹¹ Михайлова Л. А. Русаниха — новый палеолитический памятник вблизи Сунгиря//СА. 1985. № 4. С. 107—117.
- ¹² Трусов А. В. Зарайская верхнепалеолитическая стоянка (предварительное сообщение)//СА. 1985. № 3. С. 110—118.

А. Е. МАТЮХИН

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ МАСТЕРСКАЯ КАЛИТВЕНКА I

Памятник расположен на территории Каменского района Ростовской области, в месте впадения р. Калитвенка в Северский Донец. Открыт в 1973 г. Л. Я. Крижевской¹. Приурочен к правому борту балки, ко второй надпойменной террасе. Площадь местонахождения около 1500 кв. м. Высота его над дном балки — 15 м. Находки обнаружены как на поверхности коренных белесых песков, так и в перекрывающих их песках, супесях и суглинках².

В течение ряда полевых сезонов заложено три раскопа общей площадью 114 кв. м и несколько шурфов. Стратиграфия отложений, вскрытая в зоне памятника, в целом такова³. Белесые пески, хорошо развитые в данном районе, перекрываются маломощными тоже коренными зеленоватыми и оранжевыми песками, которые содержат обломочный материал в виде мелких галек, окатанного щебня и гравия, а также кварцевые валуны и куски. На пески налегают сероватые (белесоватые) супеси и суглинки. Эта нижняя пачка отложений, мощность которой колеблется от 0,7 до 3 м, содержит основную часть находок. Над белесым суглинком, который перекрывает сероватую супесь, возвышается верхняя пачка отложений, представленная суглинками, мощность от 1 до 3,5 м. Общая мощность отложений составляет 2—6,5 с. Всего выделено 13 литологических горизонтов⁴. Археологические предметы отмечены в 4-х разных горизонтах. Ввиду недостаточно ясной стратиграфической картины разборка верхней пачки отложений в раскопе проводилась по условным горизонтам. Находки из горизонтов 2—6 связаны преимущественно с обломочным материалом и на деле переотложены. Однако в горизонте 1, судя по характеру залегания, изделия зафиксированы в неповрежденном состоянии. Собрано 10 одно- и двухплощадочных нуклеусов и около 200 отщепов. Выразительных изделий мало. Нижняя пачка

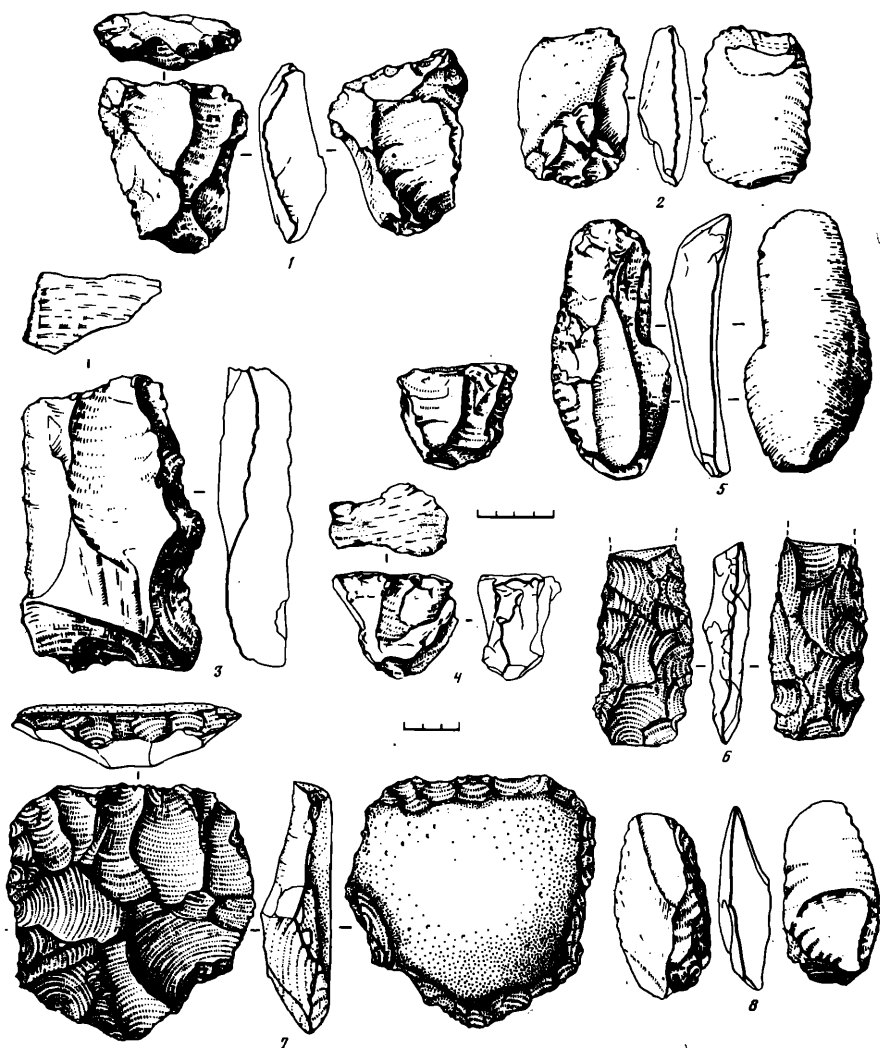

Рис. 1. Кварцитовые изделия из Калитвенки I

1, 3, 4, 7 — нуклеусы; 2 — незаконченное орудие; 5 — скребок; 6 — наконечник; 8 — скребло

отложений раскапывалась по литологическим горизонтам (горизонты 7—9). В горизонте 7 находок мало. Интересно изделие размерами 9×6 , 5×3 см (рис. 1, 2). С ударных площадок, подготовленных на обоих концах отщепа-заготовки, снимались мелкие сколы. Это, скорее всего, заготовка на стадии уплощения, а не нуклеус. Подавляющая часть находок обнаружена в горизонтах 8—9. Из горизонта 8 происходит 700 экз., а из горизонта 9—2100 экз. Основным сырьевым материалом служил кварцит, представленный валунами длиной от 10 до 100 см. Качество его самое различное. Скопления кварцита в виде жил и линз имеются на расстоянии 100 м от памятника. На нем самом выходы довольно бедные. Единичные изделия изготовлены из кремневых галек. В горизонте 8 находки распределены более или менее равномерно. Напротив, в горизонте 9 выявлен участок размером 5×4 м, где сосредоточено много крупных находок, в частности нуклевидных кусков, нуклевидных изделий, нуклеусов, а также отщепов, пластин, осколков и чешуек. Вероятней всего, перед нами производственный участок, где происходила интенсивная первичная обработка кварцита. Для нуклеусов приносились в качестве заготовок нуклевидные куски. Самое грубое первичное раскалывание происходило непосредственно на выходах кварцита⁵. На остальных уча-

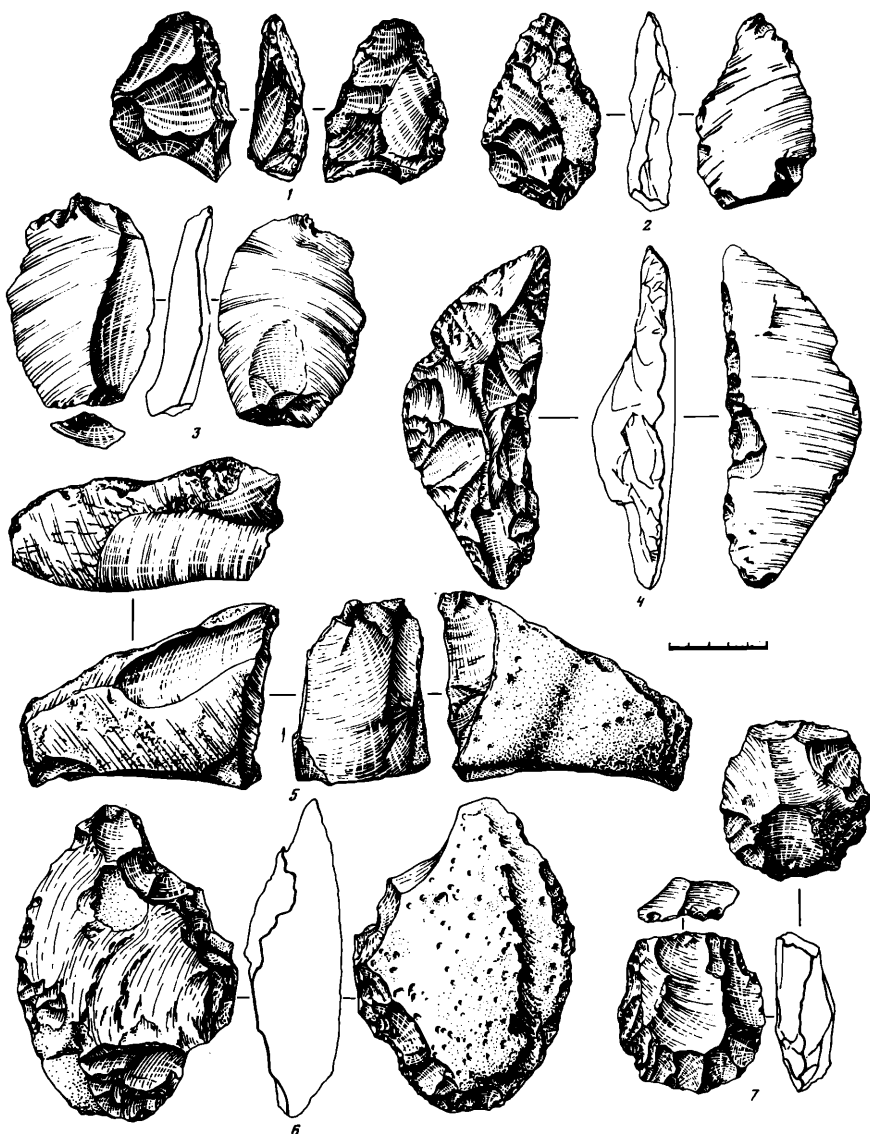

Рис. 2. Кварцитовые изделия из Калитвенки I

1 — бифас; 2 — остроконечник; 3 — отщеп; 4 — лимас; 5, 7 — нуклеусы; 6 — рубящее орудие

стках раскопа изделий гораздо меньше, и они, в частности нуклеусы, имеют небольшие размеры.

Всего нуклеусов выделено 93 экз. (горизонт 8—18 экз.; горизонт 9—75 экз.). Одноплощадочных — 43 экз.; двухплощадочных — 28 экз.; трехплощадочных — 17 экз.; четырехплощадочных — 5 экз. В качестве заготовок, кроме валунов и кусков, использовались отщепы (11 экз.). Длина кварцитовых нуклеусов колеблется от 5 до 30 см, а кремневых (их всего 5 экз.) — не более 5 см (рис. 1, 3, 4; 2, 5, 7). Толщина нуклеусов — от 2 до 10 см. Преобладают нуклеусы на начальной стадии расщепления — 50 экз. Это изделия, с которых снято 1—4 скола (рис. 2, 5). Остальные нуклеусы фиксируют среднюю и заключительную стадии расщепления. Толщина последних 2—4 см. Нуклеусы на начальной стадии расщепления обнаружены преимущественно в горизонте 9, на участке скопления находок. Они крупные и массивные. На всех нуклеусах лучше всего представлена параллельная плоскостная система раскалывания (рис. 1, 1, 3; 2, 5, 7). Нуклеусов с параллельным круговым (призматическим)

расщеплением — 6 экз. (рис. 1, 4). Радиальная система расщепления в традиционном понимании представлена 12 экз. На торцовых нуклеусах (их 18 экз.) отмечена параллельная плоскостная система раскалывания (рис. 2, 5). Для многоплощадочных нуклеусов более характерны продольно-поперечный и параллельно-встречный варианты расщепления. Ударные площадки у нуклеусов, и в том числе леваллуазских (рис. 1, 1, 3, 2, 7), оформлены сколами и ретушью. Необработанных площадок, даже у грубых нуклеусов, мало.

Сколы. В горизонте 8 найдено 202 экз., в горизонте 9 — 629 экз. (рис. 2, 2). Преобладают отщепы без корки (в горизонте 9 их 57%). Длина сколов равна 2—8 см, а толщина — 0,5—2 см. Больше удлиненных сколов. Отщепов с гладкими обработанными площадками свыше 50%. Фасетированных площадок в горизонте 8—31,8%, в горизонте 9—13,7%. Фасетированные площадки отмечены также у многих сколов-отходов, что имеет сугубо технологическое объяснение. У отщепов с частичной коркой и без корки в основном представлена двускатная продольная высокая и такая же плоская огранка спинок. Отщепы с параллельной, дивергентной, конвергентной и радиальной огранкой редки. Леваллуазских отщепов в горизонте 8—14 экз., а в горизонте 9—18 экз. Пластин в горизонте 8 выделено 65 экз., а в горизонте 9—130 экз. Выразительных пластин, т. е. сколов с параллельной огранкой спинки¹, всего 20 экз. В основном это технические сколы с продольной высокой двускатной огранкой.

В горизонте 8—9 найдено 27 орудий. Из них 8 макроорудий и 19 орудий из отщепов. Среди макроорудий выделены чоппинги (2 экз.), бифасы (1 экз.) и рубящие орудия (5 экз.). Бифас имеет размеры 8,5×6,2×3 см (рис. 2, 1). Оформлен крупными и мелкими сколами с подготовленных на обоих краях ударных площадок. Наиболее выразительный чоппинг найден в горизонте 8. Размеры его 8,5×11,8×6 см. Лезвие выделено чередующимися сколами. Имеющаяся ретушь возникла, скорее всего, от работы (рубки кости или твердого дерева). Среди рубящих орудий выделены оформленные (1 экз.), элементарно оформленные (2 экз.) и минимально оформленные орудия (2 экз.). Эти изделия не имеют близких аналогов среди известных типов макроорудий. Некоторые оформленные орудия похожи на нуклеусы¹. Длина рубящих орудий от 13 до 22 см, толщина от 5,3 до 8 см. Изготовлены из отщепов и кусков кварцита плохого качества. Выработанность общей формы орудий достигалась как за счет целенаправленной обработки, так и в результате продуманного выбора исходных заготовок. Оформленные и элементарно оформленные орудия подвергались предварительному уплощению и заживанию — снятию крупных отщепов нередко с подготовленных ударных площадок. Оформление аккомодационных и рабочих элементов осуществлялось крупными и мелкими сколами, а также систематической и нерегулярной ретушью по всему краю и на части его. На рабочих концах многих орудий отмечены макроследы (мелкие сколы, регулярная и прерывистая ретушь) и забитость кромки от работы. Выявлены в равной мере линейные следы и заполировка. Все эти следы указывают, что рубящие орудия применялись для выкапывания кварцитовых валунов из песков, насыщенных, как правило, обломочным материалом.

Орудия из отщепов разделены на скребла (9 экз.), скребки (2 экз.) и отщепы с обработкой (8 экз.). Среди скребел выделены простые боковые (6 экз.), двойные (1 экз.), поперечные (1 экз.) и конвергентные (1 экз.). Все изделия, за исключением 2 экз., относятся к числу нетипичных. Длина скребел от 8 до 15 см, толщина — от 2 до 4,5 см. Изготовлены из отщепов (горизонт 9) и крупных пластин (горизонт 8). На большинстве предметов установлено предварительное уплощение исходных заготовок — снятие сколов с подготовленных площадок. Рабочие лезвия оформлены чешуйчатой и чешуйчато-ступенчатой регулярной глубокой

¹ Некоторые нуклеусы были переформлены в орудия.

ретушь с одной стороны. Размеры скребка в горизонте 8—14×6, 5×2,8 см. Изготовлен из крупной полукраевой пластины. Левый боковой край и лезвие оформлены мелкими сколами, чешуйчатой и ступенчатой ретушью. Правый край полностью не обработан. У отщепов с обработкой нередко с подготовленных площадок снимались 1—3 скола. По нашему мнению, это пробные или незаконченные изделия.

В отдельных шурфах в верхней пачке отложений изделия встречены с обильным обломочным материалом и крупнозернистым песком. На месте шурфов 16 и 18 находки выявлены на современной дневной поверхности в виде скоплений округлой формы 50—80 см в поперечнике. Здесь выделены грубые нуклеусы, нуклевидные куски, нуклевидные изделия и грубые макроорудия. Длина нуклеусов из верхней пачки отложений 8—14 см, толщина 4—8 см. Найдено 10 одноплощадочных и 5 трехплощадочных нуклеусов. Среди одноплощадочных 5 экз. оставлены на начальной стадии расщепления. На всех нуклеусах представлена параллельная плоскостная система расщепления. Нуклеусы из верхней пачки отложений менее крупные и более сработанные, чем нуклеусы из нижних горизонтов. Отщепами являются некрупные и невыразительные сколы с обработанными и естественными ударными площадками. Выделено 8 леваллуазских сколов. Среди макроорудий интересны чоппер из удлиненной гальки и рубящие орудия (4 экз.). Длина самого крупного оформленного орудия составляет 35 см. Элементарно и минимально оформленные орудия менее выразительны. Согласно нашим наблюдениям, особых отличий между находками из верхней и нижней пачек отложений нет.

К юго-западу от раскопов обнаружено углубление, приуроченное к белесому коренному песку⁷. Оно имеет длину 1,8 м и глубину 0,5 м. Было заполнено нуклевидными изделиями (57 экз.), нуклевидными кусками (3 экз.), нуклеусами (13 экз.), отщепами (90 экз.), осколками и чешуйками (71 экз.). Нуклеусы в целом не выразительны. Длина нуклевидных изделий 10—40 см, толщина 5—15 см. Исходные заготовки — куски кварцита плохого качества. На разных участках предметов отмечены редкие негативы крупных сколов. Сколы снимались со случайных, как правило, необработанных площадок. Другими словами, у данных изделий нет четкой взаимосвязи между ударными площадками и поверхностью раскалывания. Как нам представляется, нуклевидные изделия можно рассматривать как предметы для опробования качества кварцита, как заготовки для нуклеусов или грубые макроорудия. Отщепы и пластины представлены в основном техническими сколами. Выделено 14 макроорудий: бифасы (2 экз.) и рубящие орудия (12 экз.). У рубящих орудий определены оформленные (1 экз.), элементарно оформленные (9 экз.) и минимально оформленные орудия (2 экз.). Длина их от 10 до 32 см, толщина от 4 до 12 см (рис. 2, 6). Все изготовлены из отщепов и кусков кварцита плохого качества. На рабочих лезвиях отмечены следы от ударов в виде сколов и ретуши, а в равной мере — забитость. Линейные следы и заполировка по причине оглаженности изделий фиксируются не на всех предметах. Не исключено, что данное углубление использовалось древними людьми как хранилище.

Кратко остановимся на находках, собранных на поверхности. Собраны нуклеусы (31 экз.) и орудия (33 экз.). Выделены одноплощадочные (3 экз.), двухплощадочные (14 экз.), трехплощадочные (8 экз.) и четырехплощадочные (6 экз.) нуклеусы. Длина их от 8 до 20 см, толщина от 3 до 10 см (рис. 2, 7). Нуклеусов на начальной стадии расщепления 12 экз. Нуклеусы из отщепов представлены 10 экз. Установлены следующие системы расщепления: параллельная плоскостная (24 экз.), параллельная круговая (3 экз.) и радиальная (4 экз.). Площадки оформлены крупными сколами (32 экз.), а также сколами и ретушью (34 экз.).

Макроорудия разделены на чопперы (1 экз.), чоппинги (1 экз.), бифасы (2 экз.), колуноподобные орудия (2 экз.) и рубящие орудия (3 экз.). Чопперы и чоппинги имеют нуклевидную форму, оформлены

крупными и мелкими сколами. У бифаса размерами 16×12,5×8,2 см на боковых краях отмечены крупные выемки, полученные в результате сильного забивания отбойником. На обеих поверхностях имеются участки явной забитости от ударов. Возможно, что данный предмет использовался как отбойник. На лезвиях некоторых рубящих орудий — макроследы от работы. Типологический список орудий из отщепов: скребла (6 экз.), остря (1 экз.), двустороннеобработанные орудия (3 экз.), лимас (1 экз.), выемчатые изделия (3 экз.), отщепы с обработкой (6 экз.), обломки орудий (3 экз.). Скребла разделены на боковые простые (3 экз.), двойные (2 экз.). На скреблах выявлены следы предварительного уплощения — снятие сколов с подготовленных площадок. Рабочие лезвия оформлены мелкими сколами, субпараллельной, чешуйчатой и ступенчатой ретушью. Все двустороннеобработанные орудия представлены обломками (рис. 1, 6). Одно орудие изготовлено из кремня. Имеют прямоугольные и листовидные очертания. Отмечено предварительное уплощение изделий с подготовленных площадок. Отщепы с обработкой очень похожи на те, которые найдены в раскопах. В целом изделия, собранные на поверхности, заметно не отличаются от предметов из слоя.

В заключение отметим, что по наличию большого количества нуклеусов и, в том числе нуклеусов на начальной стадии расщепления, нуклеовидных кусков, и нуклеовидных изделий, а в равной мере отщепов, осколков чешуек, орудий для выкапывания валунов и малого числа заготовок для орудий и самих орудий, присутствию незаконченных и пробных орудий Калитвенку I следует рассматривать как мастерскую. По техникоморфологическим показателям изделия датируются палеолитическим временем. Осуществлялся хотя и неполный, но тем не менее основной технологический цикл — раскалывание нуклеусов с целью получения заготовок для орудий из отщепов и частичное их изготовление. Нет существенного отличия изделий из Калитвенки I и предметов из других калитвенских мастерских. В то же время этот памятник относится к иному типу мастерских, чем, например Калитвенка Ib, расположенная непосредственно у выходов кварцита, и Калитвенка Ia, заметно удаленная от сырья. На исследуемом памятнике находки распределены в виде отдельных скоплений. Материалы Калитвенки I похожи на изделия из известного местонахождения Деркул⁸.

До настоящего времени в бассейне Северского Донца неизвестны стоянки, где жили люди, оставившие мастерские, калитвенские мастерские — это пока единственные представительные палеолитические памятники подобного рода на Русской равнине.

¹ Крижевская Л. Я. Работы Степной неолитической экспедиции // АО 1973 г. М. 1974. С. 113, 114.

² Матюхин А. Е. О работах на палеолитическом местонахождении Калитвенка I // АО 1979 г. М., 1980. С. 118.

³ Матюхин А. Е. Раскопки палеолитической мастерской Калитвенка I // АО 1980 г. М., 1981. С. 10, 11.

⁴ Матюхин А. Е. О раскопках Калитвенских палеолитических мастерских в 1984 г. // АО 1984 г. М., 1986.

⁵ Матюхин А. Е. Исследование Калитвенских палеолитических мастерских // АО 1981 г. М., 1983. С. 125.

⁶ Любин В. П. Мустьерские культуры Кавказа. Л., 1977. С. 38—40.

⁷ Матюхин А. Е. Исследование Калитвенских палеолитических... С. 125.

⁸ Ефименко П. П. Находки остатков мустьерского времени на р. Деркуле // Изв. ГАИМК, 1935. 118. С. 13—25.

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ ГА-КУШ В ТУРКМЕНИИ

Местонахождение Га-Куш было открыто в 1981 г. В. П. Любиным в ходе археологических разведок на Джанаке (Туаркыре) в Западной Туркмении (Казанджикский район Краснодарской области).

Джанак расположен к востоку от песков Чильмамедкум и к северу от Кемальской излучины Узбоя. Здесь развиты узкие моноклиальные гряды, высокие крутые чинки, обычны замкнутые котловины и останцовые возвышенности¹. Описываемое местонахождение расположено недалеко от поселка Бургун и к западу от обрыва гряды Бегарсландаг. Оно приурочено «к северо-восточному борту мертвой долины, идущей в направлении Узбоя»².

Палеолиту Джанака уже была посвящена значительная часть большой статьи В. П. Любина³, который, исходя из задач этой своей работы, все внимание сконцентрировал на двух, давших наиболее значительный материал, местонахождениях (Кызыл-Бурун и Алам-Куль), лишь упомянув остальные. Между тем коллекция Га-Куша хотя и невелика (сборам на памятнике был посвящен один день, она включает всего 133 предмета) но достаточно своеобразна, чтобы привлечь внимание специалистов и позволить попытаться сделать некоторые предположения о месте индустрии в палеолите Средней и Передней Азии.

Основной комплекс Га-Куша, включающий 120 изделий, является мустьерским и, судя по характеру сырья (в основном это желвачный серых тонов кремень), степени его патицизации, а главное, типологическому облику каменного инвентаря, гомогенным. Из оставшихся 13 предметов 8 имеют явно послемустьерский возраст, а еще 5, вероятно, генетически чужды основному материалу. Все такие случаи при описании особо оговариваются.

Из числа артефактов, составляющих основной комплекс, в настоящей работе не описываются 15 предметов, являющихся сомнительными, неидентифицируемыми, либо несущими следы лишь единичных, случайных сколов.

В коллекции имеется 12 нуклеусов и 5 нуклевидных обломков. Среди нуклеусов наиболее выразительными являются призматические, верхнеили послепалеолитические, которые представлены 3 экз. Лучшее из этих изделий (рис. 1, 1) имеет две противоположные ударные площадки, из которых интенсивно использовалась лишь одна. Эта площадка, а также фронтальная поверхность нуклеуса имеют следы значительной подправки. Судя по негативам, с нуклеуса скалывались правильной формы пластины длиной от 3 до 6 см и шириной от 0,5 до 1,5 см. Противоположную ударную площадку тоже пытались использовать, однако гораздо менее удачно. Второй призматический нуклеус менее эффектен. Это сильно сработанный экземпляр с тремя параллельными негативами снятых пластин. Интересен призматический нуклеус в самой начальной стадии срабатывания, представляющий собой одну из половин расколотого поперек кремневого желвака конической формы и подокруглого сечения. Имеются негативы всего двух коротких (2,5 и 3 см) сколов, а также незначительные следы подправки на ударной площадке.

По сырью выглядит на фоне коллекции чужеродным и нуклеус параллельного скалывания из ярко-коричневого кремня, почти не затронутый патиной. С точки зрения морфологии данного нуклеуса он вполне может быть причислен к мустьерским, но тем не менее в коллекции Га-Куша составляет наряду с еще четырьмя отщепами из похожего материала (см. ниже), вероятно, инородную примесь (рис. 1, 2).

Нуклеусы, относимые к основному комплексу Га-Куша, представлены, к сожалению, менее выразительными изделиями. Среди них выде-

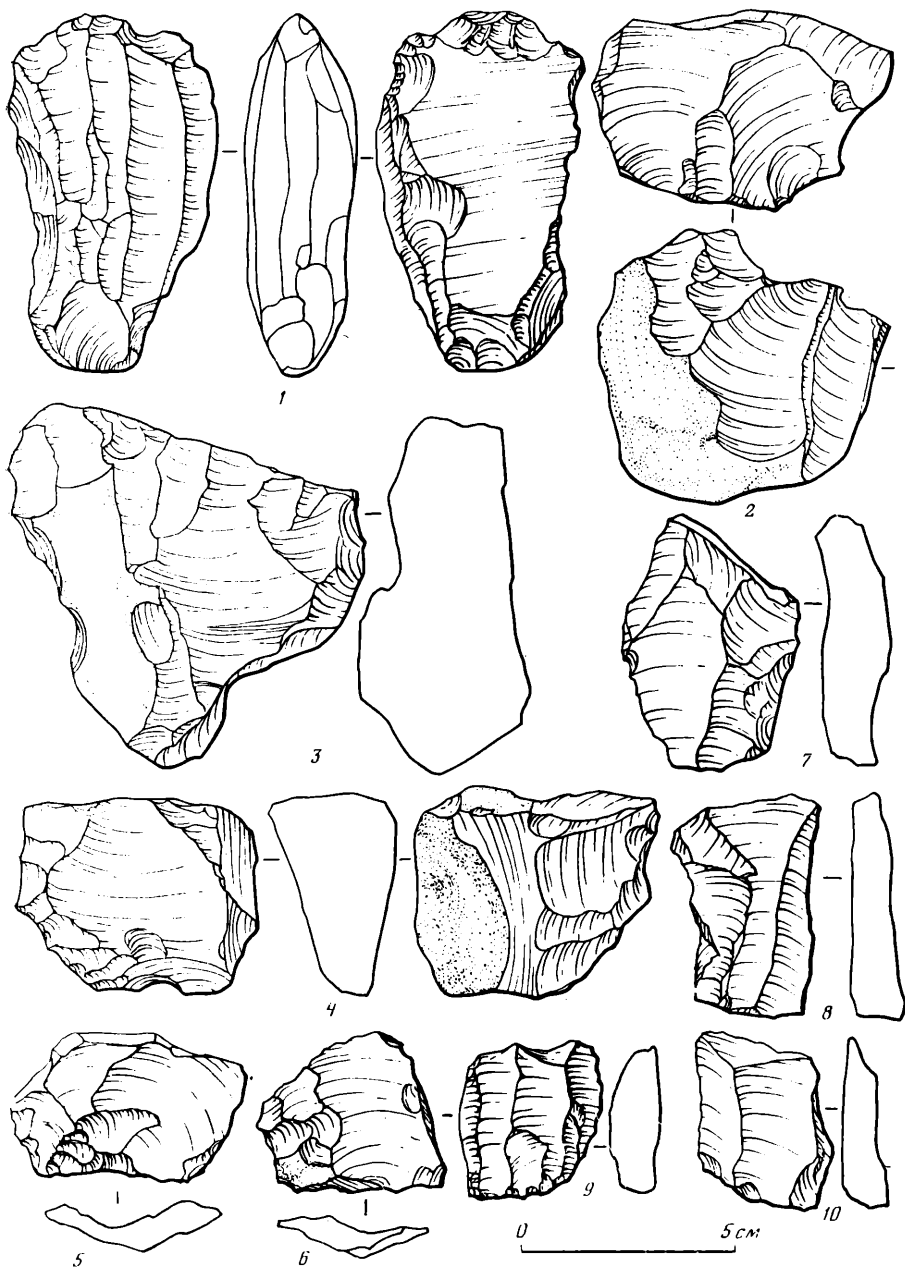

Рис. 1. Местонахождение Га-Куш. Нуклеусы и заготовки (1—10)

ляются 4 нуклеуса с подготовкой и следами попыток осуществления параллельной системы снятий в приблизительно одной плоскости (рис. 1, 3). Имеются также нуклеус бессистемного снятия (крупный кусок серого кремня с негативами множества сколов разного размера), невыразительный двухплощадочный нуклеус и двуплоскостной одноплощадочный нуклеус, плоскости раскалывания которого пересекаются под острым углом («микро-чоппинг»). Наконец, еще один нуклеус, сильно сработанный, несет следы переоформления его в скребловидное орудие. На одной из сторон этого изделия сохранились дистальные части негативов трех параллельных снятий, на противоположной плоскости перпендикулярно этим негативам расположен негатив крупного скола, дистальная часть которого срезана полукрутой ретушью переоформления (рис. 1, 4).

Таким образом, как видно, нуклеусы Га-Куша слишком разнородны и малочисленны, чтобы по ним можно было сколько-нибудь удовлетворительно охарактеризовать технику расщепления основного мустьерского комплекса памятника. Преобладание же среди нуклеусов относимых к этому комплексу изделий, имеющих негативы параллельных снятий, скорее всего, является случайным, о чем говорит характер заготовок.

Среди последних можно выделить лишь 4 пластины, две из которых представлены обломками (проксимальным и дистальным). Ударные площадки у пластин гладкие, у трех изделий спинки имеют параллельную огранку (рис. 1, 8). Среди отщепов только 4 экз. можно охарактеризовать как пластинчатые, исходя при этом главным образом из их пропорций; в целом же эти отщепы выглядят весьма аморфно.

Всего в коллекции 57 отщепов. Семь из них, вероятно, следует рассматривать отдельно от основной массы находок, что диктуется как характером сырья, из которого они изготовлены, так и некоторыми морфологическими их особенностями. Это, во-первых, уже упомянутые 4 отщепы из такого же материала, что и нуклеус, описанный как предположительно чужеродный основному комплексу (рис. 1, 7). Эти изделия отличаются более крупными в целом размерами, для одного из них отмечена тонко фасетированная ударная площадка (единственная в коллекции вообще), для двух — огранка спинки. Безусловно, поздние или послепалеолитическим является отщеп, сколотый с призматического нуклеуса и сохранивший на спинке негативы параллельных тонких пластинчатых снятий (рис. 1, 9). Возможен также поздний возраст двух мелких тонких отщепов с точечными ударными площадками. Кроме того, имеются две микропластинки.

Основной комплекс включает 50 отщепов. Длина их редко превышает 5,5 см и в основном колеблется в пределах 3—5 см, ширина у основания составляет у большинства экземпляров 1,5—2,5 см и наибольшая — 2,5—4,5 см. У 11 отщепов ширина существенно превосходит длину (измеряемую по оси скалывающего удара). Лишь три отщепы имеют более или менее четкие признаки огранки спинки (рис. 1, 10), первичные отщепы также редки (4 экз.). Определимые ударные площадки в подавляющем большинстве случаев — прямые гладкие, лишь в двух случаях отмечены двухфасеточные площадки. Две ударные площадки изогнуты в плане в виде «летающей птицы» (рис. 1, 5, 6). По меньшей мере на 6 отщепках видны невооруженным глазом макроследы утилизации.

Характеризуя заготовки основного комплекса Га-Куша в целом, следует отметить их довольно грубый, явно нелеваллуазский характер. Это подтверждает и анализ изделий со вторичной обработкой.

Орудия являются наиболее интересной и своеобразной группой материала в коллекции Га-Куша. Они насчитывают 38 экз. и составляют 31,7% от общего количества изделий основного комплекса.

Важным для характеристики каменного инвентаря памятника является наличие среди орудий большого числа (в масштабах коллекции) изделий с выемчатым или зубчатым рабочим краем, которые составляют почти половину (17 экз.) всех предметов со вторичной обработкой. Среди них особенно интересны скребловидные формы.

В первую очередь привлекает внимание орудие, изготовленное на крупном отщепе, с брюшка которого на противоположных краях полукрутой крупнофасеточной ретушью оформлены две выемки. Кромка обеих выемок отмечена ретушью утилизации (рис. 2, 1). Второе выемчатое орудие, почти столь же крупное по размерам, имеет противоположащий рабочему краю естественный обушок. Выемка этого изделия также тщательно обработана полукрутой ретушью. Форма выемки правильная, дугообразная, длина хорды дуги 3,3 см. Еще одно изделие подобно вогнуто-выпуклому скреблу. Оно изготовлено на куске плитчатого кремня, один из краев которого обработан на всю длину ретушью, приближающейся к крутой. Этому краю противолежит естественный обушок. Выемка на лезвии этого изделия неглубокая и относительно короткая

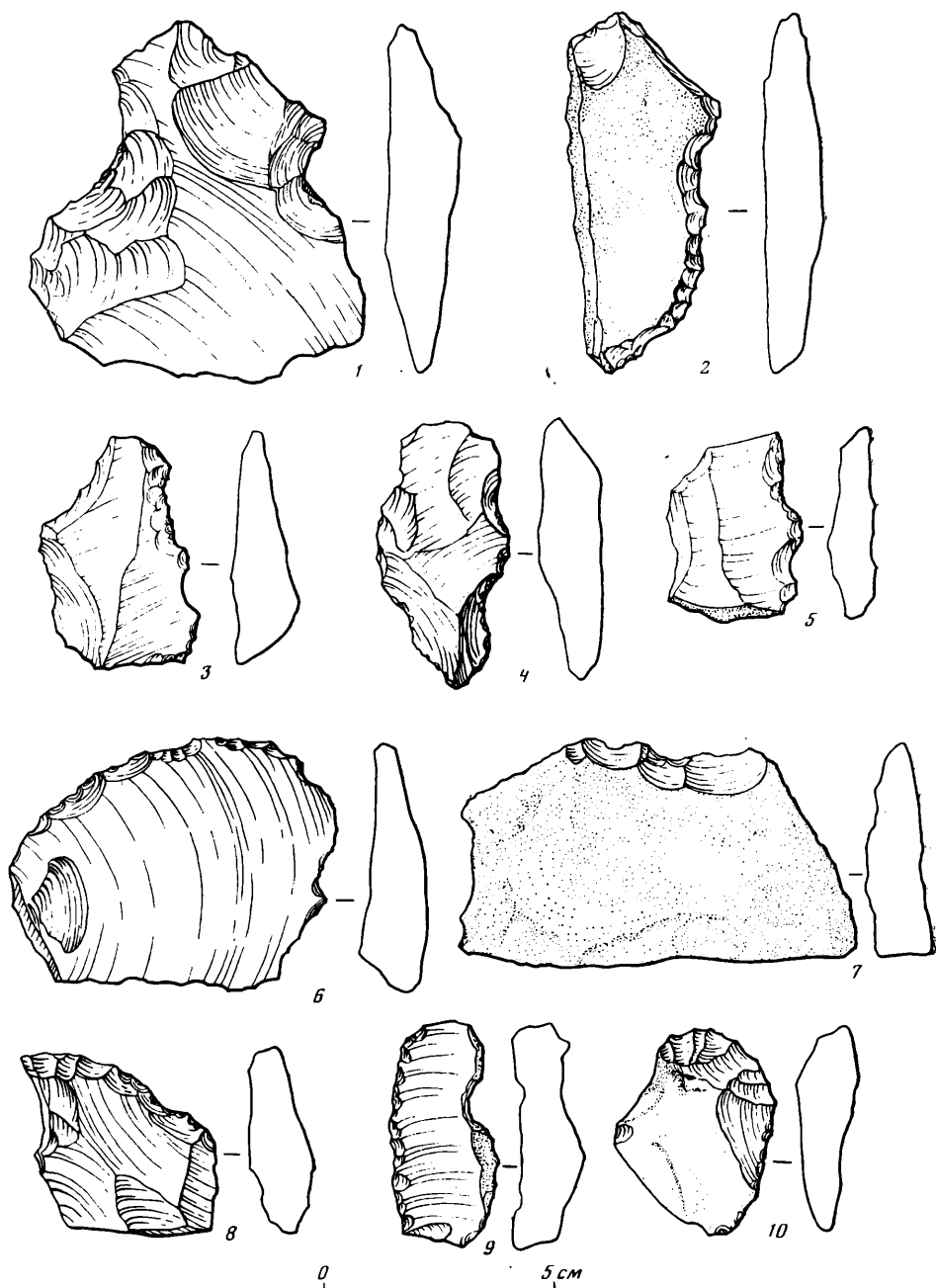

Рис. 2. Местонахождение Га-Куш. Орудия (1—10)

(рис. 2, 2). Интересно, что точно такая же по форме и размерам выемка имеется еще на одном изделии, где, однако, ею и исчерпывается рабочий край (рис. 2, 3). Неровное, зубчатое лезвие имеют два скребла, материалом для изготовления которых послужили куски плитчатого кремня (рис. 2, 7). Отметим, что такое сырье довольно часто использовалось для изготовления именно скребел и на других местонахождениях Джанака.

На крупном, массивном обломке кремня изготовлено орудие, несущее ряд мелких, невыразительных выемок (часть из них — результат утилизации), разбросанных на разных участках изделия, и одну круп-

ную, приуроченную к скребловидному, оформленному крутой ретушью лезвию.

Из других зубчато-выемчатых изделий отметим орудия, рабочий край которых образован двумя смежными клетонскими выемками и зажатом между ними клювовидным выступом. На обоих изделиях различимы макроследы утилизации (рис. 2, 4, 5).

Остальные орудия рассматриваемой группы представлены менее выразительными экземплярами, но во всех случаях искусственное происхождение выемок несомненно.

Кроме уже описанных зубчатых и выемчатых форм, в коллекции Га-Куша имеются 4 простых одинарных скребла с выпуклыми лезвиями. В трех случаях они изготовлены из отщепов овальной формы (рис. 2, 6), одно скребло имеет подтрапециевидные очертания (рис. 2, 8). Еще 5 скребловидных изделий имеют самые разнообразные, подчас довольно оригинальные формы. Среди них заслуживает отдельного описания подокруглое, крупное (диаметр около 9 см) орудие с острым выпуклым рабочим краем. Последний создан шестью крупнофасеточными снятиями со спинки и приострен подтеской (одна крупная фасетка) с брюшка.

Ножи с обушком представлены 3 экз. Заготовкой для одного из них послужил пластинчатый скол, для двух других — обломки с пластинчатыми пропорциями. Обушки у всех изделий естественные. В одном случае рабочий край оформлен с брюшка (рис. 2, 9); у самого же крупного из этих изделий один конец рабочего края оформлен с брюшка, другой — со спинки, а центр необработан и несет лишь ретушь утилизации. Всего же в коллекции ретушь с брюшка имеют 6 орудий, а три из них имеют двустороннюю ретушь. Двустороннюю ретушь имеет также одно из изделий из плитчатого кремня, для которого «спинка» и «брюшко» понятия неприменимые.

Кроме описанных изделий, в коллекции имеются еще два скребка (рис. 2, 10), 7 отщепов и неопределимых обломков с ретушью.

Нелеваллуазский, нефасетированный характер индустрии, специфическое сочетание категорий орудий (зубчато-выемчатые изделия, скребла, ножи с обушком, скрепки), большой удельный вес среди орудий зубчато-выемчатых изделий — эти особенности материалов Га-Куша делают их непохожими на материалы более восточных областей Средней Азии. Интересно, что в коллекции Га-Куша прослеживаются все три типа выемок, выделенных Ф. Бордом на материалах зубчатого мустье Франции: действительные выемки с частой ретушью, выемки клетонского типа, следы работы⁴. В. А. Ранов, отмечая исключительную редкость выемчатых форм в среднеазиатских памятниках, правда, усматривает все три указанных типа в Джар-Кутане, но рассматриваемые им изделия Джар-Кутана весьма маловыразительны — так характеризует их сам В. А. Ранов, об этом же говорят и приводимые им рисунки⁵. Мустье Га-Куша явно не попадает ни в одну из мустьерских фаций, выделенных В. А. Рановым⁶ для Средней Азии, не имеет сходства и с зубчатыми комплексами Кульбулака, насколько можно судить по скудным публикациям последних⁷. Что же касается самого Джанака, то инвентарь обоих, описанных В. П. Любиным местонахождений⁸, имеет определенное сходство с инвентарем Га-Куша. При этом, если для Кызыл-Буруна, индустрия которого является, по В. П. Любину, леваллуазской и фасетированной, это сходство состоит лишь в наличии зубчато-выемчатых изделий и совпадении их удельного веса среди орудий, то с Алам-Кулем Га-Куш сближают и технические характеристики заготовок. Индустрия Алам-Куля тоже является нелеваллуазской и нефасетированной⁹. Кроме того, и здесь широко представлены зубчато-выемчатые формы. Наконец, обратим внимание на почти полное тождество выпукло-вогнутого скребла из Алам-Куля¹⁰ и аналогичного орудия, описанного в настоящей работе (рис. 2, 2).

Алам-Куль помещается В. П. Любиным «в широкие рамки ашело-мустьерских памятников»¹¹, при этом выражается «сомнение в хроно-

логическом единстве этих материалов»¹². Учитывая территориальную близость Алам-Куля и Га-Куша и отмеченное сходство каменных индустрий этих памятников, можно допустить, что в данном случае мы имеем дело либо с двумя одновременными проявлениями одной традиции обработки камня (если комплекс Алам-Куля един, то он, несомненно, древнее), либо с двумя относительно синхронными ее проявлениями. Однако и в последнем случае наличие в комплексе Га-Куша таких орудий, как ножи с обушком и скребки, говорит о его более позднем возрасте.

Включение двух последних категорий изделий, обычных для верхнего палеолита, в мустьерский комплекс осуществлено не только на основании сходства сырья и состоянии поверхности этих артефактов с другими. Как известно, и ножи с обушком, и скребки встречаются в памятниках, относимых к развитому мустье. Для нас же здесь особенно важно наличие таких изделий на местонахождении Джахром (южная окраина Иранского плато). Пиперно, опубликовавший материалы этого памятника, не находит им близких аналогий, особенно подчеркивая их отличие от хорошо известного мустье Северного Ирана¹³ (кстати, В. А. Ранов по недоразумению приписывает итальянскому исследователю прямо противоположные взгляды и отвергает их)¹⁴. Пиперно отмечает нефасетированный характер индустрии, «практическое отсутствие леваллуазской техники», отсутствие остроконечников¹⁵. Если же принять во внимание обилие в коллекции Джахрома зубчато-выемчатых форм в сочетании с верхнепалеолитическими типами¹⁶ (при этом Пиперно на основании анализа сырья и патины настаивает на однородности комплекса), то напрашивается вопрос о природе сходства этих памятников.

¹ Мурзаев Э. М. Физико-географическое описание//Геология СССР, 1957. Т. 22, ч. 1.

² Любин В. П. Палеолит Туркмении//СА. 1984. № 1. С. 37.

³ Там же. С. 36—42.

⁴ Bordes F. Typologie du Paleolithique ancien et moyen//Publications de l'Institut de Prehistoire de l'Universite de Bordeaux. 1961. P. 35. M. 1.

⁵ Ранов В. А. Каменный век Таджикистана: Палеолит. Душанбе, 1965. Ч. I. Табл. 4. Рис. 3. Табл. 8. Рис. 1, 2.

⁶ Ранов В. А., Несмеянов С. А. Палеолит и стратиграфия атропоегена Средней Азии. Душанбе, 1973; Ранов В. А. Zentralasien//Forschungen zur Allgemeinen und Vergleichenden Archaologie. 1984. Bd. 4.

⁷ Касымов М. Р. Многослойная палеоли-

тическая стоянка Кульбулак в Узбекистане//МИА. 1972. № 185.

⁸ Любин В. П. Палеолит Туркмении... С. 36—42.

⁹ Там же. С. 40.

¹⁰ Палеолит Туркмении... Рис. 8—4. С. 41.

¹¹ Любин В. П. Палеолит Туркмении... С. 42.

¹² Там же. С. 38.

¹³ Piperno M. Jahrom, a middle palaeolithic site in Fars: Iran//East and West. p. s. 1972. Vol. 22, N 3. P. 195; Piperno M. Upper palaeolithic cave in Southern Iran: Preliminary report//East and West, p. s., 1974. Vol. 24, N 12. P. 10.

¹⁴ Ранов В. А. Палеолит переднеазиатских нагорий//Палеолит Ближнего и Среднего Востока. Л., 1978. С. 214.

¹⁵ Piperno M. Jahrom... P. 193.

¹⁶ Ibid. P. 193—195.

С. А. ВАСИЛЬЕВ

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА У ПОС. МАЙНА

За последние годы в результате работ, проводимых Саяно-Тувинской экспедицией ЛОИА АН СССР под руководством С. Н. Астахова на Верхнем Енисее, открыт ряд палеолитических памятников¹. Основная часть древних поселений располагалась по правому берегу Енисея, в долинах рек Сизая и Голубая. Не менее интересные находки были сделаны и на левобережье. Автором в 1980 г. открыта стоянка «Майнинский Лесозавод», расположена к югу от пос. Майна. В 1981—1983 гг. здесь собран

подъемный материал, в 1982 г. были открыты выходы культурного слоя. В настоящее время остатки стоянки полностью уничтожены при сносе домов существовавшей здесь деревни Усть-Уй. Коллекция памятника передана в Минусинский краеведческий музей им. Н. М. Мартыанова.

Стоянка располагалась на участке II надпойменной террасы Енисея недалеко от реки. В этом месте Енисей, начиная от устьев рек Уй и Голубая, сворачивает к востоку, огибая обширное займище, на котором стоит пос. Майна. Горы (отроги Джойского хребта) отступают к западу и от устья р. Уй тянется участок II террасы, к которому приурочена многослойная Майнинская стоянка, расположенная в 1 км южнее.

Находки обработанного камня на описываемой стоянке встречались в промоинах и колеях дорог на поверхности террасы. Площадь распространения находок невелика и исчисляется несколькими десятками метров. В одном из обнажений на глубине около 0,2 м в желтом суглинке под современной почвой был виден выход культурного слоя. Небольшая глубина залегания не должна смущать, так как в настоящее время первоначальный рельеф местности настолько нарушен, что истинную стратиграфическую картину воссоздать невозможно.

Согласно геологическим схемам, образование покровных отложений II террасы Енисея относится к финалу плейстоцена (12—10 тыс. лет)². Соответственно может быть датирована и стоянка. Вероятно, она близка по времени верхним слоям стоянок Кантегир, Уй-1 и Майнинский.

Поскольку находки, извлеченные из обнажения и собранные на поверхности, аналогичны, ниже дается их общее описание.

Коллекция состоит из расколотой гальки, трех обломков галек, 14 обломков и осколков камня, шести ядрищ, четырех нуклеидных обломков, скола оживления нуклеуса, 11 первичных сколов, крупной пластины, фрагмента пластины, пяти пластинок, 62 отщепов, 39 чешуек и мелких отщепов, 11 орудий.

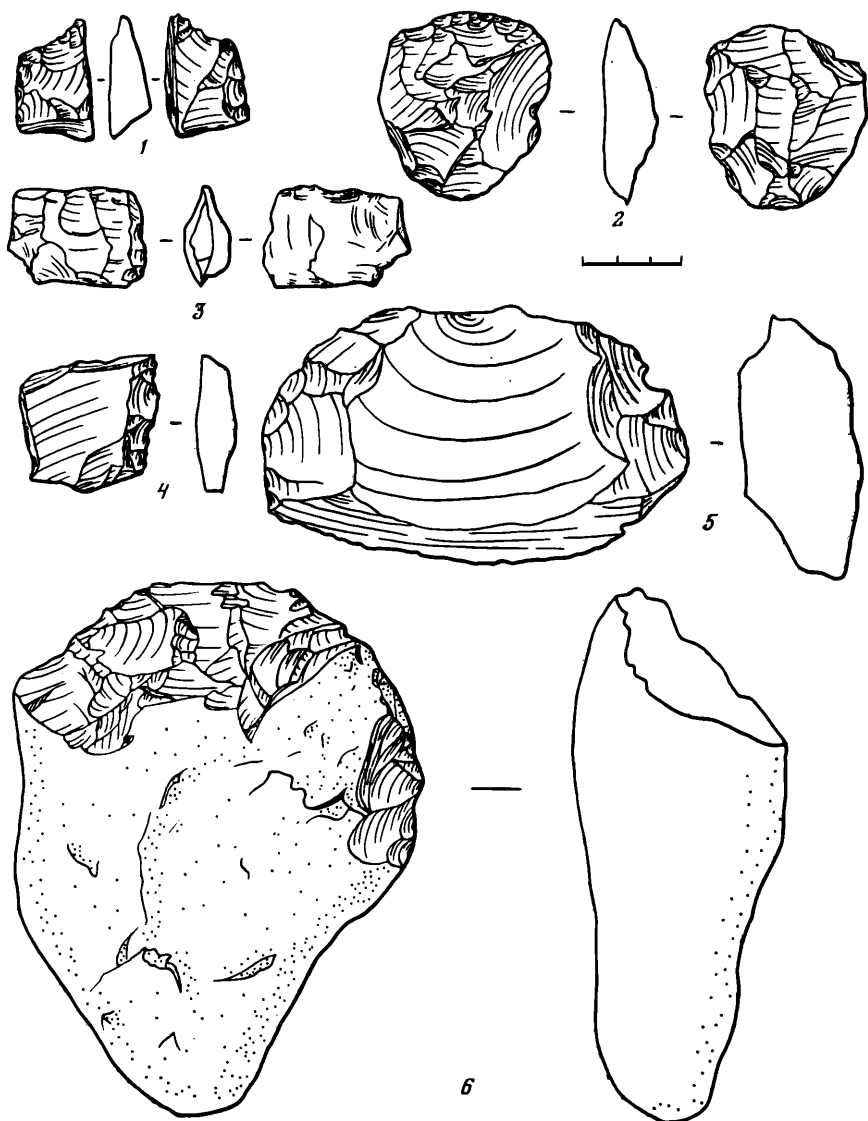
Сырье. Для изготовления орудий в основном применялись серые кварциты и черно-серые микрокварциты. Значительно реже встречаются изделия из серых микрокварцитов, мрамора и зеленовато-серых кремневых алевролитов.

Первичное раскалывание. Большинство нуклеусов одноплощадочные (5 экз.). Из них два ядрища со следами снятия лишь одного крупного отщепа на рабочей плоскости. Более крупное ядрище вытянуто в ширину, на рабочей поверхности имеются следы предварительной подправки нуклеуса с краев. Ударная площадка фасетирована и скошена к тыльной стороне предмета. По всем основным признакам этот нуклеус можно классифицировать как черепаховидный леваллуазский (рис. 1, 5). Сходен с ним и более мелкий нуклеус со скошенной площадкой и негативом снятия одного отщепа, но без следов боковой подправки. Два других одноплощадочных ядрища изготовлены из небольших обломков, снятие отщепов на них шло с плоской галечной поверхности на боковую сторону. Один нуклеус торцовый, со следами снятия пластины по торцу обломка гальки. Нижний конец его затесан с двух сторон, площадка образована двумя сколами, направленными от рабочего торца. Последнее ядрище представляет собой двусторонний диск (рис. 1, 2). Основной вид заготовок — отщепы, хотя есть и пластины. Все орудия изготовлены на отщепах. Преобладают массивные сколы с продольной или бессистемной гранкой спинки и гладкими площадками.

Вторичная обработка характеризуется применением крутой чешуйчатой ретуши и подтески.

В числе орудий имеется атипичный угловой резец на обломке и асимметричное острие на фрагменте пластины. Края его подработаны крутой ретушью.

Особо выделим прекрасный образец острия на отщепе. Острие создано на дистальном конце изделия, а боковой прямой край его несет следы бифасиальной отделки (рис. 1, 1). Долотовидное орудие одно, сделано на продольных краях отщепа путем нанесения бифасиальной под-

Рис. 1. Каменный инвентарь стоянки Майнинский Лесозавод

1 — острие; 2, 5 — нуклеусы; 3 — долотовидное орудие; 4 — скребло; 6 — галечное орудие

тески (рис. 1, 3). Есть в коллекции крупное клювовидное орудие на поперечном крае отщеп. Скребки представлены невыразительным изделием на отщепе. Найдены три скребла. Первое из них продольное выпуклое на массивном отщепе с крутым рабочим краем, от края на поверхность брюшка нанесен уплощающий скол. Второе скребло — продольное прямое с извилистым рабочим краем и обушком-обломом на отщепе (рис. 1, 4). Последнее орудие этого класса — мелкое подтреугольное скребло на отщепе. Выпуклый рабочий край его создан чешуйчатой ретушью на брюшке.

Галечных орудий два. Первое изготовлено на удлиненной галечке. Сильно выпуклое лезвие орудия обработано грубыми сколами, а вытянутая галечная пятка создает хорошую рукоять для работы (рис. 1, б). Второе орудие имеет прямой рабочий край.

Небольшая, но выразительная коллекция со стоянки «Майнинский Лесозавод» имеет прямые аналогии в инвентаре ближайшей к ней Май-

нинской стоянки (леваллуазские ядрища, удлиненные долотовидные орудия, скребла и др.)³. Как и Майнинская стоянка, памятник у «Лесо-завода» относится к афонтовской культуре палеолита Енисея.

¹ Астахов С. Н. Изучение палеолита верховьев Енисея Саяно-Тувинской экспедицией//Древние культуры Евразийских степей. Л., 1983. С. 12—17.

² Цейтлин С. М. Геология палеолита Северной Азии. М., 1979. С. 93—145.

³ Васильев С. А. Палеолитические стоянки в зоне строительства Майнинской ГЭС на Енисее//Древние культуры... С. 18—20.

Н. Ф. ЛИСИЦЫН

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК АЕШКА 3

В окрестностях д. Аешка (Новоселовский р-н Красноярского края) на берегу Енисея и на склонах низких террас неоднократно собирался подъемный материал. В 1966 г. здесь были исследованы две разновременные двухслойные палеолитические стоянки, находящиеся ныне на дне Красноярского водохранилища¹. В 1977 г. автором ниже по течению реки на склоне небольшой горной котловины открыт новый палеолитический памятник Аешка 3.

В настоящее время котловина представляет залив, ограниченный с севера горным хребтом, с юга возвышенностью, покрытой чехлом покровных отложений. Между северной и южной границами залива расположены два оврага, спускающиеся к берегу водохранилища с западных склонов котловины. Сборы каменных изделий производились на правом борту более южного лога, на пологом склоне возвышенности. Каменный инвентарь найден на разрушенной площади стоянки под обнажением высотой в 0,5 м. Стратиграфия (сверху вниз): 1) дерн и интенсивно черный гумус — 0,32 м; 2) гумусированный суглинок — 0,1 м; 3) красноцветный тяжелый суглинок.

Разрушение берега у д. Аешка по сравнению с другими участками побережья Красноярского водохранилища очень незначительно. Котловина здесь защищена от господствующих ветров, а в узком и длинном заливе гасятся высота и сила волн. Кроме того, довольно пологий склон, сложенный не из супесей, а тяжелых суглинков, меньше подвержен размыву, чем крутые скаты. Перечисленные особенности оказали большое влияние на процесс разрушения отложений и, несмотря на отсутствие фауны и стратифицированных находок, доставили дополнительные сведения о характере памятника и его возрасте в рамках палеолита.

Возможность привязки подъемного материала к литологическим слоям основывается на следующих наблюдениях: 1) разрушенный участок стоянки — это часть пахотного поля, на поверхности которого не встречено каменных изделий, что дает основание считать глубину залегания культурного горизонта ниже глубины вспашки плугом (0,25—0,30 м); 2) возраст красноцветного суглинка, который залегает намного ниже наиболее древнего на берегу водохранилища культурного горизонта стоянки Тарачиха², позволяет усомниться в расположении находок местонахождения Аешка 3 в кровле этого слоя; 3) наиболее вероятно залегание расщепленного камня в слое гумусированного суглинка, что говорит о позднем в пределах палеолита возрасте коллекции Аешка 3. Положение находок в верхах покровных отложений высоких террас близко стратиграфии финальнопалеолитической стоянки Чегерак³.

На местонахождении Аешка 3 встречены два скопления, расположенные на расстоянии 40 м друг от друга. Между этими пунктами находок нет. На первом из них, расположенном к северу, обнаружена песчанико-

вая плита со следами использования ее в качестве наковальни. Вокруг плиты была сосредоточена основная масса изделий, а отдельные находки не выходили за пределы площади 10×10 м. Расколотый камень на втором скоплении располагался более или менее равномерно на площади 10×15 м. В планиграфическом отношении изделия имели непо потревоженный вид, что связано с постепенным вымыванием и уносом в акваторию водохранилища легких покровных отложений и сохранением более тяжелого камня на месте.

По характеру сырья, технике первичного расщепления и набору орудий коллекции с двух пунктов стоянки Аешка 3 из сборов 1977—1978 гг. идентичны и рассматриваются вместе. Найдено 372 отщепов, 95 микроотщепов, 46 обломков, 105 пластин, 14 галек в начальной стадии обработки, 1 нуклеидный скол, 8 нуклеидных осколков, 22 нуклеуса, 22 орудия. Сырье: кремнистые породы зеленого и серого цвета, очень редко кварцит и яшма.

Техника первичного расщепления. Среди отщепов краевые сколы составляют 12,6%, полукраевые — 19,9%, без галечной корки — 67,5%. Среди пластин соотношение соответственно 3,8%, 42,9%, 53,3%. В коллекции отщепов преобладают изделия, у которых на спинке прослеживаются негативы нескольких, часто не параллельных снятий, образующих сложную ограниченную поверхность. У пластин наоборот больше всего сколов с треугольной в сечении формой (65,7%), на втором месте — с трапециевидной огранкой (21,9%). Немногочисленны сложноограненные (8,6%) и краевые (3,8%) пластины. Судя по коллекции отщепов и пластин, скальвание заготовок производилось в основном с гладких неретушированных ударных площадок.

В группе нуклеусов имеется 13 торцовых ядрищ, 2 одноплощадочных, 5 двухплощадочных, 2 трехплощадочных. На местонахождении не встречены микропластинки, но значительная группа ядрищ торцового скальвания свидетельствует о широком их изготовлении. Эти нуклеусы имеют разную степень сработанности и представлены в основном подчетыреугольными в плане формами с прямыми или слегка скошенными к тыльной стороне ударными площадками. Среди торцовых ядрищ можно выделить два типичных клиновидных изделия с двусторонней подработкой основания и тыльной части. Особняком стоят два нуклеуса. Очень своеобразно выглядят полностью использованное изделие из серого кварцита с резко скошенными ударной площадкой и основанием (рис. 1, 6). Интересно ядрище, переоформленное из одноплощадочного использованного до предела нуклеуса, у которого с двух торцов скальвались не микропластинки, а небольшие пластинчатые заготовки (рис. 1, 9). В целом группа нуклеусов торцового скальвания характеризуется неустойчивостью форм, слабой вторичной подправкой основания и тыльной стороны.

К одноплощадочным ядрищам отнесены гальки из серого кварцита со скошенными гладкими ударными площадками и немногочисленными сколами на одной плоскости. У односторонних двухплощадочных форм, представленных изделиями со скальванием во встречном направлении, тыльная сторона сохраняет галечную корку. Выделяется нуклеус из зеленоватого кварцита, который можно отнести к двусторонним (рис. 1, 7).

Особого описания требуют два трехплощадочных ядрища. Первое из них — обычное двухплощадочное изделие, на боковой стороне которого (после полной утилизации) сформирована еще одна гладкая ударная площадка; с этой площадки снято несколько отщепов в поперечном (относительно длинной оси гальки) направлении. Другое ядрище из массивной гальки сохранило на одной плоскости негативы снятий отщепов в продольно-поперечном направлении, на противоположной — в продольном. Следует отметить незначительное использование этого нуклеуса и наличие серии неудачных сколов.

Орудия. Среди орудий имеется 4 скребка, 9 скребел, 3 острия, 5 отщепов с ретушью, 1 отбойник. Скребки все концевые. Наиболее показат

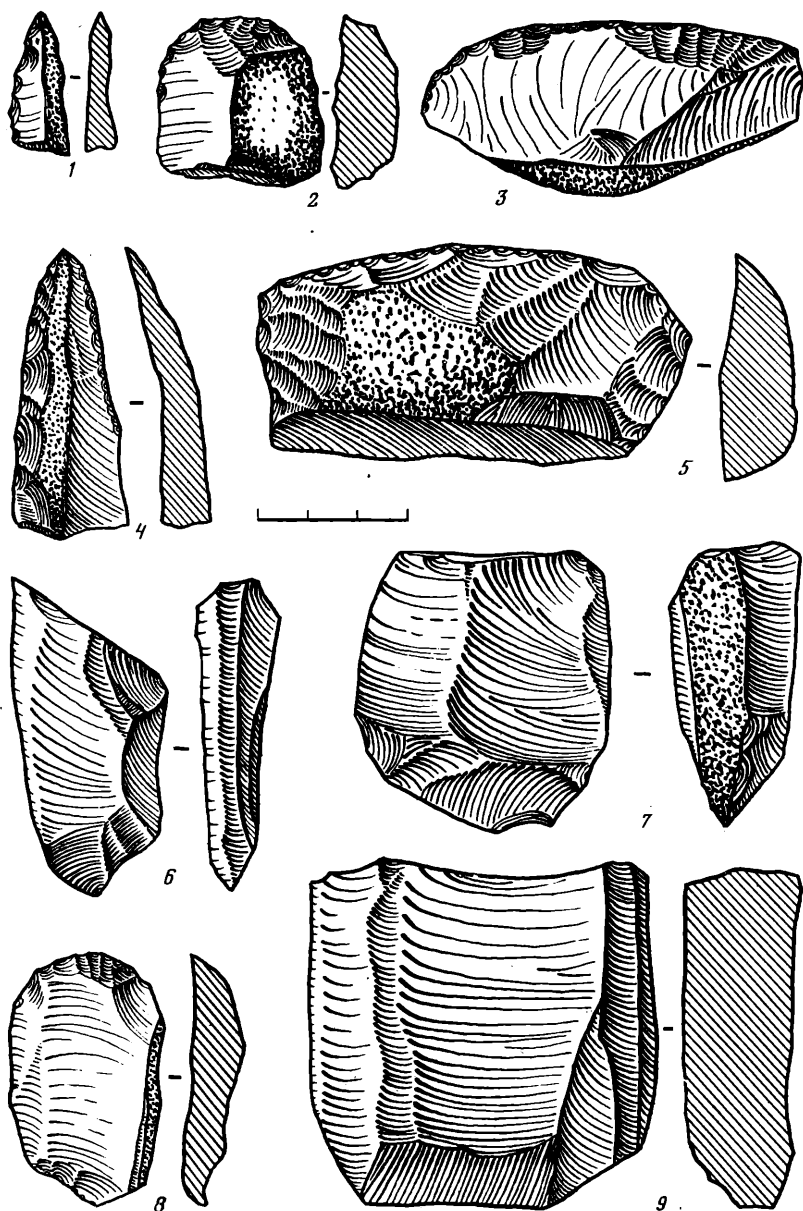

Рис. 1. Каменный инвентарь местонахождения Аешки 3

1, 4 — острия; 2, 8 — скребки; 3, 5 — скребла; 6, 7, 9 — нуклеусы

телен скребок на фрагменте пластинчатого отщепе или пластины серого цвета с тщательно обработанным дугообразным рабочим краем (рис. 1, 2). Аналогично оформлено лезвие у второго изделия (рис. 1, 8). Два других орудия на пластинах темно-зеленого кварцита имеют частично ретушированные рабочие края. Скребла очень аморфны и не образуют устойчивую стандартную группу. Можно отметить скребло-нож треугольной формы с естественным обушком (рис. 1, 3). Заслуживает упоминания орудие на подчетыреугольном массивном отщепе со слегка выпуклым рабочим краем (рис. 1, 5). Остальные орудия этой группы: невыразительное скребло на использованном нуклеусе, три боковых скребла на краевых пластинчатых отщепе, крупное овальное орудие на отщепе с зигзагообразным выемчатым лезвием, двойное с конвергентными рабочими краями на краевом сколе и скребло на краевом отщепе,

которое по форме близко концевым сребкам, но выделяется своими размерами. Острия представлены обломками: фрагмент верхней части на пластине треугольной формы (рис. 1, 4), небольшой обломок на пластинке, у которой подправлен ретушью только один край (рис. 1, 1), нижняя часть остроконечника (?) с суженной выпуклой базой. Среди отщепов с нерегулярной ретушью выделяются два орудия, которые близки по размерам к пластинчатым формам. Упомянем, наконец, отбойник из плоской округлой гальки со следами вмятин, точечных ударов и забитости зигзагообразного рабочего края, расположенного по диаметру изделия.

Оба скопления находок на местонахождении Аешка 3 являются, вероятно, рабочими площадками, расположенными в необычных условиях — вдалеке от берега Енисея на склоне высокой террасы. Сырье на эти пункты доставлялось с пляжа реки. В коллекции каменных орудий преобладают в основном изделия сломанные или незавершенные обработкой, ассортимент которых очень ограничен. Немногочисленность отходов производства может говорить о кратковременности остановок древних охотников на этих пунктах. Местонахождение Аешка 3 близко по времени к стоянкам Аешка 1, 2 и относится к финалу палеолита. Малочисленность коллекций орудий и нуклеусов этих трех памятников, залегание культурных остатков в литологических горизонтах различных террас, отсутствие фауны и радиоуглеродных дат не дают возможности точнее определить место третьего памятника в хронологической шкале палеолитических стоянок у д. Аешка.

Культурная принадлежность местонахождения Аешка 3 может быть определена на основе немногочисленных аналогий. Из стоянок на высоких террасах по инвентарю, в котором присутствуют концевые скребки, острия, скребла на пластинчатых отщепах, крупные клиновидные и призматические ядрища, материалу Аешки 3 наиболее близки коллекции стоянок Чегерак и Крутогорское⁴. Предполагается возможное отнесение местонахождения к кокоревской культуре на конечном этапе ее существования.

Недавнее открытие значительной группы финальнопалеолитических, мезолитических и неолитических памятников на горько-соленых озерах степной зоны Минусинской котловины⁵ позволяет рассматривать разновременные стоянки на высоких террасах Енисея как перевалочные базы при движении охотников с долины реки в глубь аридной зоны.

¹ *Абрамова З. А.* Палеолитические памятники у д. Аешка на Енисее//КСИА. 1969. Вып. 117. С. 31—37.

² *Абрамов З. А.* Палеолитическая стоянка Тарачиха на Енисее//КСИА. 1983. Вып. 173. С. 44.

³ *Лисицын Н. Ф.* Палеолитическая стоянка Чегерак//Палеолит Сибири. Новосибирск. 1983. С. 76—80.

⁴ *Лисицын Н. Ф.* Палеолитические стоянки в районе Батеневского края на Енисее//СА. 1980. № 3. С. 270, 271.

⁵ *Лисицын Н. Ф.* Краткие итоги работ Среднеенисейской экспедиции//Древние культуры Евразийских степей, Л., 1983. С. 68.

В. И. ТИМОФЕЕВ

ИЗДЕЛИЯ ИЗ КОСТИ И РОГА МЕЗОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ СОКОЛОК (Ленинградская область)

Стоянка Соколок открыта разведкой Ленинградского неолитического отряда ЛОИА АН СССР осенью 1982 г. В 1983—1984 гг. на ней были проведены стационарные работы, в ходе которых вскрыта площадь в 104 кв. м, получена довольно значительная коллекция изделий из кости, рога и камня¹.

Памятник расположен в Лужском районе, в южной части Ленинградской области, к северу от д. Соколок. Стоянка находится на южном берегу Соколовского озера, у подножия высокого, господствующего в рельефе холма—мыса древнего озера, на небольшой высоте (до 0,5 м) над уровнем воды. Следует отметить, что поверхность памятника освободилась от воды лишь в последние годы, после проведения в зоне Соколовского озера мелиоративных работ, значительно понизивших уровень воды в озере. Топография памятника в какой-то мере может объяснить почти полное отсутствие мезолитических памятников в Ленинградской области, где неолитические стоянки известны в значительном количестве².

Культурный слой — светло-желтый, мелкозернистый песок, мощностью 0,1—0,2 м, залегает непосредственно под дерном и подстилается слоем торфа, мощность которого не превышает 0,2—0,3 м. Под торфом залегает плотный, зеленоватого цвета алеврит, скорее всего, позднеледникового возраста. Перекрывающие культурный слой отложения были, очевидно, размыты при трансгрессии озера, на это, в частности, указывает то обстоятельство, что на некоторых прилегающих к стоянке участках практически вся толща голоценовых отложений отсутствует и алеврит залегает прямо под дерном. Культурный слой перемыт водами озера, в нем встречены в небольшом количестве поздние предметы, в частности отдельные фрагменты керамики железного века, средневековый браслет, а также три фрагмента неолитической керамики. Основной же комплекс находок типологически очень однородный, представлен выразительным набором мезолитического инвентаря. Хорошую сохранность костного материала (среди фаунистических остатков, по определению Н. М. Ермоловой, преобладают кости лося) обеспечило, очевидно, залегание под культурным слоем торфа.

Среди костяных изделий значительной серией представлены зубчатые острия или наконечники гарпунов (46 экз., учитывая все фрагменты). Почти все изделия с зубчатым краем — односторонние. Исключение составляет фрагмент наконечника гарпуна, треугольного в сечении, с отчетливо выраженным, заостренным насадом треугольной формы. Небольшие, редкие, клювовидной формы зубцы симметрично расположены по обеим сторонам изделия (рис. 1, 17). Представлены массивные острия с крупными, клювовидными зубцами, в их числе крупное, почти целое острие (кончик обломан) размерами 22×2,1 см (рис. 1, 18) и фрагмент сходного изделия, орнаментированного по одной из поверхностей двумя углубленными, зигзагообразными линиями³, а также два небольших обломка массивных, широких острий. Более тонкие, уплощенные в сечении орудия с редкими клювовидными зубцами (рис. 1, 16) представлены пятью экземплярами, в их числе два «настоящих» наконечника гарпунов⁴ с выделенным насадом. Имеется шесть острий с мелкими, часто расположенными зубцами. Одно из них целое, овальное в сечении, размеры его — 19×1,9 см, зубцы занимают чуть больше половины длины края изделия (рис. 1, 21). Острий с мелкими, редко расположенными зубцами — три (рис. 1, 22). Крупными фрагментами представлены 3 экз. массивных острий или наконечников гарпунов (основание всех этих изделий обломано) с редкими, тупыми зубцами (рис. 1, 15). Остальные зубчатые острия или наконечники гарпунов представлены обломками заостренных концов изделий, средних частей (среди последних имеются два фрагмента орудий с очень мелкими зубцами или зарубками по краю, рис. 1, 11), двумя обломками тыльной части наконечников гарпунов с выделенным насадом. Имеются также 4 обломка заготовок с незавершенными зубцами, что свидетельствует об изготовлении этих орудий непосредственно на месте стоянки.

Наконечники стрел немногочисленны. Среди них обломок наконечника «шигирского типа», видимо, имевшего длинный черешок, с конической головкой, резко утолщенной в средней части, расчлененной глубоким круговым желобком (рис. 1, 3), два наконечника, близких листовидным

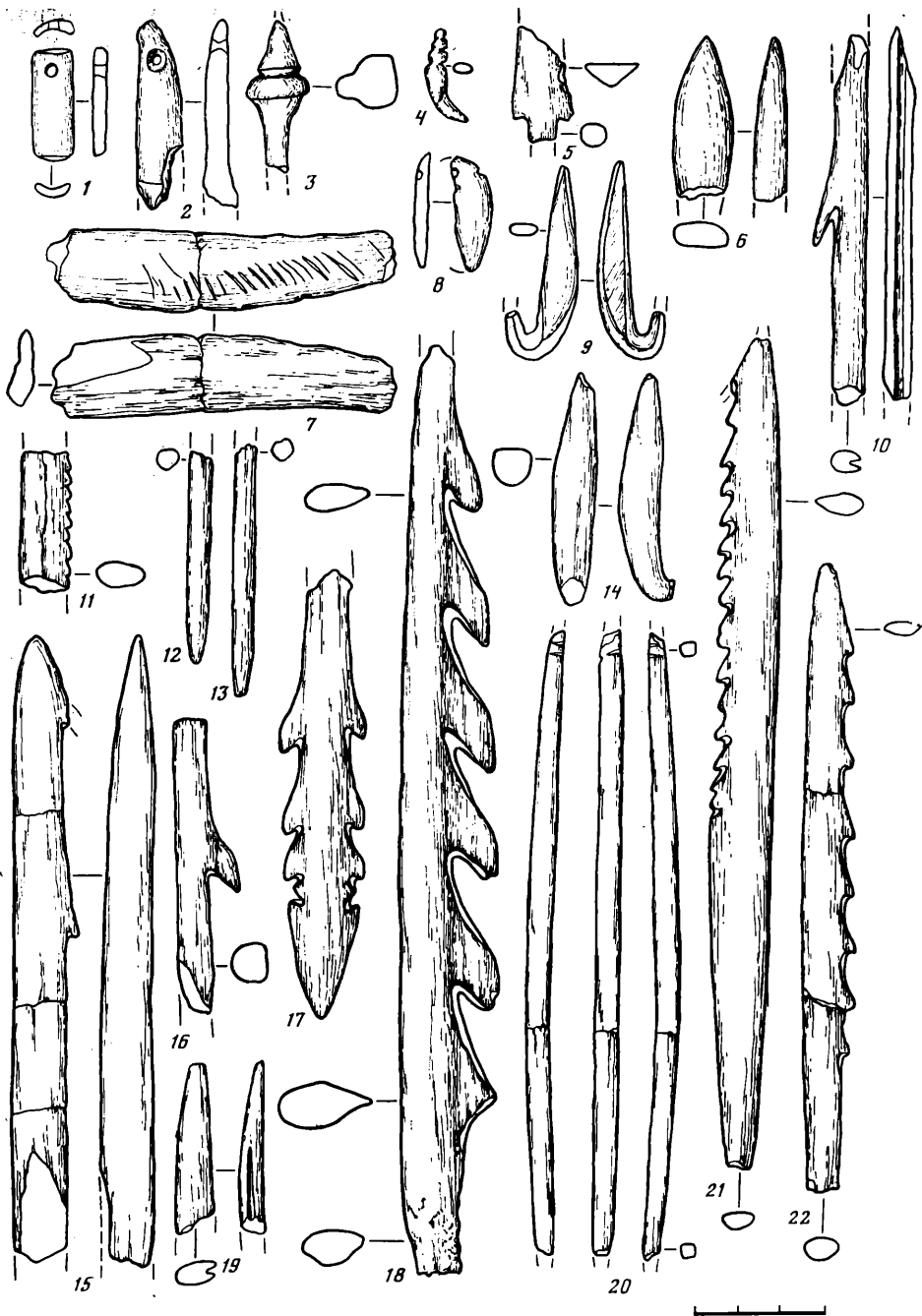

Рис. 1. Костяные изделия стоянки Соколок (1—22)

(рис. 1, 6), два фрагмента принадлежат, видимо, тонким, удлинненным игловидным наконечникам с уплощенным насадом⁵. Единичен обломок симметричного наконечника с длинным пером, выделенным черешком (рис. 1, 5), видимо, сходного с изделиями, сериями представленными в комплексах позднего-среднего этапов кундской культуры⁶.

Вкладышевые наконечники, так называемые «птичьи стрелы», представлены 5 экз. Все они фрагментированы. Пазы для вкладышей во всех случаях односторонние, расположены по одному краю орудия. У одного из них по второму краю были расположены тонкие, редкие, клювовидные зубцы (рис. 1, 10). Подобная форма в материалах стоянок Северо-Запада европейской части СССР встречается редко, сходные изделия

можно отметить в материалах Нижнего Веретья 1⁷ и Оленеостровского могильника⁸. Существенно, что вкладышевые изделия в Восточной Прибалтике встречаются лишь в мезолитических комплексах и уже в материалах раннеолитических памятников полностью отсутствуют.

Большой серией (61 экз.) представлены обломки изделий, изготовленных из трубчатых костей, в большинстве довольно тонких. Среди них имеются, очевидно, принадлежащие орудиям разных типов — остриям и наконечникам гарпунов с редко поставленными зубцами, наконечникам стрел, близким игловидным, изделиям типа проколок (рис. 1, 12, 13).

Среди других костяных орудий имеются «пешни» из массивной трубчатой кости, орудие типа струга из крупной, продольно расчлененной трубчатой кости, с выделенной сколами рукояточной частью, фрагмент массивного, треугольного в сечении наконечника копья или «гладкого острия», пять экз. «костяных скребков», или тесел, из довольно широких, продольно расчлененных трубчатых костей, с пришлифованным лезвием (у двух из них лезвие расчленено довольно глубокими поперечными нарезками) и заготовка подобного изделия — широкая пластина продольно расчлененной, широкой и толстой трубчатой кости. Следует отметить находки двух костяных рыболовных крючков, один из них массивный в сечении, второй тонкий, уплощенный (рис. 1, 9, 14).

Среди костяного инвентаря имеются серии украшений — подвесок, в их числе подчетыреугольной (4 экз.) и овально-удлиненной (рис. 1, 8) (1 экз.) формы, изготовленные из плоских, тонких кусочков кости, с отверстием близ края изделия, находящие наиболее близкие параллели в материалах Нижнего Веретья 1⁹ (рис. 1, 1, 8) и широко распространенного типа, изготовленные из резцов преимущественно лося, с отверстием, образованным двусторонним сверлением (рис. 1, 2) или симметрично расположенными зарубками для привязывания (рис. 1, 4).

Имеется несколько орнаментированных изделий: в их числе отмеченный выше фрагмент крупного наконечника гарпуна, тонкая костяная пластина (размерами 1,8×7,9×0,4 см), украшенная рядом глубоких, удлиненных, наклонно расположенных параллельных нарезок (рис. 1, 7), а также обломок эпифиза с глубокими нарезками, образующими подтреугольные фигуры. Имеется также несколько обломков изделий из трубчатых костей со следами насечек по одному или обоим краям.

В коллекции представлены также куски кости и рога со следами срезов или залощенности. Следует отметить, что техника распила кости и рога, хорошо известная по материалам раннеолитических комплексов нарвской культуры¹⁰, распространенной, судя по результатам наших работ 1982—1984 гг. и на юге Ленинградской области (стоянки на Сяберском озере, Мерево 2) населению, оставившему охарактеризованный комплекс костяного и рогового инвентаря, известна не была.

В настоящее время на обширных пространствах северо-запада лесной зоны мезолитические памятники, давшие обильный и выразительный костяно-роговой инвентарь, изучены в Восточной Прибалтике (Восточной Латвии и Эстонии), где на многочисленных материалах памятников, относящихся к разным этапам мезолита, разработано детальное типолого-хронологическое подразделение костяных и роговых изделий¹¹, и в Восточном Прионежье, где С. В. Ошибкиной в последние годы в широких масштабах изучены торфяниковые памятники типа Нижнего Веретья¹². Памятники кундской культуры Восточной Прибалтики и комплексы Восточного Прионежья имеют ряд общих черт в костяно-роговом инвентаре, что С. В. Ошибкина обоснованно объясняет единством происхождения оставившего их мезолитического населения¹³.

К этому же кругу мезолитических памятников относится и охарактеризованный выше комплекс стоянки Соколок, дающий первое представление о костяной индустрии мезолита обширной территории, расположенной между памятниками кундской культуры Эстонии и памятниками типа Нижнего Веретья. Практически все основные типы костяных изделий Соколка находят аналогии в материалах культуры Кунда. При со-

поставлении с хронологической шкалой, разработанной на восточно-прибалтийских материалах¹⁴, инвентарь стоянки более близок к комплексам, датируемым бореальным климатическим периодом, т. е. не к самым ранним памятникам кундской культуры. В то же время можно отметить, что в инвентаре стоянки еще очень мало форм, характерных для комплексов позднего мезолита (в частности, лишь одним экземпляром представлен наконечник с выделенным черешком (рис. 1, 5), полностью отсутствуют наконечники с одним длинным зубцом). В целом стоянку Соколов можно отнести к средним этапам кундской культуры, фиксируя распространение этой культуры на территорию, где ранее мезолит был неизвестен.

- ¹ Тимофеев В. И. Разведки памятников каменного века в Ленинградской области//АО 1982 г. М., 1984. С. 33. Работы 1983 г. были проведены совместно с Н. Н. Гуриной.
- ² Гурина Н. Н. Древняя история северо-запада европейской части СССР//МИА. М.; Л. 1961. № 87. Кроме того, разведками Ленинградского неолитического отряда ЛОИА АН СССР, проведенными в 1982—1984 гг., было открыто еще около 20 неолитических памятников.
- ³ Тимофеев В. И. Новые находки мезолита и раннего неолита в Ленинградской области//Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л., 1935. С. 11, 12. Рис. 1.
- ⁴ Т. е. наконечники, имеющие специальный насад. См.: Гурина Н. Н. Оленеостровский могильник//МИА. М.; Л. 1956. № 47. С. 65.
- ⁵ Тимофеев В. И. Новые находки мезолита и раннего неолита в Ленинградской области//Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л. С. 12. Рис. 1, 3.
- ⁶ Кольцов Л. В. Финальный палеолит и мезолит Южной и Восточной Прибалтики. М., 1977. С. 131. Рис. 33 (тип. 17 по Д. Г. Кларку).
- ⁷ Ошибкина С. В. Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М., 1983. Табл. 37.
- ⁸ Гурина Н. Н. Оленеостровский могильник... Рис. 48.
- ⁹ Ошибкина С. В. Мезолит... Табл. 58.
- ¹⁰ Гурина Н. Н. Из истории древних племен западных областей СССР//МИА. Л. 1967. № 44. С. 124—135.
- ¹¹ Загорская И. А. Костяные и роговые острия и гарпуны каменного века из Восточной Прибалтики//Орудия каменного века. Киев, 1978. С. 122—135.
- ¹² Ошибкина С. В. Мезолит...
- ¹³ Там же. С. 269.
- ¹⁴ Загорская И., Загорский Ф. Мезолит Латвии//КСИА. 1977. Вып. 149. С. 69—74. Рис. 2.

А. А. ВЫБОРНОВ

СТОЯНКА ЗИАРАТ 1 В УСТЬЕ Р. БЕЛАЯ

Памятник был открыт экспедицией О. Н. Бадера в 1956 г.¹ Стоянка находится в Краснокамском районе БашАССР, на правом берегу р. Белая и расположена на второй надпойменной террасе южного берега озера Сауз к юго-западу от с. Саузово. В 1981 г. новостроечной экспедицией Куйбышевского пединститута раскопом в 200 кв. м была исследована основная часть памятника². Под пашней мощностью 0,2 м залегал серый песок — культурный слой мощностью 0,25—0,3 м, подстилавшийся материковым песком белесого цвета. Раскопки велись по квадратам 2×2 м горизонтальными зачистками. Сооружений и ям не обнаружено. В культурном слое обнаружены лишь кремневые изделия (1210 экз.) и кости лося³. Хорошая сохранность культурного слоя подтверждается следующим наблюдением: на каждом квадрате в среднем обнаружено по 5 кремневых предметов.

Сырьем для изготовления орудий служил кремнь темно-серого (70%) и светло-серого (30%) цвета. Техника первичного раскалывания представлена аморфными кусками (32 экз.), осколками (217 экз.), первичными сколами (3 экз.), отщепами (192 экз.), ребристыми сколами (11 экз.), вторичными сколами (34 экз.), продольными сколами (26 экз.),

поперечными сколами (21 экз.), ножевидными пластинами без ретуши (539 экз.), нуклеусами и нуклеидными обломками (13 экз.).

Нуклеусы имеют призматическую форму (рис. 1, 1, 2). Их верхние площадки ровные, а нижние чуть сужены. Снятие пластин производилось по большей части окружности. Длина отщепов колеблется от 0,6 до 3,6 см, преобладая на 1,5 см, а средняя толщина равна 0,3 см. Длина вторичных сколов колеблется от 0,7 до 3,1 см, преобладая на 2,0 см, а средняя толщина равна 0,4 см.

Пластины без ретуши по ширине подразделяются на две группы: от 0,4 до 0,9 см — 287 экз., от 1,0 до 1,5 см — 252 экз. Средняя толщина 0,2 см, ширина 1,0 см, длина 1,7 см. Пластины без ретуши к отщепам от их общей суммы составляют 73%. Орудия в коллекции представлены 130 экз., что составляет почти 10% от общего числа предметов. Около 80% орудий изготовлено на пластинах. Среди них преобладают ножевидные пластины с пологой ретушью по продольным граням — 53 экз. Средняя длина пластин с ретушью равна 1,8 см, ширина 1,0 см, толщина 0,2 см. Представлено несколько вариантов расположения ретуши: по двум продольным граням спинки (рис. 1, 29), по одной грани спинки (рис. 1, 30—32), по одной грани на брюшке (рис. 1, 33), по двум граням на брюшке и одной на спинке (рис. 1, 34). Вторая по численности категория орудий — скребки — 28 экз. Лишь 6 из них изготовлены на отщепах (рис. 1, 9, 10, 13), а остальные на пластинах. Скребки на пластинах имеют среднюю длину 1,8 см, ширину 1,4 см, толщину 0,4 см, а на отщепах — длину 2,3 см, ширину 1,2 см, толщину 0,4 см. Все скребки относятся к концевому типу. Подавляющее большинство имеет округлый рабочий край. У некоторых скребков на продольных гранях имеется краевая ретушь (рис. 1, 5, 7, 8) или резцовый скол (рис. 1, 6).

Третья категория — резцы на углу сломанной пластины — 21 экз. Скол нанесен лишь по одной продольной грани (рис. 1, 14—25, 28). У некоторых экземпляров по продольным граням брюшка нанесена мелкая ретушь (рис. 1, 25, 28). К этой же категории орудий примыкают 16 пластин с резцовым сколом по продольной грани. Имеется два боковых резца с ретушью по поперечной верхней грани (рис. 1, 26, 27) и два микро-резца (рис. 1, 37, 38), у которых рабочая часть оформлена крутой ретушью. Две ножевидные пластины имеют на продольной грани отретушированную выемку и, видимо, являются скобелями (рис. 1, 39, 40). Интересны два скошенных острия (рис. 1, 42, 43). В единичных экземплярах представлены пластины с поперечно-ретушированным концом (рис. 1, 35), трапеция (рис. 1, 44), пластина со скошенным концом (рис. 1, 36), обломок наконечника стрелы (рис. 1, 41).

На мезолитический возраст стоянки указывает отсутствие керамики и двустороннеобработанных орудий в составе коллекции. Уместно напомнить, что памятник расположен на второй надпойме, что весьма характерно именно для мезолитических пунктов Предуралья⁴. Показателен и характер первичной обработки: значительный процент мелких ножевидных пластин и изделий на них. Специфичен и набор орудий: трапеция, боковые и микрорезцы, скошенные острия, пластины со скошенным, прямосрезанным концом.

Отсутствие таких форм, как косоплощадочные нуклеусы, срединные и полиэдрические резцы, сегменты и острия типа «перочинного ножа», свидетельствует о позднемезолитическом возрасте стоянки Зиарат 1.

Определение культурной принадлежности данного памятника осложняется особенностью его географического местоположения, поскольку он находится на стыке трех мезолитических культур: камской, которая находится к северу от устья Белой, романо-ильмуурзинской, — с юга, усть-камской — с запада. Преобладание среди орудий набора таких форм, как пластины с пологой ретушью, концевые скребки и резцы на углу сломанной пластины, сближают комплекс стоянки Зиарат 1 с такими памятниками камской мезолитической культуры, как Кама-Жулановская⁵ и Баринка⁶. Единичные находки скошенных острий, микрорезцов, пластин со

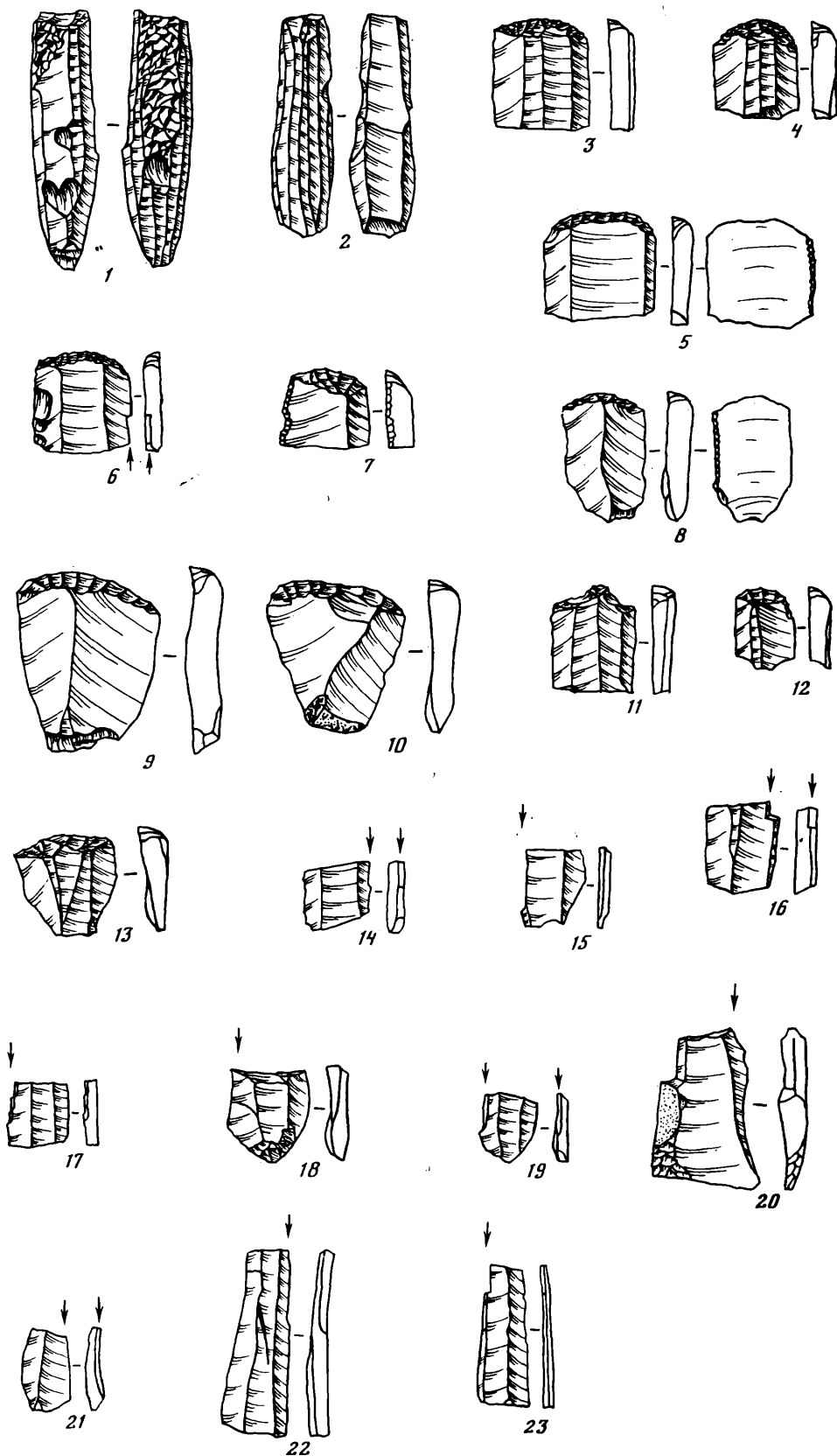
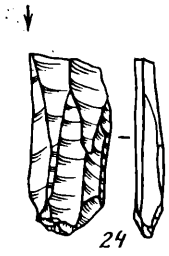
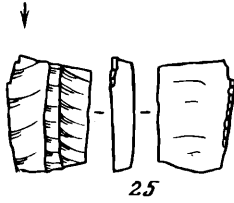

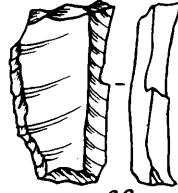
Рис. 1. Кремневые изделия стоянки Зиарат 1 (1—44)

24

25

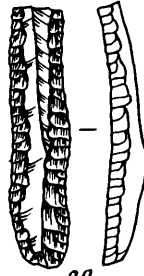
26

27

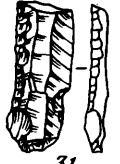
28

29

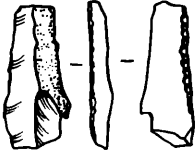
30

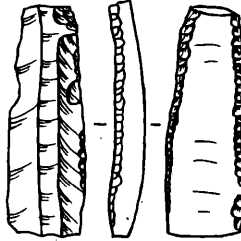
31

32

33

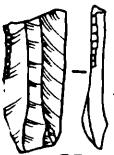
34

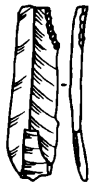
35

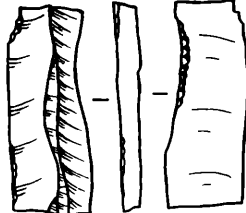
36

37

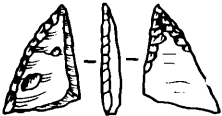
38

39

40

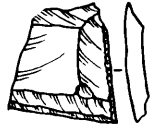
41

42

43

44

скошенным концом, наконечника стрелы отражают определенную связь с романо-ильмурзинской культурой⁷. Наличие боковых резцов, трапеции, пластины с прямосрезанным концом свидетельствует о контактах с устькамской культурой⁸. Наиболее близкими аналогами стоянке Зиарат I служат материалы памятников I и IV Татарский Азибей⁹ и Степинцы¹⁰.

¹ Бадер О. Н., Оборин В. А. Очерк работ Камской археологической экспедиции в 1955 и 1956 г./УЗПГУ. Пермь, 1960. Т. XII. Вып. 1. С. 11.

² Выборнов А. А. Работы Нижнекамской экспедиции//АО 1981 г., М., 1983. С. 142.

³ Определение А. Г. Петренко.

⁴ Матюшин Г. Н. Мезолит Южного Урала. М., 1976. С. 133.

⁵ Бадер О. Н., Тихонов Б. Г. Кама-Жулановская мезолитическая стоянка//УЗМГУ. М., 1954. Вып. 166. С. 93—109.

⁶ Гусенцова Т. М. Новые мезолитические поселения в междуречье Камы и Вятки//СА. 1981. № 3. С. 130—146.

⁷ Матюшин Г. Н. Мезолит Южного Урала. М. 1976. С. 155—159.

⁸ Косменко М. Г. Основные этапы развития мезолитических культур в Среднем Поволжье//СА. 1972. № 3. С. 3—16.

⁹ Косменко М. Г. О некоторых мезолитических памятниках Икско-Бельского междуречья//Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. Казань, 1981. С. 8—10. *Он же*. Итоги раскопок Татарско-Азибейской IV стоянки//Древности Икско-Бельского междуречья. Казань, 1978. С. 13—21.

¹⁰ Гусенцова Т. М., Голдина Р. Д. Поселение Степинцы II — памятник мезолитического времени в бассейне р. Лобань//Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья. Ижевск, 1977. С. 45—62.

Л. П. ХЛОБЫСТИН

НАХОДКИ БЛИЗ Г. САЛЕХАРД

На правом берегу р. Оби ниже г. Салехард находится урочище «мыс» Корчаги, большая часть которого занята песчаными карьерами. В одном из карьеров был найден ножичек листовидной формы (рис. 1, 8). В южной части, где начинается ненарушенный высокий берег, имеется узкий участок, ограниченный с юга оврагом, с севера — ложбиной, переходящей в карьер, а на западе круто обрывающийся к пойме Оби. Неповрежденный эрозией песчаный покров в глубине участка образует уступ. При обследовании Заполярной экспедицией ЛОИА АН СССР в 1976 г. в средней части этого уступа на поверхности были найдены фрагменты сосудов, каменные орудия, отщепы и угольки. Местонахождение названо Корчаги I—А.

На том же участке берега, недалеко от Корчаги I—А, ближе к Оби, обнаружено еще одно скопление находок — Корчаги I—Б. Здесь на поверхность из светло-желтого суглинка выступало несколько сколов. При раскопках оказалось, что в ямке округлых очертаний, размером 30×40 см, вырытой в суглинке на глубину 0,15—0,20 м, лежали изделия из камня: 38 нуклеусов, скребков, отщепов и сколов.

Встречено три скребка из черной кремнистой породы. Один длиной 2,1 см, шириной 1,9 см изготовлен из отщепа со следами снятия двух пластинок со спинки (рис. 1, 1). Скругленный рабочий край на противоположном ударному бугорку конце оформлен мелкофасеточной ретушью и сильно сработан. Ретушь заходит и на боковые края скребка, которые также использовались при скоблении. На левом краю, при пересечении с лезвием, имеется скол наподобие резцового. Второй скребок по форме и размерам напоминает первый, но с менее крутой ретушью на рабочем конце (рис. 1, 2). На боковых его краях наблюдаются следы сработанности. Третий скребок длиной 3,1 см, шириной 3 см, высотой 1,3 см из массивного скола подчетырехугольной формы (рис. 1, 3). Один его угол и прилегающие к нему края обработаны крутой ретушью, вследствие чего рабочая часть скребка высокая, сильно выпуклая.

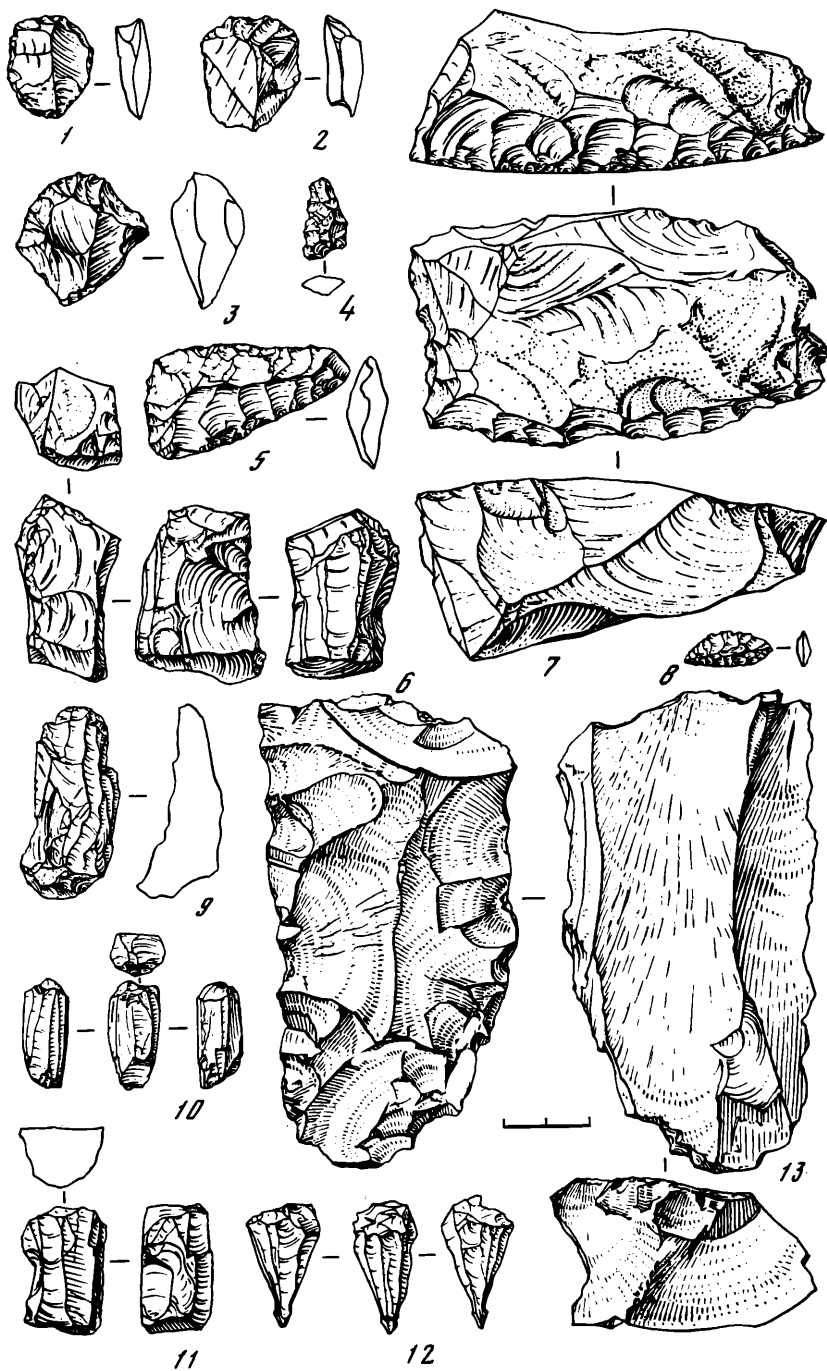

Рис 1. Каменные изделия с местонахождения Корчаги

1—3, 6, 7, 9—13 — Корчаги I—Б; 4, 5 — Корчаги I—А; 8 — Корчаги, случайная находка

Крупное скребловидное изделие из желвака красновато-коричневой кремнисто-сланцевой породы длиной 9 см, шириной 5 см, высотой 3,8 см, возможно, использовалось как скребло или в качестве нуклеуса (рис. 1, 7). Одна сторона его плоская, другая выпуклая, сохранившая частично природную поверхность желвака. Один край изделия спрямлен грубыми сколами, другой, выпуклый, оформлен сколами и подправлен мелкой ретушью как рабочее лезвие скребла. Конец изделия в его высокой части спрямлен крупными сколами и как бы подготовлен для скалывания пластин.

Нуклеусы представлены 5 целыми и 1 расколотым экземплярами. Три небольших нуклеуса сделаны из той же черноцветной породы кремня, что и скребки. Один из них (высотой 3 см) имеет конусовидную форму (рис. 1, 12). Другой (высотой 2,5 см) призматический, с четкими следами снятия тонких пластинок (рис. 1, 10). Третий нуклеус (высотой 2,8 см) фактически является заготовкой, так как с него только попытались скалывать пластинки, но порода кремня оказалась неудачной для этого и нуклеус, напоминающий по очертаниям призматический тип, больше не использовался (рис. 1, 11). Лишь частично был использован и четвертый нуклеус (высотой 3,5 см), для которого был употреблен кусок коричневой кремнисто-сланцевой породы с более окремнелыми прослойками, что и помешало его дальнейшей эксплуатации (рис. 1, 6). Пятый, расколотый нуклеус (высотой 4 см), по всей вероятности, был призматическим (рис. 1, 9). Сырьем для его изготовления послужила темно-серая кремнистая порода с трещиновидными прожилками, что и привело к расколу нуклеуса. Изогнутый острый край после этого был использован для скобления. В скоплении встречен также крупный нуклеус (высотой 11 см) из черного кремнистого сланца, относящийся к типу плоскоспинных: одна сторона его уплощена краевыми сколами, с другой — сняты крупные пластины (рис. 1, 13).

Следует отметить четыре небольших скола светло-серых яшмовидных пород, края которых местами подправлены ретушью, а острый угол одного из сколов использован, по-видимому, как провертка. Остальные находки — крупные и мелкие сколы и оббитые куски светло-серой кремнисто-сланцевой породы и расколотый желвак кварцита. Их поверхность ожелезнена.

Скопление, видимо, представляло запас сырья, зарытый для сохранения в землю. Ни в скоплении, ни вокруг него не было ножевидных пластинок, отделенных от нуклеусов. Они были унесены мастером, оставившим этот «клад». Для Севера Западной Сибири характерна малочисленность каменных изделий на стоянках, что объясняется недостатком кремневого сырья, пригодного для их изготовления. Поэтому, вероятно, так ценился даже плохой по качеству запас кремнистых пород, который был зарыт. Следует отметить, что изделия, найденные в пунктах А и Б, отличаются друг от друга как по типам, так и по сырью, из которого они изготовлены. Это может служить доводом в пользу рассмотрения этих пунктов находок как разновременных и разнокультурных.

Залегание скопления находок в пункте Б в светло-желтом суглинке, который в пункте А находится под слоем песка на глубине 65 см от поверхности, позволяет предполагать, что оно или было связано с углистой прослойкой и поэтому может датироваться третьей четвертью VI тысячелетия до н. э. или было более древним. Определение возраста комплекса Корчаги I—Б типологическим методом затруднено тем, что на севере Западной Сибири он является пока единственным набором изделий с признаками, сближающими его с сибирскими верхнепалеолитическими изделиями. Архаичность признаков позволила еще до получения радиоуглеродной даты высказать мнение о мезолитическом возрасте памятника¹. Некоторые аналогии этому комплексу, по типам скребков и нуклеусов, имеются среди материалов мезолитических памятников Среднего Зауралья, исследованных Ю. Б. Сериковым. Все это позволяет в настоящее время считать находки в пункте Корчаги I—Б оставленными мезолитическим населением.

В некоторых статьях автора было высказано мнение, что северные районы Западной Сибири были заселены сравнительно поздно, так как в атлантический период влажность климата превращала Западно-Сибирскую низменность, большая часть которой и сейчас заболочена, в труднопроходимый рубеж для этнических перемещений². Однако вдоль Уральского хребта есть территории с высокими гипсометрическими отметками, по которым люди, жившие в атлантический период, могли проникнуть далеко к северу, в район современного Салехарда, и поселиться

здесь на плоских поднятиях, носящих название «материки». Такие «материки» возвышаются над речными долинами и иногда тянутся на большие расстояния, подобно Обь-Полуйскому материку, на северном выступе которого — мысе Корчаги — и найдены следы пребывания мезолитического населения. В какой мере был заселен север Западной Сибири в атлантический период, покажут дальнейшие исследования.

¹ Хлобыстин Л. П. Работы на севере Западной Сибири//АО 1976 г. М., 1977. С. 249.

² Хлобыстин Л. П. О древнем заселении Арктики//КСИА. 1973. Вып. 136; Хлобыстин Л. П., Левковская Г. М. Роль

социального и экологического факторов в развитии арктических культур Евразии//Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. М., 1974.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АИЧПЕ — Ассоциация по изучению четвертичного периода Европы
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа
АО — Археологические открытия
БКИЧП — Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода
ВДИ — Вестник древней истории
ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМЖ — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
ЛЧИЭ — Ленинградская часть Института этнографии АН СССР. им. Н. Н. Миклухо-Маклая
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
СА — Советская археология
СМАЭ — Сборник Музея антропологии и этнографии. Л.
Тр. ГИМ — Труды Государственного исторического музея
УЗ МГУ — Ученые записки Молотовского государственного университета
УЗ ПГУ — Ученые записки Пермского государственного университета
Уч. зап. МГУ — Ученые записки Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

<i>М. В. Аникович</i> Новая антропологическая находка в с. Костенки. Археологический аспект	3
<i>В. Я. Сергин</i> . О сущности костенковско-авдеевских комплексов	8
<i>М. А. Иванова</i> . Опыт классификации сколов подправки ударных площадок нуклеусов	13
<i>Ю. А. Смирнов</i> . К вопросу о стратиграфической позиции детского погребения Киик-Коба 2	17
<i>П. Е. Нехорошев</i> . Сырье и нуклеусы мустьерской стоянки Ильская 1	22
<i>Г. В. Григорьева</i> . Некоторые микролитические орудия из позднепалеолитической стоянки Анетовка II	27
<i>Е. М. Колпаков</i> . Типологическое исследование афонтовской археологической культуры	32
<i>Д. Ю. Нужный, А. А. Яневич</i> . О хозяйственной интерпретации памятников кукрекской культурной традиции	38
<i>А. Н. Сорокин</i> . Культурные различия в мезолите бассейна р. Ока	41
<i>М. Г. Жилин, А. С. Фролов</i> . О датировке и культурной принадлежности стоянки Турынские Дворики	47
<i>Г. В. Симицына</i> . Заготовки нуклеусов неолитического поселения Усть-Белая на р. Ангаре	50

Полевые исследования

<i>В. Б. Дороничев, Л. В. Голованова</i> . Шаханская позднеашельская мастерская	56
<i>В. Е. Щелинский</i> . Новые находки раннепалеолитических изделий на мысе Кадош	62
<i>Л. М. Тарасов</i> . Мустьерское местонахождение Неготино в Руднянке	65
<i>Н. Н. Бойко</i> . К вопросу о кострищах стоянки Пушкари I	70
<i>З. А. Абрамова</i> . Новые исследования стоянки Юдиново I	72
<i>А. С. Фролов</i> . Стоянка Заозерье I на Москве-реке	75
<i>А. Е. Матюхин</i> . Палеолитическая мастерская Калитвенка I	83
<i>Л. Б. Вишняцкий</i> . Палеолитическое местонахождение Га-Куш в Туркмении	89
<i>С. А. Васильев</i> . Палеолитическая стоянка у пос. Майна	94
<i>Н. Ф. Лисицын</i> . Палеолитический памятник Аешка 3	97
<i>В. И. Тимофеев</i> . Изделия из кости и рога мезолитической стоянки Соколок (Ленинградская область)	100
<i>А. А. Выборнов</i> . Стоянка Зиарат I в устье р. Белая	104
<i>Л. П. Хлобыстин</i> . Находки близ г. Салехард	108
Список сокращений	111